

Юрій Миролобовъ

Достоевскій
и
революція

Юрій Мирлобовъ

Достоевскій и революція

Все права сохранены

© Copyright by

Mrs. J. Miroluboff

Heinrichsallee 35 ,Aachen

West Germany , 1979

Reprint from

Jar Ptiza

Monthly Magazine.

Достоевскій и революція

Несмотря на то, что Тургеневъ въ своемъ Базаровѣ далъ образъ «нигилиста» XIX-го вѣка, и что Гончаровъ въ «Обрывѣ» далъ тоже сходные типы, Достоевскому удалось столь точно начертить революціонные типы и такъ хорошо ихъ показать, что когда говорятъ о нашемъ великомъ писателѣ, всегда добавляютъ: «Достоевскій предсказалъ революцію и обрисовалъ ея дѣятелей».

Въ концѣ концовъ, все сводится къ Достоевскому, и о Тургеневѣ, Гончаровѣ и другихъ даже не упоминаютъ. Дѣло въ томъ, что ему удалось дать не только типы революціонеровъ, но главное, — идеи. Люди у него не столь люди, какъ идеи. Послѣднія же то, изъ чего выковалось революціонное настроеніе всего общества, а затѣмъ, на основаніи чего разыгралась и вся трагедія, длянцаяся понынѣ. Если рано еще подводить итоги революціи, то о типахъ, о ея дѣятеляхъ уже можно говорить. Они не столько совпадаютъ съ типами Достоевскаго, сколько охватываются послѣдними. Такъ, если Ленинъ не Ставрогинъ, то въ Ставрогинѣ цѣликомъ вмѣщается Ленинъ. Съ другой стороны, Верховенскій, типъ «добольшевицкаго большевика», выраженъ столь ясно, что въ немъ безъ труда можно видѣть аморализмъ воинственнаго матеріализма. Если въ революцію не нашлось Верховенскаго, то зато, каждый изъ большевиковъ въ нѣкоторомъ смыслѣ Верховенскій. Но каковы же типы, созданные Достоевскимъ?

Прежде всего, это — Бакуингъ-Ставрогинъ, Верховенскій, Липутинъ, Лямшинъ, Шатовъ, Кирилловъ и другіе.

Оговоримся, что вообще всѣ романы Достоевскаго и всѣ его герои, такимъ образомъ, уже несутъ въ себѣ если не разложеніе, то ту нѣкоторую черточку, которая позволитъ этому революціонному разложенію возникнуть. Такъ, въ «Преступленіи и Наказаніи» выведена фигура Лебезятникова, проповѣдующаго «несувѣтимаго теоріи», въ «Идиотѣ» — Фердыщенко, Лебедевъ, всѣ эти «укушенныя мухой самотерзанія», какъ Настасья Филипповна, въ «Игрокѣ» — Полина да и самъ Игрокъ, до нѣкоторой степени, нетверды морально, скользятъ внизъ, и имъ «не за что ухватиться». «Братья Карамазовы», начиная съ гаденькаго папаши Карамазова, лакея Смердякова, Ивана и Мити, всѣ начинены порохомъ «и когда-нибудь взорвутся!» Это тѣ отчаявшіеся люди, изъ которыхъ всегда происходятъ крайности. Считаюся только съ собой, они не знаютъ, не понимаютъ, не предвидятъ послѣдствій своихъ поступковъ, а потому приходятъ къ результатамъ совершенно неожиданнымъ для самихъ себя. Во многихъ случаяхъ виновно воспитаніе, не давшее твердой базы въ дѣтствѣ этимъ людямъ, въ другихъ — сами они эту базу «ниспроверг-

ли», въ третьихъ — ея не имѣли ни они, ни ихъ родители. Короче, ихъ можно назвать «натуральными людьми», то-есть, какъ ихъ родили на свѣтъ Божій голыми, такъ они голыми и остались на всю жизнь. Попытки перевоспитать себя они не проявляли, а кой-какое образованіе, ими полученное, не только не исправило, но даже углубило ихъ хаосъ духовный и отравило ихъ. Однако, будетъ величайшей ошибкой считать, что это только русскіе типы, въ Россіи возможные. Они есть вездѣ, и намъ приходилось ихъ встрѣчать не только среди европейцевъ, но и среди американцевъ. Это то, что называется въ Европѣ и Америкѣ «асоціальнымъ типомъ». Такъ какъ отъ типа «соціального», то-есть общественнаго, до типа «асоціального», то-есть анти-общественнаго, есть цѣлый рядъ градаций, то и типовъ Достоевскаго можно помѣстить между тѣми и другими. Они уже оторвались отъ общества, живущаго своими традиціями, но еще не пристали къ «анти-обществу», опровергающему эти традиціи. Они еще какъ бы на распутьи. Это — люди отчаявшіеся, раздраженные, извѣрившіеся, неустойчивые, ищущіе искусственнаго рая, или же непонимающіе, что абсолютнаго счастья, положенія, богатства, славы, чести — нѣтъ, и что есть будни во всемъ. Имъ же надо праздника! Обычно они не понимаютъ, что и сами они абсолютной цѣнности изъ себя не представляютъ, съ другими не считаются, и вообще, даже не за что имъ требовать особаго вниманія къ себѣ. Одни изъ нихъ не были приучены къ труду, не знали, что такое трудъ, другіе ждали отъ труда немедленныхъ результатовъ «и сію же минуту», а третьи не имѣютъ точнаго пониманія правъ и обязанностей человѣка на землѣ. О томъ, что міръ Божій прекрасенъ самъ по себѣ, они не знали, либо «не обращали вниманія на красоту», порядка въ своей жизни навести не могли, а брались навести порядокъ въ цѣломъ государствѣ! Изъ такихъ людей невозможно построить ни республики, ни монархіи. Они вообще не годились никуда. Ростовщиковъ они презирали, но — шли къ нимъ, кабатчиковъ тоже, но засѣдали въ кабакахъ, осуждали всякую «эксплуатацію», но не прочь были поэксплуатировать кого-либо при случаѣ, и чаще всего жили «на краю жизни», за счетъ другихъ, но не за свой. Удивительно даже не то, что въ Россіи революція произошла, а удивительно, какъ долго Россія держалась съ такими людьми! Мы можемъ положительно утверждать, что «пьяные своими идеями» люди были на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы прошлой Россіи, и что некому было ихъ призвать къ трезвости въ разсужденіяхъ. Разсуждать вообще не учили! Считалось, что «разъ человѣкъ сталъ взрослымъ, такъ и разсуждать можетъ». Логику

изучали въ среднихъ школахъ, но сейчасъ же, сдавъ экзамены, бросали книгу въ уголъ, никогда больше въ нее не заглядывая. Философіи избѣгали: «Богъ съ ней, съ философией!» Одни становились обывателями, интересуясь, «что сегодня будетъ на обѣдъ?», другіе же шли въ «прогрессисты», ругая на чемъ свѣтъ правительство. При такихъ странныхъ гражданахъ, громко о себѣ заявляющихъ, собственно, никакое правительство не могло бы добиться «справедливости». Да справедливости въ чистомъ видѣ и нигдѣ на землѣ нѣтъ. Есть она лишь у Бога! Оттого то и религія возникла въ мірѣ, и въ нее человечество вложило всю свою вѣру въ справедливость, надежду на лучшее, вѣру въ Истину. Безъ такой надежды и вѣры оно бы давно погибло.

Произошла такая контроверса въ Россіи съ ея обществомъ оттого, что оно не знало разницы между реальнымъ и Истиннымъ, между временнымъ и Вѣчнымъ. Его этому не научили. Православная Церковь, зная о трудахъ св. Фомы Аквинскаго, о китайской философіи, учившей о томъ же, не потрудилась довести объ этомъ до свѣдѣнія вѣрующихъ, а сама ученія объ этомъ не создала. «Прогрессивная» же часть русскаго общества такого ученія даже не приняла бы. Она бы его назвала «опіумомъ для народа!» И когда подошла трагедія революціи, оказалось, что всѣ положительныя люди Россіи пошли защищать Родину и были перебиты, дѣйствительная армія тоже была перебита, а осталась лишь безформенная масса, мало стойкая и мало во что вѣрившая. Она устала отъ войны и поражений и въ концѣ концовъ пошла за большевиками, такъ какъ разуверилась во всѣхъ. Но революцію подготовили особые люди. Они были воспитаны на той самой закваскѣ, которую вскрылъ Достоевскій.

Вернемся же къ нимъ. Это, какъ мы сказали, Ставругинъ, Верховенскій, Липутинъ, Лямшинъ и другіе. Начнемъ со Ставругина. Кѣмъ былъ этотъ человѣкъ?

Раньше всего надо сказать, что люди, подобные Ставругину, встрѣчаются чаще, нежели объ этомъ принято думать. Однако, они не идутъ «ниспровергать», потому что не задумываются надъ «справедливостью», да и понимаютъ, что это не ихъ сфера. У насъ, на Руси, надъ справедливостью думали всѣ, болѣе или менѣе, и ко времени Ставругина, то есть, въ XIX вѣкѣ, уже стали повторять заученное наизусть ихъ предшественниками: «дѣло все въ системѣ». Этакій «слоганъ» былъ бы правиленъ, если бы государство слагалось изъ бездушныхъ машинъ, имѣющихъ реакцію лишь въ случаѣ, когда ихъ заставляютъ вертѣться. Люди, къ сожалѣнію, обладаютъ живой реакціей (Сольвей, Бельгія), которая стремится къ собственнымъ цѣлямъ. Поэтому, какъ ихъ не ставь, и какъ не перебивай, все равно, возьметъ верхъ природа человѣческая, или живая реакція. Римляне говорили, что «всякій начальникъ дѣйствуетъ прежде всего какъ добрый отецъ семейства: сначала онъ заботится о дѣтяхъ, женѣ, матери, близкихъ и друзьяхъ, а затѣмъ о государствѣ». Закрывать на это глаза, значить

быть демагогомъ. Верховенскій былъ демагогомъ. Ставругинъ же такимъ демагогомъ, для котораго всѣ средства хороши, не былъ. Правда, и его дѣйствія были далеко не блестящи, но все таки откровенно безобразныя поступки его коробили. У него были привычки порядочнаго человѣка, какъ онъ говоритъ о себѣ самъ. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, онъ самъ не зналъ, что дѣйствительно порядочно, а что непорядочно, хотя внешне соблюдалъ нѣкоторыя условности, принятыя въ обществѣ. Верховенскій же «похѣрилъ все», привычки, условности, а главное, «чтобы сгладить острые углы», беспощадно вралъ, извиваясь какъ угорь. Ставругинъ не вралъ. Его дѣйствія были иной разъ хуже всякой лжи, но врать онъ не только не вралъ, но стремился говорить даже такую правду, что «хуже лжи». Подлости онъ тоже не терпѣлъ. Между тѣмъ, Верховенскій и остальные были, безъ всякаго сомнѣнія, весьма подлыми людьми. Особенно Липутинъ, Лямшинъ и другіе второстепенные герои. Молодежь, гимназистъ и студентка, были просто, по молодости, вовлечены въ это безобразіе и неминуемо должны были бы когда то раскаяться въ своей горячности и увлеченіи. Таковыми же были и другіе, въ сущности. Одинъ Верховенскій былъ окончательнo рѣшившимся и онъ, конечно, никогда бы не раскаялся. Даже Ставругинъ, въ другихъ обстоятельствахъ, можетъ раскаялся бы, но Верховенскій — никогда. Этотъ типъ былъ изъ совершенно аморальныхъ, надѣленныхъ острымъ умомъ, но вполнѣ и до конца сознающихъ себя: «я не революціонеръ, а мошенникъ!» — прямо заявилъ онъ Ставругину. Это былъ, въ сущности, уголовный отъ революціи, человѣчишка даже грандіозный въ безобразіи своемъ и разрушительности. И хотя Ставругинъ «не зналъ разницы между добромъ и зломъ» и, такимъ образомъ, былъ изъ того же рода людей, но все таки, онъ былъ брезгливымъ и явной пакости не выносилъ. И хотя онъ не зналъ разницы между добромъ и зломъ, но въ то же время безобразіе зла его отталкивало. Верховенскаго это безобразіе притягивало, онъ въ немъ лезъ, какъ въ водѣ. Оно его окружало со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ врожденнымъ преступникомъ, тогда какъ Ставругинъ сталъ преступнымъ. Въ этомъ состояла разница между этими двумя революціонерами.

Съ другой стороны, если Ставругинъ страдалъ «психологической недостиженія», Верховенскій былъ весь во власти «комплекса неполноцѣнности». Первому не хотѣлось ни за что браться, «потому что онъ вѣрилъ, что не вѣрилъ, но не вѣрилъ что вѣрилъ»; тогда какъ второй представлялъ изъ себя «Колумба безъ Америки»: «что я безъ васъ, Ставругинъ? Ничто!» Если первая психологія является уже психопатологіей, то вторая таковой еще не является. При благопріятномъ складѣ души, при извѣстной скромности, многіе изъ такихъ людей, невзрачные наружностью, никакими революціонерами не становятся, а составляютъ то, что называется «массой» людей, живутъ среди ближнихъ, никого не трогая. Но

«комплексъ Верховенскаго» былъ еще подкрѣпленъ невѣроятнымъ зломъ, завистью, ненавистью ко всему высшему. Онъ и Ставрогина ненавидѣлъ, потому что все у того было барскимъ, а у него мелкимъ, ничтожнымъ, суетнымъ, подленькимъ. За это онъ его ненавидѣлъ, впрочемъ, рабски его обожая: «Иванъ Царевичъ!» — говорилъ онъ Ставрогину, и ужъ для Ивана-Царевича онъ «все могъ сдѣлать». Самую подлую подлость могъ сдѣлать. И, къ сожалѣнію, въ этомъ то онъ Ставрогину и не угодилъ, такъ какъ у того были «привычки порядочнаго человѣка». Самъ Ставрогинъ тоже могъ сдѣлать какую угодно подлость, но даже не зналъ, подла ли она, ибо не понималъ разницы между добромъ и зломъ. Кромѣ того, свои поступки, какъ бы они безобразны не были, онъ воспринималъ равнодушно, иногда оправдывая ихъ какой-то прошлой болѣзною, о которой, между прочимъ, тоже особенно не распространялся, но вотъ, поступки Верховенскаго, въ общемъ, столь же безнравственные, какъ и его собственные, приводили его въ ярость. Съ этой стороны онъ, конечно, былъ вполне законченнымъ эгоистомъ, ибо такимъ его родила на свѣтъ Божій мамаша, Варвара Петровна, генеральша, властная женщина.

Возвращаясь къ началу, скажемъ, что у Достоевскаго, такъ или иначе, всѣ его герои несутъ въ себѣ зерна революціи. Даже самые невинные изъ нихъ — заражены. Однако, иначе и быть не могло: семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы прошлаго столѣтія шли уже подъ знакомъ приближающейся революціи. Бороться съ ней еще было можно, но уже мѣрами рѣшительными и непопулярными. Ни одинъ изъ тѣхъ, отъ кого борьба зависѣла, на эти мѣры идти не рисковалъ. Тактика революціонеровъ измѣнилась: они всякую уступку рассматривали какъ побѣду «надъ обскурантизмомъ», и всякая такая уступка шла во вредъ власти. Достоевскій писалъ въ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годахъ, то-есть, когда признаки приближающейся трагедіи Россіи уже явно обнаружались. Конечно, чиновники типа Лембе никакъ съ ней справиться не могли. Они были людьми обычными, а тутъ происходило необычное.

Ставрогинъ, одинъ изъ революціонеровъ того времени, несетъ въ себѣ признаки бунтовщика, не вполне сознающаго, «хочетъ ли онъ, или не хочетъ того, что не хочетъ, или же хочетъ хотѣть того, что не хочетъ». Онъ — одержимый. Умъ его, иронія, «привычки порядочнаго человѣка» возстаютъ въ немъ противъ тактики Верховенскаго, въ томъ числѣ и противъ него самого, какъ революціонера, а преступленіе его тянетъ впередъ, къ еще большому преступленію. Получился порочный кругъ: чѣмъ больше онъ отказывался отъ роли, ему навязываемой Верховенскимъ, тѣмъ больше къ ней стремился, а чѣмъ больше стремился, тѣмъ больше сопротивлялся. Въ концѣ такой борьбы была катастрофа, и онъ ее предчувствовалъ, но уклониться не могъ, такъ какъ попалъ «въ зуб-

чатку», которая его втягивала. Назадъ ему хода не было, потому что онъ сжегъ свои корабли женитьбой на дурочкѣ Лебядкиной, а впередъ идти мѣшали ему «привычки порядочнаго человѣка».

Варвара Петровна, мать, создала изъ него идола, которому и поклонялась. Происхожденія купческаго, она, вѣроятно, въ тиши мечтала, какимъ блестящимъ и великимъ будетъ ея единственный сынъ. Деспота изъ него она создала, однако, въ то же время ироническаго къ самому себѣ и окружающимъ. Но «Ивана-Царевича», да еще революціоннаго, несмотря ни на какіе уговоры Верховенскаго, изъ него не вышло, такъ какъ онъ самъ отказался отъ этого, считая себя неподходящимъ на эту роль: «посмотрите хорошенько, вашъ ли я?» Тѣмъ не менѣе, революціонеръ въ немъ былъ, что видно изъ того, какое большое вліяніе оказалъ онъ на событія въ городѣ. Революціи изъ этихъ событій не получилось, но группа Верховенскаго имѣла въ себѣ уже всѣ признаки большевизма. Въ ея тактикѣ, состряпанной Верховенскимъ, было уже все, что потомъ примѣнили съ такой послѣдовательностью большевики. Такъ, одна изъ фундаментальныхъ идей большевизма — «связать всѣхъ кровью», послужила настоящимъ цементомъ большевизма. Недаромъ Ленинъ, по словамъ П. Б. Струве, сказалъ, прочтя «Бѣсы»: «Книга отвратительная, но... гениальная!» Конечно, Ленину она показалась «отвратительной», потому что рисовала большевицкихъ дѣятелей въ неприглядномъ видѣ, котораго Ленинъ до революціи, вѣроятно, тоже не представлялъ себѣ. Въдъ онъ былъ въ тѣ времена еще только теоретикомъ, а не практикомъ революціи. Особенно претила Ленину извращенность революціонныхъ идей «внизу», гдѣ «ходила шигалевщина». Показанная со стороны, она ему казалась отвратительной. Особенно упрощеніе «великихъ идей» революціи, какъ «раскрѣпощеніе трудящихся», «отмѣна эксплуатаціи человѣка человѣкомъ» и такъ далѣе. Шокировало его и то, въ какомъ видѣ являлись эти «идеи» внизу. Но мы помнимъ, какъ мѣстныя большевицкія власти репрессировали населеніе: «Постановлено арестовать кубанскаго казака Вогомаза какъ класса, а жену и дочерей его социализировать!» Мы сами видѣли эту бумажку. Ясное дѣло, что одинъ казакъ всего класса не представлялъ, и даже не зналъ, что такое «классъ», какъ не знали и его гонители. Но его репрессировали, не вполне понимая выраженіе верхнихъ властей, а жену и дочерей его попросту отдали на потѣху красногвардейцамъ. Въ этомъ и выразились въ то время всѣ «завоеванія революціи!» Одна часть получила безграничное право властвовать надъ остальными девятью десятыми частями населенія, вполне по Шигалеву! Даже Ленинъ, въ дореволюціонное время, этого не предвидѣлъ. Можетъ, онъ уже и смотрѣлъ мизантропически на «массы», но все же не думалъ, что дѣло дойдетъ до узаконенія безобразій. Вѣрнѣе, онъ, какъ и Ставрогинъ, признавалъ лишь своимъ безобразіямъ, впрочемъ

считая их отвратительными, но мирился с ними, как со своими, но терпѣть не могъ чужихъ безобразій. Съ другой стороны, Ленинъ зналъ, что до подобныхъ «упрощеній» революція докатится, зналъ и считалъ, что это «отвратительно», но зная, въ то же время, шелъ на нее. Можетъ, и у него были кой-какія «привычки порядочнаго человѣка», привитыя ему дворянскимъ воспитаніемъ и происхожденіемъ. Однако, онъ ихъ сознательно похѣрилъ, какъ, впрочемъ, не до конца, дѣлалъ и Ставрогинъ. Сходство между ними есть, но есть и разница. Тамъ, гдѣ останавливается Ставрогинъ, Ленинъ идетъ дальше! «Привычекъ порядочнаго человѣка» у него чрезвычайно мало, и тѣмъ меньше, чѣмъ дальше идетъ революція.

«Геніальной» онъ считаетъ книгу Достоевскаго по многимъ причинамъ, особенно же потому, что въ ней нашъ Великій Писатель вскрываетъ тайники души Ставрогина и, такимъ образомъ, Ленина. Послѣднему нравилось, что на страницахъ «Бѣсовъ» есть отвѣты на его собственные загадки. Разумѣется, Ленинъ считалъ съ «необходимостью жертвъ» въ революціи и даже, можетъ, представлялъ себѣ грандіозное количество «зарѣзанныхъ», но врядъ ли такое количество, какъ оказалось. Дѣйствительность превзошла его предположенія. Онъ даже испугался таковыхъ въ дни Нэпа. Послѣдователи же не испугались, и даже увеличили ихъ, а въ настоящее время можно считать, что «жертвы больше никого не волнуютъ». Онъ стали обывчнымъ явленіемъ, такъ сказать, не только буднями большевизма, но даже необходимостью для его дальнѣйшаго существованія.

Любому, даже ограниченному человѣку, пришло бы въ голову, что разъ такое количество труповъ надо навалить, то и не стоитъ «дѣло» этихъ труповъ! Однако, революционное мышленіе тѣмъ и отлично отъ здраваго смысла, что оно считаетъ эту цѣну крови нормальной и необходимой. Однако, если Ленинъ «не зналъ», сколь кровавой окажется революція, то въ глубинѣ своей души можетъ и зналъ, точно по той же причинѣ, что и Ставрогинъ зналъ, что Лебядкина будетъ зарѣзана, а домъ будетъ подожженъ. Зналъ и не зналъ, не зналъ и зналъ! «Вѣрую, что не вѣрую, но не вѣрую, что вѣрую, хотя вѣрую, невѣруя, вѣрую!» — схема Ставрогина, хотя и данная Шатовымъ. Она вполне «Ленинская». Такимъ образомъ цѣликомъ отпадаетъ легенда нѣкоторыхъ выходцевъ изъ СССР, считающихъ: «если бы Ленинъ остался живъ, революція не пошла бы путемъ коллективизации, и какъ знать, можетъ, видя, что коммунизма на практикѣ никакъ не провести, Ленинъ давно бы революцію и закончилъ!» Мы утверждаемъ, что это неправда. Годами вся ленинская гвардія была воспитываема въ однихъ и тѣхъ же идеяхъ, и если бы вмѣсто Сталина былъ Ленинъ, коллективизация все равно была бы проведена и концлагеря, поддерживающіе карточный домикъ социализма, все равно были бы устроены! Порукой тому

отказъ большевиковъ отъ морали отцовъ. Они ее опрокинули, похѣрили, и считались лишь съ тѣмъ, что вредно и что полезно для партіи. Нѣтъ Ленина, Троцкаго, Сталина, а есть партія. Она является хранительницей революціоннаго діамата, тактики, стратегіи, будней и праздниковъ коммунизма. Личность изъ нея исключена. Исключены всѣ соображенія, кромѣ утилитарныхъ. Но оказавшись безъ морали, большевизмъ не прожилъ бы тридцати пяти лѣтъ, а сверзился бы раньше, закончившись кровавымъ хаосомъ, если бы его не подпиралъ аппаратъ страха, организованнаго въ государственномъ масштабѣ, Чека, НКВД, назовите ее какъ хотите. Инстинктъ самосохраненія заставляетъ русскихъ людей работать на режимъ: не будешь работать, убьютъ не только тебя, но и твоихъ близкихъ!

При такомъ положеніи, по самимъ законамъ природы, дѣйствіе террористическаго аппарата на русскую массу противодѣйствія вызвать не можетъ, такъ какъ манія преслѣдованія, организованная въ государственномъ масштабѣ, всякое противодѣйствіе, даже возможное, ликвидируетъ въ корнѣ, въ самомъ началѣ: «мы потушимъ всякаго генія въ младенчествѣ!» — говоритъ Верховенскій, развивая шигалевщину. Такимъ образомъ, если и возникаетъ спародически, то здѣсь, то тамъ, противодѣйствіе террору, оно идетъ уже не отъ постояннаго сопротивленія русскаго народа, а отъ временнаго, какъ въ теоріи сопротивленія матеріаловъ. Постоянное сопротивленіе русскаго народа нарушено. Все держится на случайномъ, и можетъ еще годами держаться, но можетъ и взорваться. Бываетъ, что мосты, постоянное сопротивленіе которыхъ нарушено, держутся годами и выдерживаютъ грузы, какихъ, казалось бы, выдержать не могли. Но достаточно на такой мостъ упасть неожиданно камню, брошенному мальчишкой, чтобы онъ загудѣлъ внизъ! Такъ, рота солдатъ, идя по одному изъ подобныхъ мостовъ во Франціи, «дала ногу», разъ, два, и рухнула въ рѣку! Между тѣмъ, каждый день по этому мосту летѣли грузовики, и благополучно.

Въ этой идеѣ сопротивленія мы примѣнили принципъ матеріальнаго порядка, но въ каждомъ, даже духовномъ явленіи, есть и матеріальная сторона. Она, однако, не одна единственная. Ошибка Ставрогиныхъ-Лениныхъ въ томъ и заключается, что они маниакально уцѣпились за одну матеріальную сторону, не считаясь съ духовной. Кстаті, «теорію концлагерей» можно найти уже въ выраженіи Липутина: «ежели для блага одной десятой человечества потребовалось бы взорвать динамитомъ девять десятыхъ, то и предъ этимъ мы не останемся!» Взорвать ли динамитомъ или прикончить на Кольмѣ, не все ли равно, разъ рѣчь идетъ объ истребленіи девяти десятыхъ въ пользу одной десятой? Но такъ какъ одной десятой уже являются «чекисты», то значить, въ ихъ пользу истребленіе и идетъ. Объ этомъ явно и недвусмысленно го-

ворять показанія «новѣйшихъ дипи», явившихся на Международный Судъ надъ Концентраціонными Режимами въ Брюсселѣ, и среди таковыхъ — бывшій комендантъ кацета Караганды и другой — начстрой Кольмы. Послѣдній даже сказалъ, что «лично ему совѣтская власть не причинила никакой неприятности», и если онъ даетъ показанія, то исключительно «изъ гуманитарныхъ соображеній». Судъ имѣлъ мѣсто въ пятьдесятъ первомъ году въ Брюсселѣ.

Но вернемся къ Ставрогину. Главнымъ его занятіемъ было «ниспроверженіе основъ». Ниспровергалъ, между прочимъ, послѣдній онъ не столько изъ политики, какъ изъ желанія «попробовать свои силы», какъ онъ и заявляетъ въ «Бѣсахъ». Верховенскаго, впрочемъ, онъ презиралъ не за что иное, какъ за методы. Ему крайне претили эти способы «разомъ покончить со всѣми», подразумевая, конечно, старый міръ. Онъ не любилъ кощунства, моральной грязи, выдаваемой Верховенскимъ за «всемирно-человѣческой прогрессъ», во что даже вѣрилъ Липутинъ. Ставрогинъ не терпѣлъ всякихъ трюковъ и презиралъ «практику» революціи. Разрушеніе стараго міра со всѣмъ, что въ немъ было русскаго, уживалось въ его душѣ рядомъ съ брезгливостью къ приемамъ Верховенскаго. Временами онъ его считалъ сумасшедшимъ, а иногда отвратительнымъ, точь въ точь по тѣмъ же причинамъ, почему Ленинъ считалъ «Бѣсы» отвратительными, но въ то же время онъ признавалъ, что въ Верховенскомъ «есть энтузіазмъ», какъ и Ленинъ считалъ: «Книга отвратительная, но гениальная». Надъ Липутинымъ и Лямшинымъ онъ смѣялся откровенно. Ужъ очень химеричнымъ казались ему мечты «со всемирно-человѣческаго языка-съ!» Да и вообще, при всеобщей хитрости мелкой рыбешки тогдашняго фурьеризма, она, эта рыбешка, весьма неглубоко плавала. Возможно, что и все ея влеченіе ко «всемирно-человѣческому» происходило изъ безнадежной ея мелочности, и подкрѣплялось желаніемъ «отличиться» во что бы то ни стало, стать замѣтнѣе, возвыситься, приобрести значеніе. Честолюбіе этихъ людишекъ превосходило всякую мѣру, и ни въ какомъ отношеніи или пропорціи съ образованіемъ или воспитаніемъ не стояло. Ставрогинъ считалъ всѣ ихъ слова и дѣла бреднями, и не стѣснялся это высказывать вслухъ. Онъ вообще не вѣрилъ ни во что, а ужъ во что вѣрила группа Верховенскаго, онъ не только не вѣрилъ, но не могъ удержаться отъ сарказма по адресу революціонной вѣры этихъ людей. Пошлость ихъ онъ ясно видѣлъ, и видѣлъ же, что не революцію они затѣвали, а балаганъ, но самъ братья за это не хотѣлъ, хотя и обѣщавъ Верховенскому: «можетъ, что-либо и выдавлю изъ себя!» Не тѣмъ онъ былъ занятъ. Если бы онъ не былъ занятъ своей внутренней борьбой, онъ можетъ и кинулся бы въ революцію, но конечно, не такъ, какъ Верховенскій съ бра-

тѣей. Однако, какъ бы онъ поступилъ, онъ такъ и не сказалъ ни разу. Мы думаемъ, что «его революція», въ концѣ концовъ, была бы такой же кровавой, какъ и «революція Верховенскаго», но, вѣроятно, безъ подлости послѣдняго, а потому она заранее была обречена на неудачу. Ставрогинъ, можетъ, это и сознавалъ даже, не высказывая. Въ концѣ концовъ, не онъ Петру Степановичу былъ нуженъ, а Петръ Степановичъ былъ нуженъ ему, и если бы, повторяемъ, не его душевная борьба, онъ бы «подождалъ, пока Петръ Степановичъ сдѣлаетъ все», а затѣмъ бы его уничтожилъ и уже повелъ бы революцію по своему.

Ничего этого въ «Бѣсахъ» не сказано, но мы такъ предполагаемъ, ввиду его постоянного критическаго отношенія къ Верховенскому. Но безъ него онъ обойтись не могъ: грязную работу долженъ былъ выполнить именно Верховенскій, а ужъ за чистую взялся бы самъ Ставрогинъ («если бы мнѣ не было лѣнь!»).

Презиралъ онъ Верховенскаго именно за то, что тотъ все время пытался воспользоваться имъ, не сознавая, что самъ годится, собственно, лишь на вторыя роли. Желаніе же Верховенскаго быть первымъ — такъ и выпирало изъ всѣхъ его поступковъ. Онъ и «первый шагъ» изобрѣлъ, и психологію людей зналъ, и пользовался ими, но на Ставрогинѣ онъ споткнулся!

Кружокъ Верховенскаго, однако, Ставрогину былъ нуженъ, ибо, критикуя послѣдній, онъ имѣлъ возможность жить своими интересами, касавшимися революціи. Остальное его интересовало въ очень малой мѣрѣ. Мало интересовался онъ родными и еще меньше знакомыми. Изъ членовъ кружка, пожалуй, одинъ Шатовъ его и интересовалъ, но Шатовъ отъ революціонеровъ отошелъ, видя ихъ неистовость, а вернуться въ національное русло не успѣлъ, ибо ему то же не нуженъ былъ Ставрогинъ, какъ идеологъ. Оказывается, что тотъ даже, въ свое время, ему преподавалъ нѣкоторыя идеи, какъ разъ противоположныя революціоннымъ, но когда онъ со Ставрогинымъ встрѣтился, то увидѣлъ, что въ немъ все пусто. Это былъ настоящій Иванъ Карамазовъ «черезъ десять лѣтъ». Въ немъ были умъ, была отвага, рѣшительность, когда, между прочимъ, ея не требовалось, или она шла вразрѣзъ съ обстоятельствами, но положительнаго въ немъ уже ничего не было. Шатовъ изъ-за этого отъ него отвернулся. Верховенскій передаетъ Шатова въ разговорѣ съ Лембке, губернаторомъ, говоря: «Я не виновать въѣдъ, что въ васъ вѣрю! Чѣмъ же я виновать, что почитаю васъ за благороднѣйшаго человѣка, и главное, толковаго... способнаго, то-есть, понятъ... чортъ...» Бѣдняжка, очевидно, не умѣлъ съ собой справиться. «Вы, наконецъ, поймите, — продолжалъ онъ, — поймите, что называя вамъ его имя, я вамъ

его вѣдь предаю, не такъ ли? Не такъ ли?»

— Но какъ же, однако, я могу угадать, если вы не рѣшаетесь высказаться?

— То-то вотъ и есть, вы всегда подкосите вотъ этой вашей логикой, чортъ... Ну, чортъ... эта «свѣтлая личность», этотъ «студентъ» — это Шатовъ... вотъ вамъ и все!

— Шатовъ? То-есть, какъ это Шатовъ?

— Шатовъ, это «студентъ», вотъ про котораго здѣсь упоминается. Онъ живетъ здѣсь; бывшій крѣпостной человѣкъ, ну вотъ, пощечину даль.

— Знаю, знаю! — прищурился Лембке, — но, позвольте, въ чемъ же собственно онъ обвиняется и о чемъ вы-то, главнѣйше, ходатайствуете?

— Да спасти же его прошу, понимаете! Вѣдь я его восемь лѣтъ тому еще зналъ, вѣдь, я ему другомъ, можетъ быть, былъ, — выхотилъ изъ себя Петръ Степановичъ (Верховенскій). — Ну, да я вамъ не обязанъ отчетами в прежней жизни, — махнулъ онъ рукой. — все это ничтожно, все это три съ половиной человѣка, а съ заграничными и десяти не наберется, а главное я понадѣялся на вашу гуманность, вашъ умъ. Вы поймете и сами покажете дѣло въ настоящемъ видѣ, а не Богъ знаетъ что, какъ глупую мечту сумасброднаго человѣка... отъ несчастій, замѣтите, отъ долгихъ несчастій, а не какъ чортъ знаетъ тамъ какой небывалый государственный разговоръ!..

Онъ почти задыхался.

— Гмъ. Вижу, что онъ виновенъ въ прокламаціяхъ съ топоромъ, — почти величаво закончилъ Лембке; — позвольте, однакоже, если бѣ онъ одинъ, то какъ могъ онъ ихъ разбросать и здѣсь, и въ провинціяхъ, и даже въ X-ой губерніи... и наконецъ, главнѣйшее, гдѣ взялъ.

— Да говорю же вамъ, что ихъ, очевидно, всего на все пять человѣкъ, ну, десять, почему я знаю?

— Вы не знаете?

— Да почему мнѣ знать, чортъ возьми?

— Но вы знали же, однако, что Шатовъ одинъ изъ сообщниковъ?

— Эхъ! — махнулъ рукой Петръ Степановичъ, какъ бы отбиваясь отъ подавляющей прозорливости вопрошателя; — ну, слушайте, я вамъ всю правду скажу: о прокламаціяхъ ничего не знаю, то-есть ровнешенько ничего, чортъ возьми, понимаете, что значить ничего?.. Ну, конечно, тотъ подпоручикъ, да еще кто-нибудь здѣсь... ну и, можетъ, Шатовъ, ну, и еще кто-нибудь, ну, вотъ и всѣ, дрянъ и мизеръ... Но я за Шатова пришелъ просить, его спасти надо, потому что это стихотвореніе — его, его собственное сочиненіе и за границей черезъ него отпечатано; вотъ что я знаю навѣрное, а о прокламаціяхъ ровно ничего не знаю.

— Если стихи — его, то навѣрно и прокламаціи. Какія же, однако, данныя заставляютъ

васъ подозрѣвать господина Шатова?

Петръ Степановичъ, съ видомъ окончательнаго выведеннаго изъ терпѣнія человѣка, выхватилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него записку.

— Вотъ данныя! — крикнулъ онъ, бросивъ ее на столъ. Лембке развернулъ; оказалось, что записка писана, съ полгода назадъ, отсюда куда-то за границу, коротенькая въ двухъ словахъ:

«Свѣтлую Личность отпечатать здѣсь не могу, да и ничего не могу; печатайте за границей. Ив. Шатовъ.»

Лембке пристально уставился на Петра Степановича. Варвара Петровна правду отнеслась, что у него былъ нѣсколько бараній взглядъ, иногда особенно.»

Этотъ разговоръ-предательство характеренъ многими чертами. Во-первыхъ, Лембке, порядочный человѣкъ, даже до глупости («бараній взглядъ»), и это иногда бываетъ при «за-воспитанности», за-воспитанностью мы называемъ чрезмѣрное воспитаніе, приводящее къ тому, что человѣкъ какъ-бы «въ чехлѣ изъ привычекъ» оказывается, и не можетъ ужъ изъ нихъ выбраться. Барахтается, но не можетъ! Таковъ былъ Лембке. Однако, къ тому же, обычно, такіе люди достаточно высококачественнаго мнѣнія о себѣ, думая, что разъ они умѣютъ отправлять «входящую и исходящую» бумагу изъ канцеляріи, то уже и мвромъ мазаны, знаютъ «все». Обычно они не только не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей, но видя передъ собой типа, вродѣ Верховенскаго, даже не догадываются, что онъ ихъ ловко за носъ водить, и что въ первую голову этакого прохвоста арестовать надо было бы. Становятся они жертвой отнюдь не глупости или довѣрчивости, а вѣры въ собственную логику: «вѣдь онъ же самъ пришелъ сказаты!» А съ какой цѣлью такой вертунъ «пришелъ», не догадываются! Да и гдѣ же порядочному человѣку, а Лембке былъ несомнѣнно порядочнымъ человѣкомъ, разгадать подлаго человѣчишку? Тѣмъ болѣе, что тотъ еще и запасся, къ тому же, покровительствомъ губернаторши.

Но кромѣ всего этого Верховенскій зналъ, что имѣетъ дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ, кому предательство противно по натурѣ, и такъ извернулся, что вышло, какъ-бы онъ вовсе не хотѣлъ предавать никого, а лишь по молодости проговорился, что-ли, и все самъ Лембке отгадалъ! Дальше онъ говорить, что записка Шатова была адресована Кириллову, котораго онъ рекомендовалъ какъ совершенно с у м а с ш е д ш а г о, говоря при этомъ, что и остальные революціонеры не лучше, и что «если бы правительству знало, такъ на нихъ бы рука не поднялась». «Всѣхъ, какъ есть цѣликомъ на седьмую версту; — такъ называли сумасшедшій домъ въ тѣ времена, — я еще въ Швейцаріи да на конгрессахъ наглядѣлся».

— Тамъ, откуда управляютъ здѣшнимъ движеніемъ?

— Да кто управляетъ-то? Три человекъ съ полчеловѣкомъ. Вѣдь на нихъ глядя только скука возьметъ. И какимъ это здѣшнимъ движеніемъ? Прокламаціями, что ли? Да и кто на вербованъ-то, подпоручики въ бѣлой горячкѣ да два-три студента! Вы умный человекъ, вотъ вамъ вопросъ: отчего не вербуются къ нимъ люди значительнѣе, отчего все студенты да недоросли двадцати двухъ лѣтъ? Да и много ли? Небось, миллионъ собакъ ищетъ, а много ли всего отыскали? Семь человекъ. Говорю вамъ, скука возьметъ.

Съ одной стороны, онъ, выдавая сообщниковъ, по крайней мѣрѣ Шатова и Кириллова, въ то же время умалываетъ важность организации: «дурачки, молъ!», а съ другой, онъ же задаетъ вопросъ, «почему люди значительнѣе не идутъ?» Вопросъ весьма важный, ибо пока въ революціонеры шли недоросли, а люди поважнѣе не шли, и революція случится не могло! Въ такомъ же положеніи дѣла наши и сейчасъ: пока въ совѣтской республикѣ на сторону противосовѣтскихъ силъ идетъ лишь мелочь, а люди покрупнѣе не идутъ, и революція противъ коммунизма невозможна! Но Верховенскій льститъ губернатору, добавляя: «вы человекъ умный!» Лембке и самъ въ этомъ увѣренъ. Окончательныхъ дураковъ въ губернаторы не назначали. Однако, Лембке былъ не только губернаторомъ, но и человекомъ, и кромѣ того, мужемъ свѣтской дамы, Юліи Михайловны. Она постоянно его останавливала, когда онъ хотѣлъ принять правильныхъ мѣры. Далеко не всегда женщины умны въ достаточной для управленія мѣрѣ. Иногда свѣтскіе предразсудки затмѣваютъ у нихъ всѣ остальные возможности разсужденія. Особенно въ дѣлахъ государственныхъ.

Губернаторша поняла въ концѣ, что изъ себя представлялъ Верховенскій, но было поздно. Ужъ очень она была чувствительна къ лести!

Онъ ее этой лестью опуталъ и совершенно сбиль съ толку. Но, предавая Шатова съ Кирилловымъ, онъ въ то же время дѣлалъ видъ, что губернаторъ, де, и самъ догадался, и больше вытянулъ изъ его словъ, чѣмъ самъ онъ, Верховенскій, хотѣлъ. Такимъ образомъ, онъ губернатору какъ бы далъ мысль, что «вотъ, де, губернаторъ какой умный!» А дальше еще и подтверждаетъ словами: «вы человекъ умный, сами поймете». Боже, сколь часто на это можно людей поймать. Знаменитая Крыловская ворона далеко не исчезла даже въ наши дни. Расхвалить ее, а особенно подлему человекъ, всегда возможно.

Верховенскій, говоря, что «проболтался», въ то же время сбавляетъ: «я самъ отъ себя за ними слѣжу! Намъ уже трое извѣстны: Шатовъ, Кирилловъ и тотъ подпоручикъ. Остальныхъ я еще только разглядываю». Такимъ образомъ, если бы дѣло сорвалось, и

дошло бы до него самого, онъ уже заранѣе был бы чистъ, и изъ воды сухимъ вышелъ бы. Мы говоримъ, что далеко не всѣ администраторы попадались на такую удочку, но многие изъ начальниковъ, безусловно, попадались. Точно также, мы не утверждаемъ, что всѣ женщины таковы, какъ Юлія Михайловна. Есть и другія. Однако, глупость или недалководность вовсе не является привилегіей какого-либо изъ половъ. Она всеобща. Были умнѣйшіе администраторы какъ Столыпинъ, но были и Горемыкины. Были въ Римѣ блестящіе императоры, но были и Нероны, а среди женщинъ Мессалины или просто глупыя созданія, о которыхъ исторіи нечего сказать.

Но Верховенскій, еще можетъ часть тому назадъ бесѣдовавшій съ Кирилловымъ, говорить губернатору: «Ну да вотъ инженеръ пріѣзжій, былъ секундантомъ у Ставрогина, маньякъ, сумасшедшій; подпоручикъ вашъ дѣйствительно, только, можетъ, въ бѣлой горячкѣ, ну, а этотъ ужъ совсѣмъ сумасшедшій — совсѣмъ, въ этомъ гарантирую».

Пожалуй, подлѣе ничего и не представить себѣ. И тотъ же Верховенскій, встрѣтившись съ Кирилловымъ, несмотря на только что сдѣланный доносъ, началъ бы ругать губернатора, на чемъ свѣтъ стоитъ.

Дальше, умоляя губернатора повременить и «дать ему Шатова», Верховенскій договаривается до того, что сообщаетъ, какъ онъ боится сказать объ этомъ губернаторшѣ: «Вы все-таки мужчина, человекъ серьезный, съ старинною твердою служебною опытностью... (Любопытна фраза: «вы все-таки мужчина!»). А скажи я ей эти два имени, наприимѣръ, и она бы такъ забарабанила... Вѣдь она отсюда хочетъ Петербургъ удивить. Нѣтъ-съ, горяча слишкомъ, вотъ что-съ.»

— Да, въ ней есть нѣсколько этой фуги, — не безъ удовольствія пробормоталъ Андрей Антоновичъ, въ то же время ужасно жалѣя, что этотъ неучъ осмѣливается, кажется, выражаться объ Юліи Михайловнѣ немного ужъ вольно...

Губернаторъ, «все-таки мужчина», увы, былъ подъ пятой своей строптивой супруги, и вѣроятно, въ глубинѣ души, объ этомъ сожалѣлъ. Характера, однако, у него не хватало, чтобы однажды указать ей ея мѣсто.

Кончилась эта бесѣда тѣмъ, что губернаторъ вдругъ настолько повѣрилъ Верховенскому, что сталъ его спрашивать о Ставрогинѣ, но тотъ уклонился, а тогда губернаторъ показалъ ему письмо пропойцы капитана Лебядкина! Верховенскій умудрился это письмо взять, и губернаторъ, что уже совсѣмъ непонятно, ему его далъ собственноручно, чтобы тотъ «разыскалъ, кто писалъ анонимное письмо».

Верховенскому удалось доказать Лембке, что письмо — «пашквиль ужаснѣйшій», и уже не онъ, а самъ губернаторъ сталъ его

умолять, ни въ коемъ случаѣ не показывать Юліи Михайловнѣ!

— Да вамъ же первому и достанется, скажетъ, что сами заслужили, коли вамъ такъ пишуть. Знаемъ мы женскую логику...

Дальше Достоевскій говоритъ: «(Верховенскій) былъ человекъ, можетъ быть, и не глупый, но Федька-Каторжннй вѣрно выразился о немъ, что онъ «человѣка самъ сочинить, да съ нимъ и живетъ». Ушелъ онъ отъ фонъ-Лембке вполне увѣренный, что, по крайней мѣрѣ, на шесть дней того успокоилъ, а срокъ этотъ ему былъ до крайности нуженъ. Лембке было успокоился, даже сталъ надѣяться на хорошей исходъ дѣла, какъ вдругъ къ нему заглянулъ Блюмъ, этотъ «типичный несчастный нѣмецъ», и сказалъ, въ концѣ разговора: «не изъ словъ ли этого фальшиваго, порочнаго молодого человекъ, котораго вы сами подозрѣваете (заключили вы)? Онъ васъ побѣдилъ льстивыми похвалами вашему таланту въ литературѣ». И добавляетъ: «Молодые люди, Лямшинъ и Телятниковъ, слишкомъ увѣряютъ, что мы найдемъ все желаемое». Такимъ образомъ, видно, что не только Верховенскій кинулся выдавать Кириллова и Шатова, но и Лямшинъ съ Телятниковымъ уже нашли дорогу и донесли на него самого! Не про одного же Степана Трофимовича говорили они.

Но Верховенскій, тѣмъ временемъ, уже побѣждалъ къ «великому писателю» Кармазинову. Здѣсь не безъ яда у Достоевскаго придумано: съ одной стороны Карамзинъ, историкъ и, конечно, извѣстный всѣмъ писатель, а съ другой стороны Карамазовъ, которыхъ онъ слилъ воедино, для большаго букета, назвавъ такимъ синтетическимъ именемъ своего писателя. Подъ этимъ именемъ надо подразумѣвать, вѣроятно, Тургенева. Достоевскій не любилъ его. Главная его нелюбовь была вызвана замѣчаниями: «выберусь за границу, тамъ и климатъ лучше, и строеніе каменное, и все крѣпче». То же, или почти то же самое говорилъ и Тургеневъ. Въ немъ, какъ и во многихъ видныхъ людяхъ того времени, было отрицаніе Россіи. Достоевскій этого рабскаго преклоненія передъ иностранщиной не любилъ.

Кармазиновъ, между тѣмъ, говорилъ Верховенскому: «Если тамъ, дѣйствительно, рухнетъ Вавилонъ, и паденіе его будетъ великое (въ чемъ я совершенно съ вами согласенъ, хотя и думаю, что на мой вѣкъ его хватить), то у насъ въ Россіи и рушиться нечему, сравнительно говоря. Упадутъ у насъ не камни, а все расплывется въ грязь».

Вотъ какого мнѣнія былъ о своемъ отечествѣ «великій писатель».

Характерна сцена прощанія «великаго писателя» съ Верховенскимъ. Онъ задаетъ вопросикъ о днѣ событій, и тотъ ему весьма грубо отвѣчаетъ:

— Продать имѣніе успѣете и убраться то же успѣете, — а потомъ добавляетъ:

— Къ началу будущаго мая начнется, а къ Покрову все кончится.

— Благодарю васъ искренно, — проникнутымъ голосомъ произнесъ Кармазиновъ, сжавъ ему руки.

«Успѣешь, крыса, выселиться съ корабля! — думалъ Петръ Степановичъ, выходя на улицу. — Ну, коли ужъ этотъ «почти государственный умъ» такъ увѣренно освѣдомляется о днѣ и часѣ и такъ почтительно благодаритъ за полученное свѣдѣніе, то ужъ намъ-то въ себѣ нельзя послѣ того сомнѣваться. (Онъ усмѣхнулся). Гмъ. А онъ въ самомъ дѣлѣ у нихъ не глупъ, и... всего только переселяющаяся крыса; такая не донесетъ!»

Мнѣніе революціонера - Верховенскаго о «великомъ писателѣ» — «переселяющаяся крыса» — замѣчательно. Всѣ эти люди весьма низкаго мнѣнія другъ о другѣ. Лямшинъ и Телятниковъ даже успѣли, не вѣря въ успѣхъ, «связаться» съ Третьимъ отдѣленіемъ, черезъ губернатора. Самъ Верховенскій убѣдилъ Лембке, что онъ «тоже старается раскрыть и изловить», а при этомъ, для правдивости, предаетъ Шатова и Кириллова, опредѣляя всѣхъ революціонеровъ (въ томъ числѣ, значитъ, и себя), какъ кандидатовъ «на седьмую версту». Это не одно притворство, а можетъ быть, даже весьма искреннее мнѣніе о себѣ самомъ и сотоварищахъ. «Двадцатидвухлѣтніе недоросли и недоучки», къ которымъ «никто посерьезнѣе не присоединяется» — его же слова. Онъ сознаетъ свое ничтожество, и даже признается въ такомъ Ставрогину: «Что я безъ васъ? Колумбъ безъ Америки!» Однако, онъ «изобрѣлъ первый шагъ». Въ этомъ «первомъ шагѣ» все и заключается. У всѣхъ у нихъ, однако — страхъ смерти величайшій! Трусы они, хоть и храбрецы «въ извѣстномъ смыслѣ и до извѣстной степени», что вполне напоминаетъ другую знаменитую формулу: «постольку-поскольку!» Постольку, поскольку можно и въ женской юбкѣ удрать «съ Поля Чести, Борьбы за Свободу», они готовы даже бороться за нее, даже убить нѣсколько десятковъ человекъ, но если отступленія не будетъ, если ни въ коемъ случаѣ драгоцѣннѣйшей жизни ихъ спасти нельзя будетъ, какъ въ Троицкой Столовкѣ въ Москвѣ, гдѣ явная смерть за свои убѣжденія, тамъ — «они несогласны»: «безуміе-съ! Донкихотство! И что отъ этого измѣнится?!»

Однѣ «крысы съ корабля» удирали заранѣе, другія были непрочь и подрались «постольку-поскольку», но тоже, чтобы, все-таки, удрать во-время, а третьи — даже заранѣе «донести, чтобы самому выиграть, заслужить прощеніе и пенсіонъ», какъ пьяный капитанъ Лебядкинъ, однако, всѣ они — «крысы съ корабля, или на кораблѣ».

Почему такіе люди получились? Потому что, во-первыхъ, мамы надъ ними дрожали, предпочитая, чтобы «другіе защищали Отечество, а тебѣ нечего въ это соваться», и что долгъ умереть за Родину этимъ «дѣт-

камъ» внушено не было, а во-вторыхъ, и сами они могли быть врожденными «анти-государственниками», наконецъ, въ третьихъ, потому что само государство не постаралось провести быстрыхъ и рѣшительныхъ реформъ, какъ освобожденіе крестьянства съ надѣломъ земель, депролетаризація рабочихъ, съ надѣломъ таковыхъ приусадебными участками, обоснованіи государственнаго бюджета не на пьянствѣ (знаменитая «монополия»), а на вѣдреніи трезвости, при организаціи разумнаго развлечения, спорта, «Сокольства», а главное, экономического развитія страны. Послѣднее хотъ и шло гигантскими шагами, но отставало отъ требованій времени. Россія отставала отъ Европы вслѣдствіе запоздалыхъ и нерѣшительныхъ мѣръ. Но все это получилось отъ ненормальнаго положенія столицы Россіи, Санктъ-Петербурга, лежавшаго на окраинѣ, вмѣсто того, чтобъ находиться въ центрѣ. Петербургъ былъ Европой, а Москва уже была, хотъ и русской, но не-Европой. Еще хуже было дѣло, чѣмъ дальше на востокъ. Тамъ было прямое захолустье и сонная жизнь.

Все это служило поводомъ къ недовольству наиболѣе горячихъ головъ, которыя не всегда были на высотѣ. А въ иную голову придетъ и чортъ знаетъ что, когда она начнетъ «думать» надъ положеніемъ Россіи! Такова была молодежь, всѣ эти «нигилисты», получавшіеся вслѣдствіе оторванности образованія отъ роднаго корня, отъ Славянскаго Языка, который преподавался лишь изрѣдка, здѣсь и тамъ, а не былъ основой образованія; самое же образованіе вели въ сторону нивелировки, «чтобы всѣ подходили на всѣхъ», а «культурная жизнь» стремилась «превратить будни въ сплошное воскресеніе», безъ трезваго стремленія къ труду, какъ основѣ жизни. Однако, вернемся къ нашему повѣствованію.

Во время визита Верховенскаго къ Кириллову, какъ-разъ послѣ предательства, значитъ, когда судьба послѣдняго, такъ или иначе, волею самого Верховенскаго, повисла на волоскѣ, ибо губернаторъ зналъ уже о немъ, какъ о сумасшедшемъ, произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы, однакожь, о здоровьѣ своемъ сильно заботитесь, — проговорилъ онъ (Верховенскій), громко и весело входя въ комнату: — какой славный, однакоже, мячъ, фу, какъ отскакиваетъ; онъ тоже для гимнастики?

Кирилловъ надѣлъ сюртукъ (тоже — «привычка порядочнаго человѣка»).

— Да, тоже для здоровья, — пробормоталъ онъ сухо, — садитесь.

Остановимся на этомъ: казалось бы, какая неважная черта! Однако, Достоевскій на такихъ чертахъ строитъ все свое повѣствованіе. Устраните ихъ, и окажется скучно. Разработайте до конца, каждую сцену, и будетъ значительно. Здѣсь онъ, какъ авторъ, недостижимъ. Геніальность его не только въ томъ, какъ

онъ строитъ повѣствованіе, а именно, въ какой обстановкѣ. Она залита необычайно сильнымъ свѣтомъ реальности, и въ ней всѣ тѣни — черныя, рѣзко очерченныя пятна, а всѣ свѣтлые штрихи — яркое, ослѣпляющее солнце. Сравнить его пейзажъ, если такъ можно выразиться, мы будемъ въ силахъ лишь съ южнымъ, ярко освѣщеннымъ, со всѣми яркими красками.

— Я на минуту. А, впрочемъ, сяду. Здоровье здоровьемъ, но я пришелъ напомнить объ уговорѣ. Приближается «въ нѣкоторомъ смыслѣ» нашъ срокъ-съ, — заключилъ онъ съ неловкимъ вывертомъ.

— Какой уговоръ?

— Какъ какой уговоръ? — всполохнулся вдругъ Петръ Степановичъ, даже испугался.

Эта сцена характерна вотъ чѣмъ: Кириллову, бывшему въ трудныхъ обстоятельствахъ за границей, партія дала деньги на обратный приѣздъ въ Россію, впрочемъ, съ единственной цѣлью воспользоваться имъ, такъ какъ онъ хотѣлъ покончить самоубійствомъ и могъ, конечно, «взять на себя» разныя дѣла. Въ этомъ «уговорѣ» и заключался. И «нѣкоторый смыслъ» въ томъ и заключался, что Верховенскій, надѣлавъ гадостей, хотѣлъ все прикрыть самоубійствомъ Кириллова. Замѣчательны, въ этомъ свѣтѣ, и упражненія послѣдняго «для здоровья»! Какъ будто нужно было ему заботиться объ этомъ; рѣшилъ застрѣлиться, такъ, казалось бы, чего же заботиться о здоровьи? Но, говорятъ, что нѣкоторые преступники, передъ самой казнью, вдругъ начинаютъ заботиться, что «мизинецъ болить». Вѣдь, казалось бы, все равно, болить или не болить, разъ ужъ черезъ часъ поведутъ на эшафотъ? Анъ нѣтъ, такіе люди и менно ужасно боятся боли. Другимъ они ее причиняютъ даже съ удовольствіемъ, но ежели у нихъ что болить, это — цѣлая исторія. То, что ихъ повѣсятъ или голову оттяпаютъ, это впереди, а вотъ сейчасъ у нихъ «мизинчикъ болить». И всѣ имъ должны не то, что помочь отъ этой боли избавиться, но радикально излѣчить.

— Это не уговоръ и не обязанность, я ничѣмъ не вязалъ себя, съ вашей стороны ошибка.

— Послушайте, что же вы дѣлаете? — вскопчилъ уже совсѣмъ Петръ Степановичъ.

— Свою волю.

— Какую?

— Прежнюю.

— То-есть, какъ же это понять? Значить-ли, что вы въ прежнихъ мысляхъ?

— Значить. Только уговору нѣтъ и не было, и я ничѣмъ не вязалъ. Была одна моя воля, и теперь одна моя воля.

Кирилловъ объяснялся рѣзко и брезгливо.» Верховенскій, какъ чортъ, пришедшій по грѣшную душу, ерзалъ. Онъ боялся, какъ бы тотъ, чего добраго, отъ самоубійства не отказался! Тогда бы всѣ планы Верховенскаго пришли въ разстройство. Начинай сначала!

Какъ же это? Однако, услышавъ, что тотъ лишь на своей волѣ настаиваетъ, онъ быстро успокоился. Кирилловъ, при всей своей несомнѣнной помѣшанности, обладалъ недюжинной логикой: если самъ рѣшилъ, такъ при чемъ же здѣсь какъ бы приказъ партіи — «стрѣляйся!» «Застрѣлюсь, молъ, когда мнѣ самому заблагодарасудится, а васъ и спрашивать не буду!» — какъ бы говорить онъ этимъ. Понятно, почему Верховенскій испугался. Тогда надо было бы лично рисковать, собственной персоной, а Верховенскій, какъ истинный фурьеристъ, рисковалъ лишь другими!

— Я согласенъ, согласенъ, пусть воля, лишь бы эта воля не измѣнилась, — усѣлся опять съ удовлетвореннымъ видомъ Петръ Степановичъ. — Вы сердитесь за слова. Вы что-то очень стали послѣднее время сердиты; я потому избѣгалъ посѣщать. Впрочемъ, былъ совершенно увѣренъ, что не измѣните.

— Я васъ очень не люблю, но совершенно увѣрены можете быть! Хоть и не признаю измѣны и неизмѣны.

— Однако, знаете, — всполохнулся опять Петръ Степановичъ, — надо бы опять поговорить толкомъ, чтобы не сбиться. Дѣло требуетъ точности, а вы меня ужасно какъ горюшите. Позволяете поговорить?

Тутъ сумасшедшая воля Кириллова выступаетъ какъ революціонное своеволие, которому Достоевскій придалъ маниакальный характеръ. Въ этомъ вся революція. Своеволие въ томъ и заключается, чтобы не признавать никакихъ авторитетовъ, и въ основномъ, конечно, хоть Кирилловъ былъ и сумасшедшій, но онъ былъ абсолютно послѣдователенъ въ своихъ поступкахъ съ точки зрѣнія своеволія. Вся его «идея» въ этомъ и заключалась. Петръ Степановичъ эксплуатируетъ эту волю (какая же «эксплуатація чловѣка чловѣкомъ», куда похуже той, когда «чловѣка» нанимаютъ на работу!). Эксплуатируетъ онъ бѣднаго Кириллова во всю. Онъ пришелъ какъ чортъ, за его душой!

Буквально такъ же, какъ въ средневѣковыхъ легендахъ, передъ Кирилловымъ появился... не чортъ, а Верховенскій, но — съ той же цѣлью: плати по счету!

И тутъ, какъ и въ легендахъ, Кирилловъ, видя свою подпись на «пактѣ», завозился, и такъ же, какъ Пражскому Студенту, ему захотѣлось отсрочить часть его гибели. Но бѣда въ томъ, что если ужъ чортъ придетъ, платить надо! Кровью писанная хартія — непреложный документъ. Средневѣковый Студентъ взываетъ къ Матери Божьей, и та за него вступается, но... Кириллову не къ кому обратиться! Онъ обращается къ самому себѣ, чтобъ «смѣть хотѣть», чтобъ разомъ заявить «свою волю».

Здѣсь покойный профессоръ Бэмъ изъ Праги, замученный большевиками, сдѣлалъ выводъ: Достоевскій взялъ идею у Гете! Иванъ Карамазовъ у него — Докторъ Фаустъ.

Это было бы совершенно вѣрно, если бы у нѣмцевъ понятіе о Богѣ и Сатанѣ было, а у русскихъ, взяло бы, да и не было! Поэтому, мы вправѣ утверждать, что Достоевскій эту тему затронулъ далеко не потому, почему Гете затронулъ, а именно, будучи чловѣкомъ вѣрующимъ, онъ думалъ надъ Добромъ и Зломъ, наблюдалъ борьбу между ними («а ареной борьбы — душа чловѣческая!»), смотрѣлъ, откуда Зло идетъ, и оповѣщалъ миръ весь, а не только одну Россію, что приближаются страшныя дни! Причемъ же здѣсь Гете?

Кирилловъ говоритъ далѣе: «Я хочу лишить себя жизни, потому что такая у меня мысль, потому что я не хочу страха смерти, потому... потому что вамъ тутъ нечего знать... Чего вы? Чай хотите пить? Холодный. Дайте я вамъ другой стаканъ принесу.»

Верховенскій ему напоминаетъ о «ста двадцати талерахъ», которые дало революціонное общество, съ цѣлью, чтобъ когда революціонеры «накутятся», онъ оставилъ письмо, въ которомъ бы взялъ вину на себя. Но Кирилловъ заявляетъ, что онъ «прокламаціи возьметъ на себя, но всего не возьметъ». Затѣмъ, когда Верховенскій сталъ настаивать, заявилъ, что «больше не хочетъ объ этомъ».

Онъ соглашается идти къ Виргинскимъ «на именины» (на самомъ дѣлѣ, на собраніе); косвенно, лишь потому, что Петръ Степановичъ сказалъ: «у васъ лицо... ну, однимъ словомъ, фатальное».

— Вы находите? — разсмѣялся Кирилловъ, — хорошо, приду; только не для лица.

Изъ разговора выясняется, что Кирилловъ съ Шатовымъ были вмѣстѣ въ Америкѣ, но... «слишкомъ долго вмѣстѣ въ Америкѣ пролежали!» То-есть, поѣхали въ страну, гдѣ предприимчивость, трудъ, идеи — даютъ деньги и извѣстность, а вмѣсто этого — залегли въ какой-то лачугѣ и «долго вмѣстѣ пролежали», ни черта не дѣлая и ни къ чему не приспособившись! Оттуда же Шатовъ вывезъ презрѣніе къ революціонерамъ и оттолкнулся отъ нихъ, а Кирилловъ «нашелъ свою мысль».

Кирилловъ дальше говоритъ, что «всю ночь читалъ (Федькѣ) Апокалипсисъ, и чай. Очень слушалъ; даже очень, всю ночь».

— А, чортъ, да вы его въ христіанскую вѣру обратите!

— Онъ и то христіанской вѣры. Не безпокойтесь, зарѣжетъ. Кого вы хотите зарѣзать?

Дальше Кирилловъ даетъ ему мячъ: «возьмите такъ» (Верховенскій предлагалъ за него заплатить). «А я вамъ не дамъ ничего противъ Ставрогина». Это чрезвычайно смутило Верховенскаго. Онъ не могъ сразу понять, что значуть слова Кириллова. Особенно не понималъ онъ, конечно, что значить «онъ и такъ христіанской вѣры». Выяснилось это позже, когда тому пришлось встрѣтиться съ Федькой одинъ-на-одинъ, и когда каторжникъ его

не убилъ лишь потому, «что маленькимъ на рукахъ носилъ».

Верховенскій старался впутать въ «дѣло» Ставругина, не столько нуждаясь въ его теорiяхъ, ибо «теорiя о взрывѣ девяти десятыхъ человечества» уже была изготовлена и съ восторгомъ принята Липутинымъ и Ко. Ему Ставругинъ былъ нуженъ «для представительства».

Пока онъ велъ свою сложную интригу, обманывая однихъ и другихъ, а можетъ и самъ обманываясь («самъ человѣка сочинить да и живетъ съ нимъ», какъ сказалъ Федька Каторжный), онъ больше не думалъ «о дальнѣйшемъ». У него на этотъ случай было правило: «сначала добыть основное, а дальнѣйшее — потомъ!» Но вотъ, «основного», то-есть рѣшительнаго перехода Ставругина «къ нимъ», онъ никакъ добиться не могъ. Послѣднiй вообще ни къ кому не шелъ. Онъ и къ Шатову не пошелъ, ибо долженъ былъ бы стать идеологомъ Шатова. Ему не хотѣлось ничѣмъ идеологомъ быть, а «собственнымъ» онъ быть не могъ, по причинѣ разложенiя его собственной личности. Хоть онъ и говорилъ о своихъ прежнихъ «дѣлахъ»: «да... то еще было во времена моей болѣзни!», но психически здоровымъ онъ не былъ еще и во дни губернскихъ событiй.

Подобнаго ему типа въ русской революцiи не было, хотя Ленинъ «въ Ставругина помѣщался цѣликомъ». Его барская черта была присуща лишь Луначарскому, да и тотъ, по словамъ Ленина, «на должность комиссара искусство только и годился!» Самъ Ленинъ, несмотря на дворянское происхождение, бар-

ство свое растратилъ въ революцiонныхъ дѣлахъ, и къ концу жизни «опростился» даже больше, чѣмъ надо. Что касается Ставругина, какъ о немъ пишетъ Достоевскiй, то хоть онъ и зналъ, что «в маѣ начнется, а къ Покрову закончится», но не вѣрилъ въ успѣхъ «дѣла» Верховенскаго и тоже «хотѣлъ Шатова». — «Я вамъ Шатова не отдамъ!» А съ другой стороны и Верховенскiй тоже «хотѣлъ Шатова», но уже для иной цѣли, «для изготовленiя революцiонной мази».

Ставругинъ «не хотѣлъ хотѣть», а Верховенскiй «хотѣлъ хотѣть», и въ этомъ заключалась ихъ «контраверса». Верховенскому Ставругинъ былъ нуженъ «на роли Иванъ-Царевича», а Ставругину Верховенскiй былъ въ высшей степени противенъ.

Изъ него вообще ничего не вышло. Не вышло и «Иванъ-Царевича», ибо для этого онъ долженъ былъ бы цѣликомъ отдаться такой роли, а онъ «не хотѣлъ хотѣть». Шатовъ его прочилъ въ «спасители Отечества», но онъ тоже «не хотѣлъ хотѣть».

«Ивана Царевича» изъ революцiонныхъ дѣятелей семнадцатаго года тоже не вышло. Не подошелъ на эту роль никто. Троцкiй не подошелъ, потому что былъ чужимъ русскому народу, Луначарскiй, потому что тоже былъ чужимъ, изъ-за своего барства и, въ общемъ, никчемности. На эту роль, въ концѣ концовъ, Ленинъ поставилъ Калинина, который, какъ никакъ, былъ все-таки, хоть внѣшне похожъ на «сельскаго старосту». Остальные, какъ Нахамкесъ, Зиновьевъ, Урицкiй — ни наружно-

стью, ни характеромъ для этого не годились.

Ставругина въ революцiю семнадцатаго года, какъ мы сказали, не было, но Ленинъ въ него вмѣщался цѣликомъ. «Ивана-Царевича» изъ него тоже не вышло, но Злымъ Татарникомъ для русскаго народа онъ, пожалуй, оказался. Привычекъ порядочнаго человѣка въ немъ тоже было мало. Говорятъ, когда онъ начиналъ ѣсть рыбу, то сначала пользовался вилкой, а затѣмъ отбрасывалъ ее и начиналъ ѣсть руками, пальцами выбирая кости изъ ѣды. Въ онъ весьма неопрятно, а говорятъ, по тому, какъ человѣкъ ѣсть, можно заключить объ его характерѣ.

Впрочемъ, его революцiонную дѣятельность отчасти можно понять, если вѣрять, что надо «стремиться къ прогрессу», то-есть, понимая подъ онымъ «нѣкоторое неустойчивое желанiе людей сразу же, и съ мѣста въ карьеръ, бѣжать куда-то, и необычайно торопиться». Дореволюцiонная Россiя дѣлала все неторопясь, чинно, солидно. Мятущемуся человѣку, пожалуй, такая медленность была хуже горькой рѣдьки. Однако, солидныя, прекрасныя кафедры строились вѣками, а многiя такъ и остались недостроенными. Бѣгая, суетясь, кафедралей не построишь.

Генiй Достоевскаго, пожалуй, тѣмъ и великъ, что если революцiя семнадцатаго года и не выдвинула Ставругина, то «Ленинъ въ немъ оказался весь», точно паукъ, упавшiй въ стаканъ съ водой, и изъ границъ этого типа такъ и не могъ выбраться до конца дней своихъ. Бакунинъ-Ставругинъ былъ больше Ленина, внѣ всякаго сомнѣнiя, а главное, Бакунинъ могъ и отказаться отъ «соцiализма»,

если бы онъ въ немъ разочаровался. Правда, Ставругинъ «не могъ бы», потому что онъ вообще ни на какое дѣло способенъ не былъ, изъ за «растроенiя и расчлененiя» своей личности. Наконецъ, у него былъ «синдромъ психопатологiи неудачи». У Бакунина была сверхчеловѣческая динамика. Онъ родился раньше времени, и слава Богу, потому что онъ бы мировую революцiю сдѣлалъ. Никто другой ее не въ силахъ сдѣлать. А Ставругинъ только и могъ, что толкнуть всѣхъ на «рѣшительные шаги», самъ, впрочемъ, «уйдя на чердакъ». У него все-таки была какая-то, хоть и сомнительная, но — совѣсть, ея убившая, а у Бакунина или у Ленина совѣсть считалась «буржуазнымъ предразсудкомъ». Бакунинъ, пожалуй, былъ бы чище въ своихъ дѣлахъ. Если Ставругинъ портретъ Бакунина, то Достоевскiй «сгустилъ краски». Бакунину было все равно: поднимать славянъ, заводить коммуны, лишь бы что-то дѣлать к р у п н о е. Ставругину было не все равно, ибо отъ всего онъ отказался «из-за чердака»! Даже отъ Лизы, его любившей, и которую, несомнѣнно, онъ тоже любилъ. Однако, они были столь разными людьми, что ничего бы изъ этой любви и не вышло. Въ немъ «нигиль» столь сильно вкоренился, что все превращалъ въ «нигиль», и даже чувства, даже лучшiя стремленiя, въ концѣ концовъ, были «нигиль».

Что до Верховенскаго, то его, отчасти, воплощалъ Троцкiй. Говоримъ «отчасти», потому что революцiя семнадцатаго года ни одного типа, выведеннаго Достоевскимъ, въ чистомъ видѣ не воплотила.

Но вернемся къ Ставрогину. Послѣдній банду Верховенскаго откровенно презиралъ, и особенно Липутина съ его «всемирно-человѣческимъ языкомъ-съ!»

Такъ, когда Липутинъ прислалъ къ нему бабу Агафью, чтобъ облаять, Николай Ставрогинъ задалъ ему вопросъ: «Ба!.. Да неужели же вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я способенъ въ полномъ разсудкѣ бросаться на людей? Для чего-же бы это?»

Липутинъ скрючился и не сумѣлъ отвѣтить. Николай (въ текстѣ по-французски) нѣсколько поблѣднѣлъ (при этомъ), или такъ только показалось Липутину.

— Во всякомъ случаѣ у васъ очень забавное настроеніе мыслей, — продолжалъ Николай. — А про Агафью я, разумѣется, понимаю, что вы ее обругать меня посылали.

— Не на дуэль же было васъ вызывать-съ?

— Ахъ, да, бишь! Я слышалъ, что-то, что вы дуэлей не любите...

— Что съ французскаго-то переводить — опять скрючился Липутинъ.

— Народности придерживаетесь?

Липутинъ еще больше скрючился.

Ставрогинъ издѣвался, будучи, хоть и «ниспровергателемъ основъ», но въ то же время, и бариномъ, и конечно, ужъ подленькая фигура Липутина для него омерзительна. Онъ его не только презираетъ. Онъ удивленъ, пораженъ, и конечно, не можетъ понять: «Богъ знаетъ, какъ эти люди дѣлаются!» Между тѣмъ, онъ, какъ разъ, прямо или косвенно такихъ людей создавалъ. И въ этомъ случаѣ, его удивленіе показательно, какъ, въ сущности, даже онъ не понималъ, что дѣлаетъ. Далѣе Достоевскій говоритъ, что изъ всѣхъ впечатлѣній Ставрогина въ этомъ городѣ, наиболѣе сильнымъ было именно — этотъ подленькій губернской чиновникъ, процентчикъ, скопидомъ и семейный деспотъ, походившій меньше всего «на будущаго гражданина всемирно-человѣческой соціальной республики и гармоніи-съ!» Дѣйствительно, о какой гармоніи можно думать при взглядѣ на человѣка, «запирающаго остатки обѣда и огарки въ шкафчикъ, на ключъ?» Мало-ли ихъ было, такихъ людишекъ, безудержно кинувшихся въ революцію семнадцатаго года? И какъ именно въ такихъ людяхъ могла найти отраженіе безумная мечта о «мировомъ пожарѣ»?

И когда Ставрогинъ указываетъ на томъ «Консидеранъ» Фурье на столѣ: «Такъ развѣ это не тотъ же переводъ съ французскаго?» — тотъ ему дерзко кричить:

— Нѣтъ, это не съ французскаго переводъ! — съ какой-то даже злобой привскочилъ Липутинъ, — это со всемирно-человѣческаго языка переводъ-съ! Съ языка всемирно-человѣческой соціальной республики и гармоніи, вотъ, что-съ! А не съ французскаго одного!..»

— Фу, чортъ, да такого и языка совсѣмъ нѣтъ! — продолжалъ смѣяться Николая.

Вотъ здѣсь мы и остановимся. Несомнѣнно, Достоевскій хотѣлъ вначалѣ назвать Липути-

на Липипутинымъ, но потомъ зачѣмъ-то сократилъ фамилію этого фурьериста. Тѣмъ не менѣе, липипутинское въ этомъ человѣкѣ рѣшительно все, за исключеніемъ его необычайной, грандіозной зависти ко всему высшему, злобы и зависти. Тамъ она, эта зависть, грандіозна и дѣйствительно, велика. Остальное — мелочно, низменно, трусливо и подло. Непонятно, почему Достоевскій не назвалъ его дѣйствительно Липипутинымъ. Можетъ, изъ-за грандіозности зависти и ненависти? Потому что она шла вразрѣзъ съ остальной мелочностью и узостью этого зачитавшагося бреднями человѣчишки?

Изъ такихъ-то малыхъ силъ и построена была вся революція. Ихъ натравили на высшихъ духовно, или матеріально, и съ помощью ихъ, овладѣли всѣмъ народомъ. Они тысячами погибали, дерясь «за побѣду пролетаріата», въ то же время обладая домами, землей, скотомъ! А когда были «ликвидированы» тѣ, кому они завидовали, ликвидировали и ихъ самихъ. Они же сами помогали такой ликвидаціи, ибо ихъ тоже раздѣлили, а раздѣливши, еще раздѣлили, натравливая однихъ на другихъ. Когда осталась всего одна горсточка завистниковъ, ликвидировали и ее. Изъ такихъ-то малыхъ завистниковъ и была построена вся революція въ Октябрѣ семнадцатаго года. Никто другой такъ не постарался уничтожить всѣхъ, кто къ революціи примкнулъ изъ идеи, ибо были и такіе. Они ихъ съѣли доносами, клеветой, наговорами, подлостями, всѣмъ.

Конечно, поднимая вопросъ о типахъ Достоевскаго, авторъ вполне отдастъ себѣ отчетъ въ неисчерпаемости сюжета. Всего невозможно охватить, другое можно лишь намѣтить, но — хотя-бы намѣтить, и то ужъ — слава Богу! Слишкомъ большое наслѣдство оставилъ намъ нашъ гениальный писатель. Что будетъ упущено, то другіе разберутъ. Намъ важно, чтобы вниманіе было привлечено къ этой темѣ.

Развѣ не цѣлая исторія въ словахъ хотя-бы Степана Трофимовича, отца Верховенскаго, когда тотъ восклицаетъ: „Je suis un опустившійся человѣкъ!“ Дѣйствительно, отчаявшійся «маркизь въ кружевахъ» воспиталъ сына, оставляя того на попеченіи какихъ-то захудалыхъ тетушекъ, а самъ ѣздилъ по границамъ, проживая сыновнія деньги, и жилъ въ приживальщикахъ «при генеральшѣ», ни черта не дѣлая, но воображая себя «пострадавшимъ за убѣжденія». Это знакомый намъ типъ Версилова, только съ разницей въ томъ отношеніи, что уступал послѣднему въ умѣ. У Версилова была даже воля, какой у него не было. Наконецъ, тотъ былъ хоть «бабьимъ пророкомъ», а Степанъ Трофимовичъ былъ просто «никѣмъ».

Вся его «идея» въ томъ и заключалась, что онъ былъ «пострадавшимъ за убѣжденія». Въ тѣ времена это было моднымъ. Но вѣроятно, въ глубинѣ души онъ зналъ, что и въ этомъ отношеніи онъ былъ «нулемъ».

Этот человек отчаянно вѣрилъ въ «Консидерантъ» Фурье! Даже вопреки Ставрогину, о которомъ, конечно, зналъ, что тотъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, «идеологъ движенія», затѣяннаго Верховенскимъ. Тутъ понятно выраженіе Ленина, когда ему Максимъ Горькій, говоря о террорѣ, и что, де, «если бы Марксъ былъ живъ...», на что тотъ вскричалъ: «Тѣмъ хуже для Маркса!» Нигилисты Достоевскаго кричали: «тѣмъ хуже для логики!» Ничто не могло остановить этихъ людей, ни уговоры, ни логика. Послѣдней, собственно, они никогда и въ глаза не видали. Но что съ ними стряслось, и почему они такъ вдругъ, неистово увѣровали въ «Консидерантъ»? Почему онъ сталъ для нихъ, до извѣстной степени, «Кораномъ»? Да дѣло просто: вѣрить въ Бога, такъ надо работать надъ своей душой, личностью, характеромъ, а вѣровать въ «Консидерантъ», значить — какъ ты не скверенъ, со всѣми твоими смрадными грѣхами, но «для Консидерана» ты вполнѣ хорошъ!» Ни-ка-кой работы надъ собой! Это первое, а второе — «не только низость твоя тебѣ въ грѣхъ поставлена не будетъ, но даже въ добродѣтели!» Мало того, «всѣ тормоза будутъ отпущены въ тебѣ, съ момента, какъ ты станешь послѣдователемъ матеріалистической религіи». И, конечно, первое, что они затѣяли въ семнадцатомъ году, когда дорвались до власти, это окончательно утвердили «новое правописание»! Не надо ничего труднаго! Не надо ничего кореннаго! Никакихъ корней! И, подобно Крыловской свиньѣ подъ дубомъ, они «желали жолудей, отъ коихъ жирѣютъ», повреждая корни Русской Словесности. Къ тому же упрощеніе повели они во всѣхъ областяхъ. Даже самое жизнь упростили такъ, что она хуже смерти стала.

Но Ставрогинъ, видимо, отъ кого-то получилъ, все-таки полномочія, и Верховенскій, работая какъ бы отъ него, велъ свою собственную политику, полную совершеннаго цинизма, отъ котораго даже Ставрогина передерживало. Объ этихъ «полномочіяхъ» Ставрогина сказалъ даже губернаторъ, въ разговорѣ съ Верховенскимъ, но тотъ уклонился отъ отвѣта. И понятно, почему: онъ намѣревался перехватить эти полномочія, оставивъ Ставрогину лишь парадную роль «Ивана-Царевича».

Много на Руси было въ то время спившихся людей, нѣкоторыхъ изъ нихъ, даже не безъ образованія, можно было встрѣтить. Кишлѣ ими и Санктъ-Петербургъ, гдѣ они, на Невскомъ, попрошайничали, идя рядомъ съ прохожимъ и ведя такую рѣчь: «Подайте постррадавш-ш-шему за убѣжденія!» Но получивъ полтинникъ, сейчасъ же скрывались въ какомъ-либо питейномъ заведеніи, трактирѣ, пивной, гдѣ и пропивали полученное. Они въ высшей степени были убѣждены, что они — «жертвы режима»! Но — мало ли пьяницъ на свѣтѣ, и отвѣтственны ли за нихъ

правительства всѣхъ странъ земныхъ? Другіе бездѣльничали, какъ Степанъ Трофимовичъ: «Странная мысль, зачѣмъ я лежу? Всѣ гениальные и прогрессивные люди «ан Русси» были, есть и будутъ — картежники и пьяницы!» Конечно, это — «эпитафія» сего мужа на свой собственный счетъ.

И когда Варвара Петровна къ нему заходитъ, и видитъ соръ на полу, сердится, кричитъ: «Настасья!.. Настасья!.. почему не подметешь?»

— Сорять-съ! — раздражительно-жалобнымъ голосомъ пропицала Настасья.

— А ты пятнадцать разъ на день мети!

И вотъ, люди, за которыми «пятнадцать разъ на день заметать грязь надо было», и стремились всѣхъ превратить въ своихъ рабовъ, чтобъ тѣ непрерывно за ними мели. Изъ такихъ «гениальныхъ людей» и вышла вся наша революція. Въ собственной комнатѣ порядку навести не могли, а взялись за наведеніе порядка въ государствѣ! Конечно, ихъ смело первой же волной, и на ихъ мѣсто сѣли другіе, мономаническіе люди, уже убѣжденные въ своихъ порокахъ, какъ въ добродѣтеляхъ, которымъ было наплевать на все, «даже на Маркса»!

Изъ первыхъ же ничего не вышло. Точно у Дѣда-казака изъ «Заколдованнаго Мѣста» Н. В. Гоголя: «никакъ не вытанцовывается!» Но — «макитру революціонныхъ помоевъ, очистокъ картошки и всякихъ отбросовъ, баба имъ на голову, при входѣ, вылила!» — «Похотливыми псами, диверсантами, право-лѣво-загибалами» ихъ сдѣлали, «для судороги разъ въ три года (иногда и чаще)», вполнѣ по Шигалеву.

Удивительно, что когда все стряслось, въ «Бѣсахъ», и когда Степанъ Трофимовичъ кинулся «куда-то, отрясая прахъ», онъ такъ и не понялъ, что самъ же былъ причиной не только событій, но и Федьки, и Верховенскаго со Ставрогинимъ, ибо однихъ погубилъ такъ, а другихъ этакъ. Все-таки, то же сдѣлали и во время настоящей революціи всѣ «полу-Верховенскіе», «полу-Ставрогины», кинувшись заградицу. Шатовыхъ въ это время у насъ оказалось человекъ два, а остальные кинулись «въ обиженные», издавая капустные листки, газетенки, требующія «всеобщей жертвенности», сами же, между прочимъ, будучи редакторами, всю «жертвенность» собирали на свой текущій счетъ. Нашлись среди эмигрантовъ и жертвенные люди, которыхъ они жестоко эксплуатировали тридцать лѣтъ и три года, продолжая печатать «благодарности», главнымъ образомъ. Другіе, полѣвѣе, заняли выжидательную позу, можетъ «позовутъ», и заявляли «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, что, де, въ СССР не настоящій социализмъ», а что вотъ они одни знаютъ, какъ завести «настоящій».

За это, конечно —

спасибо сердечное

скажетъ имъ Русскій народъ,

когда Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ!

По нашему скромному разумѣнію, этого времени долго ждать не придется, «спасибо» имъ русский народъ уже говорить, въ лицѣ ДП! Иной разъ и довольно-таки невѣжливо.

Но замѣчательно, все-таки, сужденіе Степана Трофимовича:

— Липутинъ, вы слишкомъ хорошо знаете, что только за тѣмъ и пришли, чтобы сообщить какую-либо мерзость въ этомъ родѣ... и еще что-либо хуже!

— Помилуйте, Степанъ Трофимовичъ! — бормоталъ Липутинъ какъ-бы въ ужаснѣйшемъ испугѣ, — помилуйте...

Вотъ, за этимъ только и появились изъ всѣхъ щелей Липутины. Какъ отвратительныя насѣкомыя изъ «Карамазовщины» явились они, чтобы насѣсть на тѣло русскаго народа и беспощадно сосать самую его субстанцію, во имя «неба въ алмазахъ» черезъ двѣсти лѣтъ», какъ говорилъ одинъ изъ героев Чехова, или ради «всемирно-человѣческой республики и гармоніи-съ». Если же они хотѣли всю сонную жизнь тогдашняго времени «замѣнить грохотомъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ человѣчеству», такъ оказалось и то вѣрнымъ, что сказалъ Лебедевъ въ «Идіотѣ»: «А что, если эти самыя телѣги да... исключать изъ всеобщей раздачи хлѣба значительную часть этого самага человѣчества?» Увы, «телѣги» въ СССР исключили весьма значительную часть несчастнаго человѣчества. И Липутины на это смотрѣли съ неистовымъ наслажденіемъ. Для нихъ мученія ближняго — сахаръ. Они на нихъ смотрятъ, какъ на пріятную картину: «ты-то, братецъ, мучаешься! Такъ тебѣ и надо, собакѣ! А мнѣ — хорошо! А я, братишка, не мучаюсь!»

Но если, какъ говоритъ Ипполитъ въ «Идіотѣ», — «во всемъ этомъ есть законъ природы», то, конечно, Лебедевъ, отчасти, тотъ-же Липутинъ, хотя и не такой злой, достаточно правдоподобно заявляетъ: «Законъ природы? Да можетъ такой же законъ, какъ и разрушеніе, или саморазрушеніе!»

Такъ, конечно, какъ по словамъ пророка, и случилось. Эти господа затѣяли «нѣчто большее, нѣчто великое, нѣчто прекрасное, и самъ я, мамынька, въ голубомъ плаще-съ!», но пришелъ Ленинъ и одѣлъ ихъ въ мѣшки, обулъ въ опорки. Въ первые годы революціи «отъ людей, даже ученыхъ — смердѣло! Столь заношены были у нихъ штаны и пиджаки». Объ этомъ намъ, въ Прагѣ, сразу послѣ революціи и гражданской войны повѣдалъ не одинъ профессоръ, мировой ученый и настоящій геній! «Плаща», да еще «голубого», въ революціи ни для кого не нашлось. Даже совѣтскіе маршалы ходятъ въ мѣшковатыхъ кителяхъ, на подобіе кителей полицейскихъ царскаго времени. Какъ у городскихъ, въ свое время! Безо всякой пригнанности, изящества. Даже неловко становится, когда видишь ихъ въ синема, а чужеземцы, взирая на такую внѣшность, смѣются!

Обидно какъ-то становится, когда слышишь

этотъ смѣхъ. Жалко людей! Даже энкаведисты, и тѣ — въ мѣшкахъ. И палачамъ, значить, «телѣги» мало чего дали.

Жалко, конечно, невинныхъ людей, но полу-Ставрогиныхъ, полу-Верховенскихъ никакъ не жалко. Этихъ людей жалѣть мы не имѣемъ права. Ихъ разсудить и пожалѣть Богъ, если Ему будетъ угодно, а не мы. Согрѣшили они не столько противъ насъ, какъ противъ Духа Святого! Онъ ихъ и разсудить.

Какъ мы уже сказали, говорятъ, что Достоевскій Ставрогина писалъ съ Бакунина. Если это вѣрно, то вѣрно и то, что нѣкоторыми чертами, даже физически, походить на него и Ленинъ. Такъ, Бакунинъ былъ явно выраженаго монгольскаго типа, довольно часто встрѣчающагося въ толцѣ народа. Ленинъ тоже. Зато въ молодости онъ былъ чистымъ Ставрогинимъ. Отказался онъ отъ этой чистоты позже, когда окончательно окунулся въ революціонную грязь и съ ней свыкся. Однако, во времена студенческія это былъ, пожалуй, на взглядъ нѣкоторыхъ, даже красавецъ, и если прибавимъ къ этому незаурядную силу ума, которую онъ имѣлъ, то въ это время Ленинъ, пожалуй, и за истиннаго Ставрогина сойти могъ. Не въ тотъ періодъ, когда Ставрогинъ «съ пазовъ окончательно съѣхалъ», а когда еще начиналъ «съѣзжать», находясь въ періодѣ неустойчиваго равновѣсія, уже нарушеннаго, но еще не ставшаго паденіемъ. Но къ моменту революціи Ленинъ «красоту ранняго Ставрогина» уже потерялъ, и сталъ «разночинцемъ», благодаря общенію съ такимъ же разночиннымъ сбродомъ, съ какимъ онъ встрѣчался. Неряшливая компанія революціонеровъ, ихъ нечесанныя головы, небритыя фізіономіи, нигилизмъ въ обращеніи, нечистота нравственная — подѣйствовали на него губительно. У него пропала эстетическій вкусъ, а съ потерей эстетическаго взгляда на вещи, пропала и этика. Ленинъ сталъ презирать людей, и въ дальнѣйшемъ въ этой мысли укрѣпился.

Робеспьеръ настаивалъ на «чистотѣ дѣятелей», а Ленинъ на «нечистотѣ», въ нѣкоторомъ смыслѣ. Французъ взывалъ къ бдительности ради «чистоты», а русакъ наплевалъ на все, «лишь бы революцію сдѣлать». Робеспьеръ настаивалъ на моральной честности, а Ленину было «все равно, лишь бы старый міръ набокъ сбросить». Преступниковъ онъ даже использовалъ для «углубленія революціи».

Ставрогинъ же Федькой, какъ-никакъ, гнушался. Онъ ему былъ отвратителенъ, какъ, впрочемъ, былъ отвратителенъ и Верховенскій. Между тѣмъ Ленину никто не былъ отвратителенъ, кромѣ защитниковъ Христіанской морали!

Первый ударъ его эстетическому чувству былъ нанесенъ общеніемъ со старшимъ братомъ, нигилистомъ, а казнь послѣдняго за подготовку къ Цареубійству, уничтожила въ душѣ ребенка-Ленина и этическое начало. Сначала неряшливость, безобразіе братней среды, «товарищей», а затѣмъ и кажущаяся

несправедливость к нему со стороны Царскаго Суда, приговорившаго его къ смерти, была тѣмъ, что нарушило моральное начало души мальчика.. Брата онъ любилъ, въ средѣ его товарищей-студентовъ враждался, и видѣлъ, что они часто шутятъ, смѣются, съ жаромъ говорятъ о своихъ идеяхъ, и не представляя, что было преступнаго въ этомъ. Мать, не сумѣвшая внушить сыновьямъ гражданскихъ добродѣтелей, ни любви къ Родинѣ, вѣроятно, безумно горевала по старшемъ братѣ, и Владиміръ видѣлъ лишь это. Онъ не понималъ, не смогъ понять казни. Въ душѣ его зародилась мечта о мщеніи «всѣмъ имъ», виновнымъ и невиновнымъ. Неокрѣпшій умъ его не смогъ понять, что наказаніе послѣдовало за преступленіемъ, которое сдѣлалъ братъ. Это ни въ коемъ случаѣ не было призывомъ, а наказаніе, доказанное на судѣ, со всѣми гарантіями защиты и обвиненія. Но неразумная мать еще больше усилила драму, среда же брата, все его «партийные товарищи», объяснила Ленину, называя брата «героємъ», а его судей, защитниковъ порядка — «мерзавцами». Въ дальнѣйшемъ Ленинъ уже не смогъ найти правильнаго объясненія случившемуся, и до конца жизни остался «человѣкомъ объ одной идеѣ», раздавленнымъ ею, «извивающимся, какъ червь, подъ свалившимся на него камнемъ».

Ставрогинъ — не то. Онъ не былъ затронутъ лично Царской властью. Ничего въ прошломъ его не было, что бы могло вызвать въ немъ чувство мщенія. Былъ лишь... ворчунъ и фантазеръ Степанъ Трофимовичъ, «пострадавшій за убѣжденія», и возможно, что именно за него схватилась дѣтская душа Ставрогина и за него хотѣла мстить обществу, «обидѣвшему милаго Степана Трофимовича». Но ему нужно было «имѣть бремя», какъ сказалъ о немъ Кирилловъ. Это бремя Ставрогинъ и навалилъ на себя. Кирилловъ сказалъ ему объ этомъ, когда они вмѣстѣ возвращались съ дуэли съ Гагановымъ и когда Ставрогинъ сказалъ: «Я знаю, что я ничтожный характеръ, но я и не лѣзу въ сильные». На это ему Кирилловъ отвѣтилъ: «И не лѣзьте; вы не сильный человѣкъ! Приходите чай пить». Этимъ «чаемъ» Достоевскій какъ бы убилъ своего героя, если такъ можно сказать, а Марья Тимофѣевна, несчастная дурочка, сестра Лебядкина, передъ тѣмъ даже прогнала его, и вслѣдъ ему кричала: «Гришка Отрепьевъ! Анаѣема!» И это было, въ общемъ, неплохо сказано. Она, полоумная, въ одномъ отношеніи была права, когда отказалась отъ его дикаго плана уѣхать вмѣстѣ въ Швейцарію и тамъ жить съ нимъ сорокъ лѣтъ въ горахъ. «Какъ увидала я твое низкое лицо, когда упала, а ты меня подхватилъ, — точно червь ко мнѣ въ сердцѣ заползъ: не онъ, думаю, не онъ! Не постыдился бы соколъ мой передъ свѣтской барышней!.. О Господи, да я ужъ тѣмъ была счастлива, всѣ пять лѣтъ, что соколъ мой гдѣ-то тамъ, за горами живетъ и летаетъ, на солнце взираетъ... (Подчеркнуто нами, авторъ). Говори, самозванецъ, много-ли

взялъ? За большія-ли деньги согласился? Я-бы гроша тебѣ не дала!.. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!» Эта бѣдная дурочка, калѣка поняла, что Ставрогинъ больше не тотъ, что онъ перемѣнился. «Прочь, самозванецъ!» — повелительно вскричала она: «я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!»

— Ножа!

— Да, ножа! У тебя ножъ въ карманѣ. Ты думалъ, я спала, а я видѣла; ты какъ вошелъ давеча, ножъ вынималъ!

Короче говоря, «младенцамъ открылъ еси истину», какъ говоритъ Священное Писаніе. Ненормальная была одарена сверхчувственнымъ зрѣніемъ, она видѣла, какъ глубоко вошло въ душу Ставрогина демоническое начало, и какъ пустило въ нее корни преступленіе, хотя онъ еще и не успѣлъ ничего сдѣлать. О преступленіи намъ и хочется сейчасъ поговорить. Достоевскій его понималъ, какъ нѣкое «существо», завладѣвающее личностью человѣка и вытѣсняющее такую физическую оболочку, тѣла, живя въ немъ, какъ паразитъ, за счетъ тѣла и крови человѣка. Онъ считалъ нѣкоторыя идеи как бы существующими «собственной жизнью», вродѣ, какъ теперь есть автоматы «сйбернетики», обладающіе собственными реакціями, которыми повелеваетъ электронный «мозгъ». Такіе «сйбернетики», въ настоящемъ смыслѣ этого слова — «гомункулусы» нашего времени, и знаменитый Докторъ Фаустъ былъ бы весьма смущенъ, если бы пришелъ на нихъ полюбоваться. Это какъ разъ то, чего онъ искалъ! Рецептъ таковыхъ онъ изучалъ подъ руководствомъ Злого Духа, какъ говоритъ средневѣковая легенда. Точно такими же качествами обладають и нѣкоторыя идеи, утверждалъ Достоевскій, и эти идеи — тѣ же злые духи, надѣленные собственной личностью. Когда онъ набрасываются на человѣка, прежній человѣкъ перестаетъ существовать. Это мы видѣли во время «нацизма», и то же наблюдали при «коммунизмѣ». Укушенный мухой «нацизма», какъ укушенный мухой Тсе-Тсе, впадаетъ въ нацизмъ. Точно то же случается и при коммунизмѣ. «Трепанозома» партийности, по мнѣнію Достоевскаго, вполне реальный фактъ, и во время Гражданской войны намъ приходилось наблюдать людей совершенно мирныхъ, до событій, которыми завладѣвала «трепанозома», и которые становились совершенно невозможными, неподдающимися никакой логикѣ, никакимъ доказательствамъ. «Лѣченіе» такихъ людей, если только они не попадали въ аппаратъ власти, гдѣ ихъ держала «зубчатка» страха, возможно было лишь при грубомъ контактѣ съ самимъ большевизмомъ, и когда они, или ихъ близкіе, попадали въ число жертвъ. У одного «выздоровѣвшаго» казака красные всего-лишь «обтрусилы сливу» и забрали фрукты! Уже этого было для него достаточно для выздоровленія. Другихъ нужно было встряхнуть посильнѣе, но всѣ они, такъ или иначе, приходили въ себя въ послѣдствіи.

Съ точки зрѣнія Достоевскаго, Преступленіе завладѣваетъ человѣкомъ послѣ того, какъ изъ души такового ушелъ Богъ, ибо совѣсть — это глухой Гласъ Божій въ душѣ человѣческой. Ибо все, что послѣ ухода Бога изъ души нѣ дѣлаетъ потомъ человѣкъ, только лишь еле-еле прикрываетъ его личныя желанія, инстинкты и стремленія. И дѣйствительно, по ученію Христіанскихъ Церквей, Богъ есть Любовь, а слѣдовательно Богъ есть и любовь къ ближнимъ, и если любви къ нимъ почему-либо нельзя было почувствовать, то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, въ которомъ Богъ есть, относится къ нимъ съ такой совершенной справедливостью, такъ поступаетъ своими правами, чтобы избѣжать нарушенія чужихъ правъ, что поступаетъ, какъ долженъ былъ бы поступить всякій, любящій ближняго. Мало того, духъ Христіанскаго ученія требуетъ категорически, чтобы вѣрующій не только поступалъ своими правами, но и цѣликомъ ихъ отдавалъ ближнему! Не только «не убій», но — «положи душу за други своя!». Не только «не укради», но — «отдай имѣніе твое нищимъ и ищи Царствія Божія». Не только «не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна», но — «стой за Истину даже до смерти!». Такимъ образомъ, Христіанская Мораль требуетъ активнаго дѣйствія въ пользу Добра. Такимъ образомъ, еще разъ, поступаясь нашими правами въ пользу ближняго, мы можемъ защитить вообще права всѣхъ людей. Однако, мы говоримъ о правахъ моральныхъ, а не юридическихъ. Изъ такихъ изошли и права юридическія. Но, Боже сохрани людей въ эпоху, которые уже никакихъ иныхъ правъ не признаютъ, кромѣ юридическихъ, ибо всякое юридическое право можетъ быть отнято, хотя бы силой, что съ русскими случилось, а если ужъ, притомъ, и моральнаго права нѣтъ, то тогда люди останутся ни съ чѣмъ. Преступленіе займетъ мѣсто права, беззаконіе воцарится тамъ, гдѣ прежде былъ законъ, хоть на бумагѣ, и тогда людское общество, если его оставить безъ принужденія, разсыпется. Сила можетъ держать людей вмѣстѣ, привычка тоже, но какъ только будетъ нарушена привычка и исчезнетъ сила, такъ они и разбѣгутся, ибо ничто не сможетъ удержать людей вмѣстѣ въ такомъ случаѣ. Они разбѣгутся по свѣту, критикуя всѣхъ и все, какъ, снова говоримъ, случилось съ нами.

И вотъ, то, что у Ставрогина не хватило смѣлости быть до конца преступникомъ, какъ, скажемъ, Федька Каторжный, и упрекнулъ его Кирилловъ. Гордыня души Ставрогинской была столь велика, что онъ даже денегъ ему не далъ, до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ, что Федьку поборолъ, и что не изъ-страха даетъ. Только тогда онъ ему швырнулъ весь бумажникъ, цѣликомъ, все, что имѣлъ!

— Вы не сильный человѣкъ. Приходите чай пить. — Николай Всеволодовичъ вошелъ къ себѣ сильно смущенный. — такъ заканчива-

етъ эту главу Достоевскій. Да, злобы у него было много, но — одной злобы, и — никакой силы, а это и смутило его. И — въ общемъ — его можно было лишь пригласить «чай пить».

Между тѣмъ, Шатова объ опасности онъ предупредилъ, предупредилъ онъ и Лебядкина, что того «убрать могутъ». Тутъ удивительно, какъ, всегда, вотъ такіе люди стыдятся сказать — «убить!» Нѣтъ, они придумаютъ какое-нибудь словечко, какъ — «вывести въ расходъ», «отослать въ штабъ Духонина», «шлепнуть», но никогда не скажутъ прямо — убить. Почему? Потому что и сами сознаютъ, что они — преступники, и что мѣсто имъ — въ тюрьмѣ, а не на волѣ, что совершаютъ преступленіе и что убійство — грѣхъ.

Потому-то и злоба у нихъ противъ религіи. Казалось бы, если Богъ — «выдумка поповская», такъ нечего Бога и трогать. Однако, «штурмъ небесъ» — одно изъ главныхъ ихъ занятій. Можетъ и потому еще, что сами они не увѣрены, что Бога, дѣйствительно, нѣтъ. Можетъ, даже, въ глубинѣ боятся будущаго наказанія. «И бѣси вѣрують и трепещуть!» — говоритъ Священное Писаніе. А такъ, какъ «укушенные мухой Тсе-Тсе — одержимые», то-есть, въ нихъ вошли бѣсы, имя коимъ — Легионъ, то изъ глубины ихъ преступности и аморальности они понимаютъ, что неудобно-же называть ихъ «дѣло» своимъ именемъ. Отсюда и «словечки», такъ ими любимыя.

Извѣстно, что у преступниковъ, мы говоримъ объ уголовныхъ, въ Царской Россіи, существовалъ особаго рода «кодексъ» чести: нельзя было называть кого-либо въ женскомъ родѣ! Сказать: «эхъ ты, дрянн!» или что-нибудь еще невиннѣй, было равносильно кровному оскорбленію. А любую ругань, но непременно въ мужскомъ родѣ, эти люди принимали, пропуская мимо ушей.

— Я такъ подлъ и гадокъ, — говоритъ Ставрогинъ Дашѣ. Но разъ онъ самъ знаетъ свое паденіе, то почему же этотъ «преобразователь рода человѣческаго» не начинаетъ свои преобразования съ самого себя? Казалось бы, разъ хочешь лучшихъ людей, ибо прежними ты недоволенъ, такъ покажи примѣръ, становись самъ лучшимъ. Анъ, нѣтъ, здѣсь «безчестный кодексъ чести», вродѣ упомянутаго нами выше, мѣшаетъ.

— И сталь-бы, молъ, лучше, да почему я — первый буду мѣняться? Я стану, а другіе — не стануть. Стало быть, дѣло не во мнѣ, а въ окружающихъ.

«Среда, видите-ли, виновата!» Сами эти «соколы ясные не виноваты», а другіе — да. Такъ, эти «князья и соколы ясные» рѣшили въ СССР: «невиновныхъ нѣтъ». Любо-дорого: господа одни правы, остальные всѣ виноваты. Но Ставрогинъ — во власти бѣса. Онъ самъ это знаетъ, когда говоритъ Дашѣ: «Одинъ бѣсенокъ (изъ тѣхъ, что помельче) предлагалъ мнѣ вчера на мосту зарѣзать Лебядкина и Марью Тимофѣевну, чтобы порѣшить съ моимъ законнымъ бракомъ, и концы чтобы въ воду. Задатку просилъ три цѣлковыхъ, но

даль ясно знать, что вся операция будет стоить не меньше, какъ полторы тысячи. Вотъ такъ расчетливый бѣсъ! Бухгалтеръ! Ха-ха-ха!» (То-есть, Федька Каторжный не то явь, не то — привидѣніе. Съ одной стороны, онъ — явь, ибо есть на свѣтѣ Федька, прозванный Каторжнымъ, а съ другой, онъ — «бѣсъ», въ котораго «хочетъ не вѣрить, но вѣруеть» Ставрогинъ, но съ другой стороны — его какъ бы нѣтъ, ибо «это все я въ разныхъ видахъ!», какъ Ставрогинъ говорилъ Епископу).

— Я ему отдалъ всѣ мои деньги изъ портмоне, и онъ теперь совершенно увѣренъ, что ему выдалъ задатокъ!» — продолжаетъ онъ. Значитъ зналъ, когда давалъ деньги, какъ пойметъ этотъ жестъ Федька? Конечно, Ставрогинъ зналъ, и также зналъ, что если Федька не «бѣсъ», то одержимъ бѣсомъ, какъ и самъ онъ, Ставрогинъ, тоже одержимъ бѣсомъ.

— То есть, вы увѣрены, что я не пойду къ Федькѣ въ лавочку?, закончилъ онъ, и послѣ этого бѣдная Даша должна была уходить, потому что вернулась Варвара Петровна, и она говоритъ быстро: «Да сохранить васъ Господь отъ вашего демона. . . и позовите, позовите меня скорѣй!»

— О, какой мой демонъ! Это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся. . .» — говоритъ онъ, вродѣ какъ бы для «хорошаго тона». Но бѣсъ его гордыни не унимается: когда Даша должна его покинуть, въ самую послѣднюю минуту, онъ ее спрашиваетъ: «если. . . ну, тамъ, однимъ словомъ, если. . . понимаете, ну, если бы даже и в лавочку, и потомъ бы я васъ кликнулъ, — пришли бы вы послѣ лавочки?»

Она вышла, не оборачиваясь, и не отвѣчая, закрывъ руками лицо.

— Придетъ и послѣ лавочки! . . . — прошепталъ онъ, подумавъ, и брезгливое презрѣніе выразилось въ лицѣ его. — Сидѣлка! Гм!.. А, впрочемъ, мнѣ, можетъ быть, того и надо.

Это очень характерная черта для Ставрогина. Люди его складки презируютъ добродѣланіе людей положительныхъ. Добро въ нихъ вызываетъ отвращеніе. Почему? Потому ли, что они вѣрятъ только въ Зло, или же потому, что знаютъ, что неправы, и что сами должны были бы Добро дѣлать, а не Зло? Намъ кажется, что это такъ, но что есть и еще одинъ мотивъ ихъ дѣйствій, а именно, въ свое время ихъ учили порядочности, и въ этой порядочности они наталкивались какъ разъ на такое же положеніе, разумѣется, въ болѣе мелкихъ случаяхъ, какъ и то, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Отвращеніе ихъ вызвано подсознательной мыслью: «все это я и безъ того уже знаю! А съ другой стороны, каковъ же я!» Иначе говоря, отвращеніе въ нихъ вызвано ихъ же совѣстью, которая-то безусловно знаетъ, какъ низко они пали. Но есть и еще одинъ мотивъ отвращенія, а именно, имъ гадко, какъ они, именно, вотъ такіе, нуждаются въ сидѣлкѣ. Противно имъ и то, что она соглашается быть сидѣлкой. Въ концѣ концовъ, они сами себѣ противны. Они удивляются,

какъ можно, послѣ всего, еще за ними ходить, ухаживать. По ихъ внутреннему, глубокому убѣжденію, ихъ порочность столь велика, что ихъ гнать надо, съ отвращеніемъ, а тутъ къ нимъ подходятъ съ желаніемъ служить.

— А, впрочемъ, мнѣ можетъ, того и надо». догадка Ставрогина № I. Ставрогинъ № II — не тотъ, онъ готовъ на зло и во злѣ единственно увѣренъ, готовъ подписать тысячи смертныхъ приговоровъ однимъ махомъ пера. Одинъ Ставрогинъ презираетъ и не любитъ другого. Но есть и Ставрогинъ № III, который издѣвается даже надъ его бѣсомъ: «Какой мой демонъ! Это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся». Дѣйствительно, одержимый бѣсомъ долженъ былъ бы на паровозы кидаться, грызть зубами желѣзо, опрокидывать тонны набокъ, а не «страдать насморкомъ!». Во всякомъ случаѣ, настоящій бѣсъ, изъ удавшихся, долженъ былъ бы Ставрогина кинуть на разрушеніе, безъ всякой оглядки. Онъ долженъ былъ бы «землю перевернуть», а вмѣсто этого — размѣнивается на мелочь. Даже «бѣсъ» его не вышелъ, не удался, а не то, что онъ самъ. Но, что бѣсъ въ немъ есть, въ этомъ онъ не сомнѣвается. И это единственно правильная его мысль, доступная его воспаленному мышленію. Что въ немъ жило уже преступленіе, вскрыла Марья, Тимофѣевна сказавшая: «у тебя ножъ въ рукѣ». Сейчасъ онъ сказалъ Дашѣ тоже, что у него ножъ, и весь вопросъ лишь въ торгѣ, а потому и выразился про «Федькину лавочку». Этотъ ножъ его — деньги. Верховенскій хлопочетъ из-за денегъ «на дѣло съ Лебядкиными» (изъ «своихъ», замѣтьте, платить не хочетъ, каковъ!), Липутинъ тоже къ деньгамъ прицѣливается, будучи весьма «соціалистическимъ и стяжательнымъ». Онъ, какъ и покойный Л. Блюмъ, считалъ, что «одно другому не мѣшаетъ». Съ нашей точки зрѣнія, и если мы станемъ на ихъ точку, то — «даже помогаетъ!» Что не выторговалъ умомъ, то можно отнять! Предлогъ не важенъ, можно подъ всякимъ предлогомъ отнять. Это мы видѣли на нашихъ глазахъ, во всѣ эти годы революціи. Одно «кулакомъ» объявятъ, другого «буржуазомъ», третьяго «за то, что у его тифъ въ ногѣ!». Всѣ средства оказались хороши. И Ставрогинъ этого не выдержалъ. Для него, напимѣръ, подлость Верховенскаго невыносима. Ставрогинъ-Революционеръ и могъ бы съ нимъ согласиться, а вотъ, Ставрогинъ-Баринъ никакъ не могъ: «привычки порядочнаго человѣка мѣшаютъ!» Раздвоеніе и «растроеніе» личности Ставрогина произошло вслѣдствіе методической практики Зла. Зло въ себѣ — разлагающе, и ведетъ къ разложенію. Особенно, если есть «привычки порядочнаго человѣка». Та среда, въ которой жилъ Ставрогинъ-физическій, была до нѣкоторой степени ему благопріятной, начиная съ матери, властной женщины, Даши, готовой придти «даже послѣ Федькиной лавочки», даже Шатова, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, и кончая Губернаторшей, говорившей: «я такъ думаю, что не надо пре-

небрегать и нашей молодежью. Кричатъ, что они коммунисты, а по моему надо щадить ихъ и дорожить ими...» Эта теорія «дороженія коммунистами» привела въ послѣдствіи къ знаменитому «стеклянному колпаку» жандармскаго генерала Спиридовича! «Колпакъ» треснулъ, и оттуда хлынула на Русь вся нечисть, всѣ большіе и малые бѣсы, заботливо вскормленные при полномъ «дороженіи ими» власть имущихъ! Это все равно, какъ если бы кто заботливо разводилъ культуру чумы, а потомъ бы кинулъ на полъ добрый чанъ этой культуры, а самъ бы бѣжалъ, бросивъ все на произволъ судьбы... Удивительная и совершенно непонятная вещь!

Благопріятность среды Ставрогина позволила и Верховенкому выльзть на поверхность и начать свою «раскачку». Можетъ быть, черезъ Ставрогина, или даже вопреки ему, но «раскачка» вышла большая. А когда бы все стало идти какъ по-писанному, тогда бы ужъ и Верховенскій со Ставрогинимъ стѣсняться, пожалуй, и пересталъ бы.

Исповѣдь Лебядкина тоже замѣчательна въ своемъ родѣ: спутавшись съ революціонерами, онъ разбрасывалъ годами всякія прокламаціи по губерніи, а «въ нихъ такое написано, что самъ дрожу, а разбрасываю!». И, въ заключеніе: «Я рабъ, я червь, но не Богъ, только тѣмъ и отличаюсь отъ Державина. Но въ средства-то, средства-то мои каковы!». Ставрогинъ предупреждаетъ пьяницу, что «въ Петербургъ васъ, конечно, не пустятъ, хотя бы я вамъ и далъ денегъ на поѣздку». Лебядкинъ признается, что въ пьяномъ видѣ, и кому же! — Липутину сказалъ, что... собирался въ Петербургъ доносъ на революціонеровъ писать! — «Липутинъ измѣнникъ. Я открылъ ему сердце». Такимъ образомъ, его участь сразу же была рѣшена: Верховенскій, конечно же, самъ своими руками ничего, какъ и Ставрогинъ, не дѣлалъ. Впрочемъ, можетъ, убійство Федьки, въ послѣдствіи, и дѣло его рукъ, но вообще, что касается прокламацій, онъ ихъ разбрасывалъ руками Лебядкина. Благо, пьяный капитанъ былъ «безъ головы». Такихъ людей на Руси во всѣ времена было много и глупостью ихъ революціонеры ловко пользовались. Лебядкинъ, говоритъ Ставрогину: «вѣдь вы сами ни въ чемъ не участвовали, вѣдь я не на васъ...»

— Да, ужъ на дойную свою корову вы бы не посмѣли доносить.

Ставрогинъ давалъ деньги Лебядкину, такъ какъ женился на его сестрѣ, и чтобъ тотъ языкъ за зубами, пока что, держалъ, а теперь вдругъ порѣшилъ съ этимъ покончить, то есть, объявить публично, что Марья Тимофѣевна его жена. Значитъ, и подачки капитану должны были изсякнуть. Тотъ былъ прямо въ ужасѣ: «А я же какъ? Да неужели вы меня такъ и сбросите, какъ старый изношенный сапогъ?».

— Я посмотрю, — засмѣялся Николай Всеволодовичъ, — ну, пустите.

Позже, когда Ставрогинъ вошелъ къ Марьѣ Тимофѣевнѣ, онъ думалъ: «Съ такимъ чудо-

творцемъ все сдѣлается; для з л а л ю д я м ъ ж и в е т ь... Или, опять-таки, самъ боится, потому что накуралесилъ, или... или ничего не боится, а только подталкиваетъ, чтобъ я на нихъ всѣхъ донесъ! Охъ, жутко, Лебядкинъ, охъ, какъ бы не промахнуться!...»

При всей своей глупости и при склонности къ бутафорскому слогу, Лебядкинъ окончательнымъ дуракомъ не былъ, какъ не былъ имъ ни одинъ герой романа («Бѣсы»), и кое-что въ психологіи Ставрогина понялъ: тотъ, дѣйствительно, и — «боялся, и не боялся». Одинъ Ставрогинъ очень боялся, а другой даже желалъ скандала.

Но и Верховенскій думалъ тоже «убрать Лебядкиныхъ», причѣмъ, конечно, при помощи «Федькиной лавочки». Да и самъ Ставрогинъ, видимо, не прочь былъ черезъ эту «лавочку» пройти. Послѣ исповѣди Лебядкина, въ ночи, побивъ Федьку, онъ все-таки ему портмонэ свое бросилъ, а тамъ было рублей до пятидесяти мелкими бумажками.

Маврикій Николаевичъ, еще одна изъ фигуръ этой повѣсти, проходитъ нѣсколько незамѣтнѣй черезъ все дѣйствіе, но съ другой стороны, Достоевскій его надѣлилъ чистой душой, порядочными поступками, вѣрнымъ и стойкимъ характеромъ. Если-бы не неистовая Лиза, нашедшая въ немъ своего вѣрнаго Личарду, то Маврикій Николаевичъ, можетъ быть и вышелъ-бы невредимымъ изъ событий. Погубила его Лиза, съ самаго начала державшая его на положеніи Личарды и «эпузера» то есть человѣка для услугъ, и могшаго, въ концѣ концовъ, стать ея мужемъ. Но сама-то она не знала толкомъ, чего ей надо. Она, конечно, безусловно любила Ставрогина, но не могла выйти за него замужъ изъ-за дурочки Лебядкиной. Съ другой стороны, мѣшали ей и пороки Ставрогина. Но если бы послѣдній какимъ-либо чудомъ оказался свободнымъ, и пришелъ бы къ ней со словами: «Я рѣшилъ измѣниться, и больше безобразій дѣлать не буду!», то, несмотря на всю ея привязанность къ Маврикію Николаевичу, несмотря на всѣ его хорошія качества, она бы его безжалостно оставила и вышла бы за Ставрогина. И, возможно, что въ самую послѣднюю минуту вышло бы, какъ у Настасьи Филипповны изъ «Идіота» — убѣжала къ князю изъ-подъ вѣнца съ Рогожинимъ». У Достоевскаго есть такой неустойчивый типъ женщины, которая «не знаютъ, чего имъ надо». Вѣроятно, онъ отражаетъ типъ Суловой и Корвинъ-Круковской, которыхъ нашъ великій писатель любилъ, и которыхъ не знали, чего имъ надо. Ни та, ни другая. Конечно, Лиза куда симпатичнѣе Настасьи Филипповны, но все-таки, это типъ женщины, у которой чувство господствуетъ надъ разумомъ. Разумъ въ данномъ случаѣ онъ употребляютъ лишь для маскировки хаоса, произведеннаго чувствами. При помощи послѣдняго онъ какъ бы сглаживаютъ углы случившагося, но случившееся происходитъ, и никогда онъ не гарантированы, что снова не произойдетъ, даже и тогда, когда успокаиваются и находятъ какой-то причалъ.

Однимъ словомъ, если человѣкъ господинъ своихъ эмоцій, это одно, а если онъ ихъ рабъ, это другое. Можно быть весьма приличнымъ человѣкомъ, но не имѣть самообладанія. Многія женщины, особенно выведенныя Достоевскимъ въ его романахъ, неустойчивы, бросаются справа влѣво и, такимъ образомъ, сбиваютъ съ толку друзей или мужей. Каждый изъ таковыхъ разсуждаетъ самъ отъ себя, не зная, гдѣ истина и въ чемъ она, и поступаетъ совершенно своимъ выводамъ, чаще всего ложнымъ, а отсюда и проистекаетъ своеобразный «надрывъ» всѣхъ любовныхъ исторій въ романахъ писателя.

Но Маврикій Николаевичъ, заслуживающій всяческаго вниманія, мотается съ Лизой повсюду, повсюду же является ея молчаливымъ свидѣтелемъ, жертвой, иногда прямо несчастной жертвой, какъ въ самомъ концѣ жизни, напримѣръ. Одни ея поступки странны, другіе прямо неистовы, а третьи безжалостны. Такъ, напримѣръ, пріѣхавъ къ Ставрогину въ Скворешники, она бросила несчастнаго Маврикія Николаевича у воротъ, и тотъ «просидѣлъ всю ночь и продрогъ», какъ о немъ говоритъ Петръ Степановичъ. Но что дѣлалось въ душѣ этого добраго молодого человѣка, можно себѣ представить.

Неприятна и безжалостна, напримѣръ, сцена, когда Лиза заставляетъ Маврикія Николаевича стать на колѣни у Семена Яковлевича, не то — прорицателя, не то — юродиваго (нѣкая фигура, вродѣ провинціального Распутина). Ясно, что она хотѣла отъ своего жениха, ибо Маврикій Николаевичъ былъ ея официальнымъ женихомъ, чтобы онъ «дѣлалъ все, что она скажетъ!» Но сейчасъ же, какъ только тотъ подчиняется, она заставляетъ его «не дѣлать этого!» Есть особый видъ женщины, которымъ доставляетъ удовольствіе терзать влюбленнаго человѣка, и почему-то имъ кажется, что «онъ долженъ сдѣлать все, что я потребую!» А если бы не сдѣлалъ? Откровенно говоря, не всѣ мужчины на это и способны. Есть такіе, что потерпѣвъ однажды, дважды, въ третій разъ скажутъ грубо: «тебѣ хочется, такъ иди сама и становись!» Но въ тѣ времена почему-то считалось, что женщина можетъ потребовать самыхъ дикихъ вещей, и что надо ихъ исполнить. Такъ, Полина тоже требуетъ, чтобы Игрокъ (романъ «Игрокъ») вызвалъ на дуэль нѣмецкаго барона! Это, конечно, истеричность, ибо если Игрокъ и задѣлъ барона, то сдѣлалъ это ни за что, ни про что, и сама Полина видѣла въ этомъ лишь случай посмѣяться надъ нимъ, тоже ни за что, ни про что. Эта формула выражается словами: «вы же сказали, что будете меня во всемъ слушаться? Ну, такъ вотъ, я приказываю, и basta!» Маврикію Николаевичу именно такъ и пришлось выполнять чудаческія требованія Лизы, а послѣдняя сейчасъ же сама увидѣла, что слишкомъ далеко зашла въ нихъ. Но она это увидѣла лишь по тому, что замѣтила неодобреніе общества. Маврикій Николаевичъ считалъ, что въ этомъ, вѣроятно, кроется лишь капризъ, и потому его выполнилъ. Но

какъ бы сдѣлалъ человѣкъ съ развитымъ чувствомъ достоинства? Онъ бы ее немедленно бросилъ! Такіе случаи бывали и дѣвицы съ такимъ нравомъ оставались безъ жениховъ, иногда, впрочемъ, выходя за пожилого вдовца либо человѣка, которому было все равно, на комъ жениться. Иногда такіе поступки барышень были вызваны домашними обстоятельствами, иногда интригами другихъ поклонниковъ, вліяніемъ родителей, и такъ далѣе, но обычно, «перебѣсившись», дѣвка выходила замужъ и была ужъ покорной супругой самаго зауряднаго человѣка. Иногда онъ былъ даже глупымъ. Весь вопросъ въ такомъ случаѣ для строптивой дѣвицы былъ лишь въ средствахъ. Если мужъ былъ богатъ, она находила призваніе въ дѣтяхъ или туалетахъ. Чувства она прятала на дно души и никогда о нихъ никому не говорила, иногда, впрочемъ, поплакивая о неудавшейся любви.

Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы у Маврикія Николаевича не было достоинства, но онъ былъ рабомъ своей любви, считая, что когда Лиза будетъ его женой, она перемѣнится. Да и откуда молодому человѣку было знать женскую психологію? Иная и любить, а сама отталкиваетъ, «чтобъ испытать», и даже промахивается въ этомъ дѣлѣ, а все-таки отталкиваетъ. Тутъ ужъ все — дѣло силы чувства и личнаго достоинства.

Откуда и какимъ образомъ получаютъ такіе характеры? Отъ неправильнаго воспитанія, невротическихъ заболѣваній, невѣрія, отсутствія идеаловъ въ жизни, причемъ, именно, идеаловъ духовныхъ. Иногда это явленіе имѣетъ мѣсто при алкоголизмѣ, какъ у Ставрогина. Однако, у послѣдняго не одинъ алкоголь виноватъ, но и воспитаніе, а главное, отсутствіе твердаго пониманія, что такое человѣкъ и какія у него права и обязанности.

Дѣло въ томъ, что человѣческое существо состоитъ не изъ одного только тѣла, но и духа, хотятъ ли этого господа атеисты или нѣтъ. Духовное начало человѣка находится въ равновѣсіи съ тѣлеснымъ, и если нарушено что-либо въ тѣлесномъ человѣкѣ, это сейчасъ же отражается на его психикѣ. Порѣзавшись, человѣкъ чувствуетъ боль, а болеощущеніе, будучи сильнымъ, заполняетъ собой всѣ остальные ощущенія и мѣняетъ нормальныя реакціи послѣдняго.

Однако же, Ставрогинъ, поскольку его понималъ Кирилловъ, «искалъ бремени».

— Я ищу бремени?

— Да.

— Вы... это видѣли?

— Да.

— Это такъ замѣтно?

— Да.

Помолчали съ минуту. Ставрогинъ имѣлъ очень озабоченный видъ, былъ почти пораженъ.

— Я потому не стрѣлялъ, что не хотѣлъ убивать, и больше ничего не было, увѣряю васъ, — сказалъ онъ торопливо и тревожно, какъ бы оправдываясь.

— Не надо было обижать.

— Какъ же надо было сдѣлать?
— Надо было убить. (Разговоръ имѣетъ мѣсто послѣ дуэли съ Гагановымъ).
— Вамъ жаль, что я его не убилъ?
— Мнѣ ничего не жаль. Я думалъ, вы хотите убить въ самомъ дѣлѣ. Не знаете, чего ищете.
— Ищу брeмени, — засмѣялся Ставрогинъ.
— Не хотѣли сами крови, зачѣмъ ему давали убивать?
— Если бы я не вызвалъ его, онъ бы убилъ меня такъ, безъ дуэли.
— Не ваше дѣло. Можетъ, и не убилъ бы.
— А только прибилъ?
— Не ваше дѣло. Несите бремя. А то нѣтъ заслуги.

— Наплевать на вашу заслугу, я ни у кого не ищу ея!

— Я думалъ, ищете, — ужасно хладнокровно заключилъ Кирилловъ. . .

— По крайней мѣрѣ, вы-то на меня не сердитесь? — протянулъ ему руку Ставрогинъ.

— Нисколько! — воротился Кирилловъ, чтобы пожать руку. — Если мнѣ легко бремя, потому что отъ природы, то, можетъ быть, вамъ труднѣе бремя, потому что такая природа. Очень нечего стыдиться, а только немного.

— Я знаю, что я ничтожный характеръ, но я и не лѣзу въ сильные.

— И не лѣзьте; вы не сильный человѣкъ. Приходите чай пить.

Николай Всеволодовичъ вошелъ къ себѣ сильно смущенный.»

Такъ повѣствуетъ объ этой сценѣ Достоевскій. Мы уже о ней упоминали, и теперь разбираемъ ее всю.

Что значитъ: «вы ищете брeмени?» Дѣло въ томъ, что Кирилловъ разгадалъ Ставрогинскую драму. Одна изъ частей души послѣдняго сознавала свою низость и искала страданія, какъ искупленія. Другая часть возставала противъ первой и обезвреживала исканія первой. Третья, наконецъ, смѣялась надъ первыми двумя, и самъ Ставрогинъ съ тяжелымъ недоумѣниемъ наблюдалъ за ними. Самъ Ставрогинъ не понималъ, почему все это въ немъ происходитъ. Онъ не зналъ, что Зло разлагаетъ душу на составные элементы, не зналъ, что это разложение начинается раньше физическаго, и что ему придется вдыхать самому, содрогаясь, духовный смрадъ гнiющей души. Все это онъ постигалъ сейчасъ, на практикѣ, и внимательно къ себѣ прислушивался. Все его вниманіе было поглощено наблюдениемъ, и потому онъ не могъ его направить все, цѣликомъ, на что-нибудь, а потому-то онъ и не былъ сильнымъ человѣкомъ, хотя и могъ. . . чай пить! Послѣднее замѣчаніе Кириллова удивительно вѣрно: живой трупъ могъ еще «чай пить», то-есть, отправлять свои физическія потребности, не больше. Въ остальномъ онъ уже былъ ничтожествомъ. Сначала въ немъ были «привычки порядочнаго человѣка», затѣмъ ихъ побѣдило, правда, не до конца, преступленіе, а затѣмъ «привычки» нейтрализовали преступное начало души, чтобы въ свою очередь, Богъ вѣсть по какому разу,

быть побѣжденными преступностью. Послѣ каждаго такого процесса отдѣлялась «почкованіемъ» еще одна часть личности Ставрогина, становясь самостоятельной. Самъ онъ внимательно и съ тяжелымъ недоумѣниемъ за ними наблюдалъ. Какъ онъ могъ, послѣ этого, что-либо сдѣлать цѣльнаго? Нѣтъ, ему оставалось либо «искать брeмени», чтобы забыться подъ его тяжестью, либо же, пройдя Федькину лавочку, уйти «на чердакъ», что онъ и сдѣлалъ въ концѣ концовъ.

Однако, поединокъ Ставрогина съ Гагановымъ показалъ обществу, что «Николай поступилъ благородно», а одинъ отставной генералъ сказалъ даже, что «это въ нравахъ гвардіи двадцатыхъ годовъ». То, что Ставрогинъ отказался драться съ Шатовымъ, было понято, какъ «нежеланіе драться со своимъ бывшимъ крѣпостнымъ». Такимъ образомъ, сразу же забыли все скандальное Ставрогина, а помнили лишь объ этомъ, носившемъ въ себѣ отпечатокъ благородства.

У него какъ бы образовался ореолъ. И даже гордость и пренебреженіе, бывшія въ его лицѣ, стали принимать за «печать высшаго».

И въ этомъ случаѣ Ставрогинъ лишь улыбался и молчалъ. Послѣднее было принято даже Варварой Петровной, какъ знакъ согласія.

Никто, однако, не разсмотрѣлъ какъ слѣдуетъ этой улыбки. Возможно, что она скрывала нехорошій оскалъ зубовъ. Тѣмъ не менѣе, ея не видѣли.

Въ сущности, онъ былъ главнымъ во всѣхъ дѣлахъ, хотя и морщился отъ поспѣшности Верховенскаго, и особенно не любилъ его подлости, но, въ концѣ концовъ, хотъ онъ и задавалъ себѣ вопросъ: «Богъ вѣсть, откуда эти люди берутся?», но изъ него-то они и вышли, и онъ ихъ создавалъ однимъ своимъ присутствіемъ. Лямшинъ ли, Липутинъ, Верховенскій или Кирилловъ, всѣ они его люди. Судя по намекамъ, это, пожалуй, онъ и денегъ Кириллову и Шатову въ Америку прислалъ, чтобы они могли вернуться и больше «не лежать», съ тѣмъ, однако, условіемъ, «чтобы оказали пользу». О пользѣ революціонеры во какъ беспокоятся. Когда кто-то восклицаетъ на именинахъ у Виргинскихъ: «шутъ какой-то!» — по адресу одного изъ нихъ, то сейчасъ же слѣдуетъ и разъясненіе: «онъ шутъ, но онъ полезенъ!» Это же обстоятельство не было забыто и нашими социалистами, когда они отбывали границу, послѣ провозглашенія «революція въ опасности!». Деньги у нихъ оказались! До сихъ поръ они издаютъ свой журналъ. Такимъ образомъ, «польза» у революціонеровъ Достоевскаго была хорошо подмѣчена; и «польза» не прекратилась и по-сегодняшня.

Что касается отношенія «отцовъ къ дѣтямъ» и послѣднихъ къ отцамъ, то это до послѣдней черточки вскрыто въ сценѣ столкновения Верховенскаго съ отцомъ.

— Но скажи же мнѣ, наконецъ, извергъ, сынъ ли ты мой, или нѣтъ?

— Объ этомъ тебѣ лучше знать. Конечно,

всякій отецъ склоненъ въ этомъ случаѣ къ ослѣпленію. . .

— Молчи, молчи! — весь затрясся Степанъ Трофимовичъ.

— Видишь ли, ты кричишь и бранишься, какъ и въ прошлый четвергъ, ты свою палку хотѣлъ поднять, а вѣдь я документъ-то тогда отыскалъ. Изъ любопытства весь вечеръ въ чемоданѣ прошарилъ. Правда, ничего нѣтъ точнаго, можешь утѣшиться. Это только записка моей матери къ тому полячку. Но судя по ея характеру. . .

— Еще слово, и я надаю тебѣ пощечинъ.

— Вотъ люди! — обратился вдругъ ко мнѣ Петръ Степановичъ. — Видите, это здѣсь у насъ уже съ прошлаго четверга. Я радъ, что нынче, по крайней мѣрѣ, вы здѣсь, и разсудите. Сначала фактъ: онъ меня упрекаетъ, что я говорю такъ о матери, но не онъ ли меня натолкнулъ на то же самое? Въ Петербургѣ, когда я былъ еще гимназистомъ, не онъ ли будилъ меня по два раза въ ночь и плакалъ, какъ баба, и какъ вы думаете, что разсказывалъ мнѣ по ночамъ-то? Вотъ тѣ же скромные анекдоты про мою мать! Отъ него я отъ перваго услышалъ.

— О, я тогда это въ высшемъ смыслѣ! О, ты не понялъ меня. Ничего, ничего ты не понялъ.

— Но все-таки, у тебя подлѣе, чѣмъ у меня, вѣдь подлѣе, признайся. Вѣдь видишь ли, если хочешь, мнѣ все равно. Я съ твоей точки. Съ моей точки зрѣнія не беспокойся; я мать не виню; ты такъ ты, полякъ такъ полякъ, мнѣ все равно. Я не виновать, что у васъ въ Берлинѣ вышло такъ глупо. Да и могло ли у васъ выйти что-нибудь умнѣй. Ну не смѣшные ли вы люди послѣ всего! И не все ли тебѣ равно, твой ли сынъ, или нѣтъ? Послушайте, — обратился онъ ко мнѣ опять, — онъ рубля на меня не истратилъ всю жизнь, до шестнадцати лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперь кричить, что болѣе обо мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломается предо мной, какъ актеръ. Да вѣдь я же не Варвара Петровна, помилуй! — Онъ всталъ и взялъ шляпу.

— Проклинаю тебя отсель моимъ именемъ! — протянулъ надъ нимъ руку Степанъ Трофимовичъ весь блѣдный, какъ смерть.

— Экъ вѣдь въ какую глупость человѣкъ вѣдетъ! — даже удивился Петръ Степановичъ. — Ну, прощай, старина, никогда не приду къ тебѣ больше. Статью доставь раньше, не забудь, и постарайся, если можешь, безъ вздоровъ; факты, факты и факты, а главное, короче. Прощай.

Дальше Достоевскій объясняетъ: «Впрочемъ, тутъ вліяли и посторонніе поводы. У Петра Степановича, дѣйствительно, были нѣкоторые замыслы на родителя. По-моему, онъ рассчитывалъ довести старика до отчаянія и тѣмъ натолкнуть его на какой-нибудь явный скандалъ, въ извѣстномъ родѣ. Это нужно было ему для цѣлей дальнѣйшихъ, постороннихъ, о которыхъ еще рѣчь впереди.

Подобныхъ разныхъ расчетовъ и предначертаній въ ту пору накопилось у него чрезвычайное множество, конечно, почти все фантастическихъ. Былъ у него въ виду и другой мученикъ, кромѣ Степана Трофимовича. Вообще, мучениковъ было у него немало, какъ оказалось впоследствии; но на этого онъ особенно рассчитывалъ, и это былъ самъ господинъ фонъ-Лембке.»

Такъ говоритъ объ этихъ обстоятельствахъ Достоевскій. Верховенскій, замыслившій переворотъ въ губерніи, заранѣе обдумалъ, къ кому привязаться и кого «запречь въ колесницу». Началъ онъ прямо со своего отца! Конечно, неважно даже, былъ ли Степанъ Трофимовичъ ему подлиннымъ отцомъ. Если бы у него была хоть капля чести, онъ бы и отцовства послѣдняго сомнѣнію не подвергалъ. Но вѣдь онъ самъ о себѣ сказалъ: «я не социалистъ, а мошенникъ!» Такъ, конечно, онъ и поступалъ. Когда въ семнадцатомъ году вспыхнула революція, она тоже оказалась насквозь не столько «социализмомъ», какъ мошенничествомъ. Тамъ тоже не считались ни съ какими отцами, или матерями. Предательство родителей дѣтьми поощряли, а одному изъ «піонеровъ» даже памятникъ поставили! Этотъ «мальчикъ» предалъ родителей, впоследствии разстрѣлянныхъ.

Гнусности въ революціи оказалось немало, но эта гнусность была видна уже въ дни Достоевскаго. Къ сожалѣнію, къ ней отнеслись безъ должнаго вниманія.

Эта жертва Петра Степановича, о которой мы говорили, самъ губернаторъ, былъ тоже нѣсколько либераленъ не въ мѣру. Такъ, онъ собралъ коллекцію прокламацій, а затѣмъ, чтобы хвастнуть своимъ либерализмомъ, показалъ ее Верховенскому. Достоевскій говоритъ, что это было съ невиннѣйшей цѣлью, чтобъ «обезоружить революціонера».

— Но это у насъ рано, слишкомъ рано, — произнесъ онъ почти просительно, указывая на прокламаціи.

— Нѣтъ, не рано; вотъ вы же боитесь, стало быть, не рано.

— Но, однако же, тутъ, напримѣръ, приглашеніе къ разрушенію церковей.

— Отчего же и нѣтъ? Вѣдь вы же умный человѣкъ и, конечно, сами не вѣруете, а слишкомъ хорошо понимаете, что вѣра вамъ нужна, чтобы народъ абрутировать. Правда честнѣе лжи.

— Согласенъ, согласенъ, я съ вами совершенно согласенъ, но это у насъ рано, рано. . . — морщился фанъ-Лембке.

— Такъ какой же вы послѣ этого чиновникъ правительства, если сами согласны ломать церкви и идти съ дрекольемъ на Петербургъ, а всю разницу ставите только въ срокъ?

Такъ грубо пойманный Лембке былъ сильно пикированъ. . .

Далѣе онъ рассказываетъ Верховенскому, что они, то-есть «чиновники сдерживаютъ то, что вы расшатываете, и. . . такимъ образомъ, тоже служатъ общему дѣлу!»

Каково? Неумѣренные либералы, оторванные отъ реальности благодаря особымъ условіямъ воспитанія, оказывались какъ какія-то дѣвицы благороднаго института передъ этой реальностью. Они не знали, что иной разъ, въ цѣляхъ блага для государства, надо и «по мордѣ умѣть дать».

Ну, что съ такими людьми можно было сдѣлать? О какомъ же «общемъ дѣлѣ» говорилъ фонъ-Лембке Верховенскому? И что могло быть общаго между ними? Съ одной стороны, онъ чрезвычайно ему довѣрился, сообщивъ о романѣ, а съ другой, страшно вдругъ испугался! Какъ же, губернаторъ, и вдругъ — «романы пишетъ»? Честолюбіе этого человѣка было, несомнѣнно, не на мѣстѣ. Какой ему было еще чести надо, разъ ужъ былъ губернаторомъ? И вотъ же, подите, «романы писалъ». Даже его чиновникъ, «несчастнѣйшій Блюмъ», и тотъ не скрывалъ, что на «романъ» можно было поймать губернатора, что и сказалъ ему въ минуту трудную.

На что ужъ Блюмъ, и тотъ, — а губернаторъ не сознавалъ, что онъ не только смѣшонъ въ этомъ случаѣ, но даже опасенъ для порядка самъ, ибо за эту его слабость можно было его «держать», что Верховенскій и дѣлалъ...

Извѣстно, что всякій писатель, особенно изъ диллетантовъ, мечтаетъ имѣть «слушателя», и привязывается къ нему чрезвычайно, если таковой вдругъ отыщется. Губернаторъ вдругъ рѣшилъ, ни съ того, ни съ сего, что Верховенскій можетъ быть такимъ слушателемъ, но тотъ зѣвалъ, скучалъ, и выпросилъ въ концѣ концовъ рукопись для того, чтобы «дома прочесть на досугѣ». Лембке рукопись дала, а потомъ пострадалъ отъ этого ужасно, ибо оказался какъ бы въ ловушкѣ: взять обратно мѣшало самолюбіе, а оставить рукопись на рукахъ Верховенскаго, этого «шалуна», какъ о немъ выражалась губернаторша, было равносильно доказательству несерьезности административнаго главы губерніи! Съ тѣхъ поръ, на всѣ просьбы несчастнаго губернатора, онъ отвѣчалъ лишь смѣхомъ, и ужъ конечно, гдѣ надо, глумился надъ нимъ. Если бы губернаторъ, вмѣсто выпрашиваній, просто приказалъ Блюму пойти и взять рукопись, вмѣстѣ съ ней они нашли бы не только губернаторское достоинство, но и прокламаціи, а можетъ, и планъ революціоннаго возстанія! Но губернаторъ боялся объ этомъ и думать, принимая во вниманіе благоволеніе къ Петру Степановичу самой Юліи Михайловны. Между тѣмъ, тотъ даже сказалъ, что тутъ же, выходя изъ дому, рукопись потерялъ... Явно, что онъ ею хотѣлъ воспользоваться въ самыхъ низкихъ цѣляхъ. Кончилось тѣмъ, что шантажируя губернатора, Верховенскій выпросилъ у него и коллекцію прокламацій, якобы «на одинъ день». Тотъ и прокламаціи далъ.

Когда, говоря о своихъ административныхъ дѣлахъ, губернаторъ сказалъ, что просилъ

разрѣшенія Петербурга, чтобы поставить особаго часового при губернаторскомъ домѣ, Верховенскій съязвилъ: «Вамъ надо двухъ!»

— Почему двухъ?

— Пожалуй, одного будетъ мало, чтобы васъ уважали. Вамъ надо непременно двухъ.

Андрей Антоновичъ скривилъ лицо.

— Вы... вы Богъ знаетъ что позволяете себѣ...

Дѣйствительно, чего только себѣ не позволялъ этотъ «маленькій бѣсъ революціи». Пользуясь покровительствомъ губернаторши, играя на ея честолюбіи, онъ чортъ знаетъ чего натворилъ въ концѣ концовъ.

Конечно, все это, такъ сказать, шаржъ, и что на самомъ дѣлѣ были губернаторы, описанные Леонидомъ Андреевымъ, которые спокойно умирали на посту, но были и простакки, вродѣ Андрея Антоновича. Кромѣ того, зайдя въ своемъ «либерализмѣ», неправильно ими понятомъ, до тупиковъ, они даже готовы были сказать, какъ и Андрей Антоновичъ, что «общее дѣло вмѣстѣ дѣлаютъ». Многие изъ нихъ передъ революціей, и какъ разъ изъ видныхъ, говорили, что «революція нужна!» Правда, говорили они въ своихъ кругахъ, но вѣдь, была же и прислуга, которая на улицу эти слова вынесла.

Очень много было сдѣлано ими промаховъ, и не будь Рузскихъ, Парскихъ и другихъ возлѣ царя, можетъ и революціи семнадцатаго года не было бы.

Но вернемся къ Ставрогину. Стоило ему подражаться на дуэли, какъ буквально всѣ пришли отъ него въ восторгъ, и сейчасъ же истолковали его въ положительную сторону. Даже Петръ Степановичъ, хотъ и зарывался постоянно, но всегда пасовалъ передъ нимъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ рисовалъ его другимъ, какъ таинственнаго рыцаря. Онъ упорно велъ свою игру, и могъ бы дѣйствительно добиться, чтобы окружающіе приняли Ставрогина за Ивана-Царевича, но самъ этотъ таинственный рыцарь и Иванъ-Царевичъ отъ дорожки, уготованной ему Верховенскимъ, отказался, потому что не желалъ быть игрушкой въ рукахъ послѣдняго, а можетъ и потому еще, что Ставрогинъ № 1-ый, еще жившій въ немъ, ни въ коемъ случаѣ полнаго расцвѣта Ставрогина № 2 не желалъ. Да и самъ Ставрогинъ-физическій часто утверждалъ: «Это еще было во время моей болѣзни». Одинъ Ставрогинъ, такимъ образомъ, извинялъ другого, и манифестаціи этихъ отдѣльныхъ Ставрогиныхъ въ немъ до того перепутаны, что трудно сразу сказать, гдѣ начинается одинъ, а гдѣ кончается другой. Возвращаясь къ общественной роли Ставрогина-физическаго, должно сказать, что она протекала и дѣйствовала подъ шумокъ, созданный Верховенскимъ. Петръ Степановичъ вездѣ лѣзъ въ глаза всѣмъ, такъ, что даже въ концѣ концовъ фонъ-Блюммеръ донесъ губернатору фонъ-Лембке, что Верховенскій причастенъ

къ дѣлу о распространеніи прокламацій въ уѣздѣ.

— Вѣдь пока ихъ ласкать, они могутъ. . . чортъ знаетъ что сдѣлать. . . — сказалъ Лембке супругѣ, но та и слышать ничего не хотѣла:

— Фразеры не опасны, и даже я такъ скажу, случись что-нибудь, я же первая черезъ него и узнаю. Онъ фанатически, фанатически преданъ мнѣ.

Замѣтимъ, предупреждая событія, что она-то во всемъ и виновата была, какъ объ этомъ говоритъ и Достоевскій. Роль этого Лембке и Юліи Михайловны совмѣстилъ «въ февралѣ» нашъ бывшій «главоверхъ». Онъ тоже считалъ «Ленина неопаснымъ» и «ласкалъ» послѣдняго до того, что даже встрѣтилъ Ленина и Ко на Финляндскомъ вокзалѣ въ Питерѣ, въ день его пріѣзда, оркестромъ музыки при развернутыхъ красныхъ знаменахъ! Чего же лучше! Послѣдствія этихъ «ласканій» намъ всѣмъ извѣстны!

Нельзя съ Достоевскимъ не согласиться, что многія наши дамы, изъ снобизма, что ли, дѣйствительно покровительствовали всякимъ проходимцамъ, глашатаямъ «новаго», а на мужей, людей серьезныхъ, насѣдали и цикали, даже тиранизируя послѣднихъ. Фактъ этотъ общеизвѣстенъ и въ подтвержденіяхъ даже не нуждается. Да и та же Варвара Петровна, тиранизируя бѣднаго Степана Трофимовича, распускала Коленьку до полнѣйшаго абсурда. Степанъ Трофимовичъ, хотъ и вздорный человѣкъ, все-таки въ ея глазахъ былъ виновнѣй, нежели зловѣщій Ставрогинъ. Тутъ ужъ, конечно, виновно материнское ослѣпленіе. Была вѣдь мать и у Чингизъ-Хана и, вѣроятно, очень его любила!

Весьма характерна черта того времени, это — полнѣйшая безотвѣтственность въ дѣлахъ, сужденіяхъ и выводахъ. Никто не задумывался надъ отвѣтственностью своихъ поступковъ, никто рѣшительно не думалъ: «а что, если. . . изъ этого безобразіе какое-либо получится?» Нѣтъ, всѣ, какъ мухи, летѣли на свѣтъ, брезжущій въ паутинѣ, запутывались и гибли, если не физически, такъ нравственно. И никого не оказалось вокругъ, чтобъ какъ Шатовъ, хотя бы попытаться что-то сдѣлать предупреждающее, возрождающее народъ и власть, что бы могло нейтрализовать надвинувшійся сумбуръ «нигилизма». Власть почивала на лаврахъ, а народъ пребывалъ «на низахъ», занятый трудомъ и вѣря въ Провидѣніе. Но такъ какъ ему не разъяснили, что хорошо, а что — плохо, то онъ и ринулся въ тенета Ленина, показавшагося ему этимъ самымъ Провидѣніемъ. Оговоримся, что далеко не весь народъ Ленину повѣрилъ, но все же, весьма значительная часть этого народа. Ей пришлось позже расплатиться за свою ошибку, но причина таковой, все-таки, въ отсутствіи, продолжавшагося столѣтія, народнаго воспитанія. Псевдо-религиозное «не

противься злему» завладѣло одними, и «не вѣрь ни во что и грабь награбленное» — другими. Съ этой точки зрѣнія можно разсматривать всю нашу революцію, какъ страшное, глубокое моральное паденіе всѣхъ и вся. Сначала морально пали лишь вожаки, а затѣмъ и весь народъ, который стали подвергать наказаніямъ за малѣйшее проявленіе порядочности и добра. Всѣ мы надѣемся, что уцѣлѣло еще Добро въ русскомъ народѣ, и что не погибъ онъ окончательно, но. . . дѣло въ срокъ! Побудетъ еще десятилѣтія подъ безбожной властью, надолго окривѣетъ, и десятилѣтіями ему придется залѣчивать свои раны.

Ставрогинъ, обуреваемый своимъ Дьяволомъ и съ нимъ сросшійся, только потому не сталъ руководителемъ самъ, предоставляя все Верховенкому, что презиралъ всѣхъ, любя себя одного и, конечно же, презирая въ одно и то же время. Нормальному человѣку невозможно себя любить и одновременно презирать, а Ставрогину было возможно, потому что былъ въ немъ Ставрогинъ-физическій, второй — Ставрогинъ № 1 и третій — Ставрогинъ № 2-ой. Возможно, что были въ немъ уже и № 3-ій, и даже 4-ый, какъ можно заключить изъ намековъ романиста. Однако и трехъ лицъ въ одномъ вполне достаточно, чтобы не знать, въ концѣ концовъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло. При такомъ положеніи — все возможно. Самыя невозможныя вещи возможны. Возможны невозможныя поступки, возможна внутренняя борьба, которая въ немъ была. Эта борьба была уже не Добра со Зломъ, какъ въ душѣ болѣе или менѣе каждаго человѣка; не желаніе поступать согласно инстинктамъ, и не возстаніе совѣсти противъ инстинктовъ, а — борьба шла уже между двумя главными личностями разложившейся души Ставрогина и личностью второстепенной, уже третьей. Попеременно боролась одна, то другая изъ нихъ, и тогда «вчерашній Ставрогинъ былъ непохожъ на сегодняшнего». Иногда второстепенной личностью становился Ставрогинъ-физическій, иногда — Первый, иногда — Второй. Иногда же всѣ они, измученные борьбой, затихали, и тогда Ставрогинъ весь цѣликомъ погасалъ. Ему становилось «все — все равно!» Онъ могъ потерять свое счастье, отказаться отъ вѣрнаго друга, отъ любимой женщины. Однимъ словомъ, онъ становился безучастенъ ко всему.

Въ такія минуты съ нимъ можно было сдѣлать все что угодно. Верховенскій такими минутами и пользовался. Онъ въ Злѣ былъ увѣренъ и его примѣнялъ. Не то — Ставрогинъ: «онъ не вѣритъ, что вѣритъ, а вѣря, что не вѣритъ, не вѣрилъ, что вѣритъ!»

Если Степанъ Трофимовичъ, возрадившій этихъ молодцовъ, былъ нравственно неустоявшійся человѣкъ, и даже трусъ, то, все-таки, выругавъ, его можно было вернуть на путь истинный. Ставрогина уже нельзя было вер-

нуть ни на какой путь, кромѣ того, по которому онъ шелъ. Ставругинъ — это Иванъ Карамазовъ, только постарше.. Оба они сильно занимались религіозными проблемами, оба вполнѣ вѣрили въ реальное существованіе черта, и оба же были жертвами этого черта! Ни тотъ, ни другой не получили съ дѣтства идеи, что для успѣха нуженъ трудъ, прежде всего, затѣмъ трудъ еще разъ, и трудъ по-третьему разу, и что всегда, добившись трудомъ лучшаго положенія, надо имъ довольствоваться, а отдохнувъ отъ усилія, трудиться снова и снова.

Ставругинъ, живя жизнью бездѣльника, не зналъ, на что примѣнить свою силу. Онъ «пробовалъ даже развратъ», но не нашелъ и въ немъ цѣли. Между тѣмъ, цѣль должна быть въ человѣкѣ, а не внѣ его. Если въ человѣкѣ цѣли нѣтъ, такъ и вои́нъ ея тоже нѣтъ. Но чтобъ имѣть цѣль, надо сначала имѣть твердые принципы жизни; надо быть владыкой самого себя, умѣть мыслить логически, а для этого имѣть достаточно воли, чтобы логику-науку изучить какъ слѣдуетъ. Только послѣ этой подготовки, даже еще провѣривши свои моральныя начала, можетъ человѣкъ пускаться въ жизнь и что-то въ ней творить. Безъ этихъ же данныхъ человѣкъ мало чего стоитъ.

Откуда могъ внушить своимъ воспитанникамъ Степанъ Трофимовичъ все это, разъ онъ самъ ничего подобнаго не имѣлъ? Онъ даже не сумѣлъ развить въ нихъ достаточного чувства самокритики, чтобъ они знали, что не туда идутъ.

Такъ, Ставругинъ, предупреждая Шатова о грядущей гибели, говоря то же Лебядкину, вовсе дѣлалъ это не для добра, а съ единственной цѣлью, чтобъ посмотрѣть на будущія жертвы, какъ онѣ корчатся!

— Ты погибаешь, и знаешь, что погибаешь, ибо я тебѣ сказалъ, что ты непременно погибнешь, а я — нѣтъ!.. Ты гибнешь, а я остаюсь жить!

Съ другой стороны, тутъ было еще и желаніе затруднить Верховенскому «дѣло»: «Дескать, теперь-то мы посмотримъ, какъ это ты справишься, коли жертвы твои уже знаютъ, что ты хочешь ихъ зарѣзать!»

Для него вѣдь «не было разницы въ красотѣ между геройскимъ подвигомъ и величайшимъ безобразіемъ». Онъ не зналъ этой разницы, потому что больше не имѣлъ въ себѣ границы между Красотой и Безобразіемъ, Добромъ и Зломъ. Въ немъ было лишь своеволие, которому «все позволено».

Характерно и попустительство тогдашняго общества безобразію: всякому было ясно, что дѣло идетъ къ скандалу, но никто не вмѣшивался по причинѣ: еще спросятъ: — «а тебѣ то что въ этомъ? Тебѣ-то что надо?» Другіе же откровенно облизывались: «Вотъ, штуку-то упекутъ!» Иной разъ видишь людей вполнѣ порядочныхъ, которые при всякомъ скан-

далѣ руки потираютъ: «Такъ его!.. Такъ его! Вотъ стервецъ! А вѣдь есть въ немъ, право, что-то такое... импонирующее!» Положительно, можно сказать, что во всякомъ такомъ случаѣ есть своя доля рѣшительности, молодечества, которая нравится именно людямъ порядочнымъ. На этомъ основана идея разныхъ романовъ съ приключеніями, гдѣ не всегда ясно, что хорошо, а что плохо. По той же причинѣ счетоводы, завзятые чинуши, идутъ смотрѣть скандальную пьесу съ ограбленіемъ, насиліемъ, убійствомъ. Никогда-то ничего подобнаго въ ихъ жизни не случилось, никакого событія въ ней не было, ничего этакого «съ перцемъ».

«Приятно, знаете ли, пощекотать нервы-съ!» Такъ однажды, намъ довелось отобрать у одного дезертира съ фронта Великой войны книжку... съ удивительными подвигами героевъ всѣхъ временъ и народовъ. Мечтать о подвигахъ человѣкъ мечталъ, а съ фронта все-таки удралъ! Такое несоотвѣтствіе между дѣлами и мечтами у героевъ Достоевскаго не то, что случается, а прямо существуетъ какъ нѣкое правило, законъ, что ли. Что касается сплетни, она всегда была страшнымъ оружіемъ въ рукахъ людей низкихъ. Царица она и въ городѣ, гдѣ происходили событія, пробная революція Верховенскаго, и такъ дальѣ. Люди тоже не были воспитаны въ отрицаніи сплетни. Никто имъ не сказалъ, что это тяжкій грѣхъ, а если сказали, такъ такъ лѣниво и такъ неубѣдительно, что ничего изъ этого воспитываемые не вынесли. Съ другой стороны все касавшееся ближняго ихъ адски интересовало, «чтобъ посмѣяться», и такой завзятый «фурьеристъ», какъ Липутинъ или Лямшинъ, бѣгали по городу въ поискахъ «новостей», и сами же разносили ихъ повсюду, а Липутинъ такъ и первый ихъ сочинялъ. Не было воспитано у людей чувства отталкиванія отъ всѣхъ грязныхъ «новостей». Съ дѣтства не было внушено презрѣнія къ клеветнику. О томъ, что это — низко, никто не заикался, наоборотъ, всѣ какъ одинъ интересовались «узнать, какъ мелкій чиновникъ отомстилъ за поруганную честь въ день свадьбы своей невѣстѣ, молоденькой дѣвченкѣ», причемъ самъ Липутинъ, хлопочущій «о счастья человѣчества, которому подвозятъ телѣги хлѣбъ», самъ же былъ чуть ли не свидѣтелемъ этой мести, и самъ бѣгалъ по городу собирая кавалькаду, чтобы коннымъ сопровожденіемъ «по визитамъ» молодыхъ, на другой день послѣ свадьбы, вызвать скандалъ! И это въ то же самое время, когда говорилось «о грохотѣ телѣгъ»!

Удивительна логическая непослѣдовательность этихъ людшекъ! Они заодно способны были дѣлать все дурное, что было въ нравахъ, довольно-таки неопрятныхъ, нашего мѣщанства того времени, а съ другой стороны, они же были способны, по вечерамъ, сидѣть и бесѣдовать «о будущей всеобщей республиканско-соціалистической фаланстерѣ-съ», и гдѣ всѣ они будутъ говорить «на всемирно-человѣческомъ языкѣ-съ!»

Скажемъ, все-же, попутно, что мы вовсе не собираемся утверждать, что «вся Россійская Имперія состояла изъ такихъ людей!» Впрочемъ, это будетъ неправдой, ибо «вся Имперія не могла состоять изъ такихъ людей», но нѣкоторая ея часть состояла, да и состоитъ не только въ Россіи, но вообще вездѣ. Есть такая часть общества, заранѣе обозленная и готовая «вцѣпиться» все равно во что и въ кого. Въ этой же книгѣ мы разбираемъ не столько живой народъ или государство, сколько народъ и губернію, описанную въ «Бѣсахъ». И не только въ однихъ «Бѣсахъ», но вообще въ произведеніяхъ Ф. М. Достоевскаго. Тамъ особый «климатъ» и особые люди. Признать ихъ за своихъ какъ-то неудобно, и даже не хочется, а въ сущности они «свои», и эти-то люди и сдѣлали революцію. На нихъ она выгѣхала и ихъ же истребила въ первую голову. Однако, Достоевскій ихъ видѣлъ въ первую очередь, и они именно составляли первый планъ его произведеній. Это подало поводъ одному изъ нынѣшнихъ писателей напасть на Достоевскаго, который, якобы, проводилъ идею — «достиженія святости черезъ... преступленіе!» Конечно, на автора, Л. Галича, напали всѣ газеты. Нападки на Достоевскаго однако, не новы. Были нападки Страхова, которому это все же не помѣшало, пока Феодоръ Михайловичъ былъ живъ, «ходить въ его друзьяхъ», а затѣмъ, когда вдова писателя работала надъ архивомъ Достоевскаго, даже работать надъ его рукописями, конечно, за хорошую плату! Нападалъ на него Тургеневъ, котораго Достоевскій при жизни не любилъ, и даже Левъ Толстой. Послѣдній, будучи уже извѣстнымъ и признаннымъ писателемъ, не любилъ Достоевскаго изъ чисто писательскихъ соображеній. Многимъ причастнымъ литературѣ кажется, въ концѣ концовъ, что именно они я с н ѣ е всего пишутъ, и что «по другому писать нельзя». Если же кто-то пишетъ «по-другому», то это — «плохо». Но въ то же время извѣстные авторы весьма обижаются, если ихъ начинаютъ «переридать» какіе-либо начинающіе. Объ этомъ особенно язвительно говоритъ тотъ же Достоевскій въ своемъ шаржѣ на «знаменитаго писателя» и его повѣсть «Мерси!» Въ немъ явно виднѣнъ Тургеневъ. Писатели, и даже большіе, конечно, прежде всего люди, и потому ревность между ними понятна. Кармазиновъ-Тургеневъ еще и потому, что какъ и Тургеневъ, онъ жилъ больше за границей, чѣмъ дома, но все домашнее въ немъ вызывало нѣкій «шокингъ». Возвращаясь къ словамъ, что въ каждой націи есть «такіе люди», какъ Верховенскій, Липутинъ и Лямшинъ, мы должны признать, что не было бы ни Кашеновъ, ни Дюкло, ни Готтвальдовъ, если бы эти люди отсутствовали. Въ обычной жизни ихъ называютъ «оппортунистами».

Однако, былъ и довольно большой разрядъ «недоучекъ», людей, кого выбросили изъ второго класса гимназіи, и кто съ трудомъ, уже

взрослымъ, держалъ экзаменъ на народнаго учителя. Эти люди бѣдствовали. Они же были недовольнымъ элементомъ и ничему путному научить русскихъ дѣтей не могли.

Мать Ставрогина оправдывала своего сына Колю рѣшительно всегда, доходя до полнѣйшаго абсурда, хотя иногда, впрочемъ, и задумывалась надъ нимъ. Между тѣмъ, Степанъ Трофимовичъ, хоть и вздорный человѣкъ, былъ въ ея глазахъ всегда виновнѣй зловѣщаго Коли. Здѣсь, какъ мы говорили, она не разбиралась, ослѣпленная материнскимъ чувствомъ.

Однако же, присущая всѣмъ черта того времени, встрѣчающаяся и сейчасъ, и особенно сейчасъ, въ русской средѣ, это полнѣйшая безотвѣтственность въ сужденіяхъ и выводахъ. Никому не приходится въ голову подумать, что поступки вѣдь влекутъ за собой слѣдствія и что, въ концѣ концовъ, есть моральная отвѣтственность за нихъ. Не было мысли: «а что, если изъ этого выйдетъ какое-либо безобразіе или еще что?» И тогда, по роману «Бѣсы», какъ и по другимъ романамъ, эта непродуманность дѣйствій, доводившая людей до крайности, дѣлала то, что они какъ мухи летѣли на свѣтъ, запутывались въ тенетахъ и гибли, если не физически, такъ нравственно. То же происходитъ и сейчасъ, и тотъ же Достоевскій говоритъ, что судьбой положено, чтобъ «нѣкій процентъ погибалъ!» Эта мысль всегда волнуетъ его героев, повидимому, волнуя его самого. Дѣйствительно, свободна ли воля человѣка, или же она, какъ все на свѣтѣ, подчинена законамъ большихъ чиселъ? Эта проблема до конца Достоевскимъ не раскрыта, но мы на ней останавливаемся лишь вскользь, ибо есть нарочитыя ея рѣшенія, напримѣръ, религиозное, исходящее изъ догматовъ. Тутъ тоже есть «черта», за которую наступаетъ матеріализмъ, и чтобъ проблему дѣйствительно рѣшить, нужны научныя данныя, которыхъ еще нѣтъ въ наукѣ.

Ставрогинъ, обуреваемый своимъ Дьяволомъ, и съ нимъ сжившійся, только потому отказался отъ роли Ивана-Царевича, оставивъ все на Верховенскаго, что презиралъ всѣхъ и вся. Онъ, конечно, себя очень любилъ, но тоже презиралъ, хотя это и трудно себя представить. Однако, если нормальному человѣку невозможно любить себя и одновременно презирать, то Ставрогину это было возможно, потому что въ немъ были и разные субъекты, кромѣ Ставрогина физическаго, а именно Ставрогинъ номеръ первый, второй, а можетъ еще и номеръ третій въ зародышѣ. Они всѣ въ немъ размножились почкованіемъ, какъ бациллы, одна отъ другой, и если бы судьба наградила его долготѣіемъ, то онъ закончилъ бы множественнымъ числомъ личностей. Въ такомъ случаѣ, конечно, ему было возможно совмѣстить въ себѣ все, что угодно, въ томъ числѣ и нѣсколько независящихъ другъ отъ друга личностей. Въ этомъ случаѣ мы должны напомнить, что хотя Достоевска-

го и жестоко критиковалъ за его «Голядкина» («Двойникъ») Бѣлинскій, находя въ немъ черты Гоголевскаго Акакія Акакіевича, но тем а двойника, и значить Голядкина, въ его произведеніяхъ постоянно проходитъ красной нитью. Двойственъ у него Иванъ Карамазовъ, двойственъ Митя, Раскольниковъ и всѣ болѣе или менѣе замѣтные типы. Потому-то многимъ критикамъ и показалось, что «герои его — идеи». Каждый герой, вѣдь, у него носитель идеи, а потомъ — человѣкъ, какъ и всѣ.

Ставрогинъ можетъ сдѣлать все, что ему угодно, даже самое невозможное, ибо на всякое дѣло у него найдется подходящій субъектъ его раздѣлившейся личности. Противорѣчіе его не смущаетъ, хотя и не такъ, какъ человѣка примитивнаго, ибо послѣдній противорѣчія не видитъ попросту, но противорѣчіе не смущаетъ Ставрогина потому, что ему все равно, есть оно или нѣтъ. Ему некогда докапываться до рѣшенія контраверсы. Такимъ образомъ, занятый своимъ внутреннимъ бореіемъ, онъ могъ переживать и внутреннюю борьбу, которая происходитъ во всякомъ порядочномъ человѣкѣ. Онъ себя даже считалъ за «порядочнаго человѣка». Даже Филка Каторжнй, и тотъ себя за порядочнаго не считалъ, а Ставрогинъ считалъ. Но въ то же время это никакъ ему не мѣшало сдѣлать и гадость, но — собственную гадость. Чужой онъ не выносилъ. Бывшая въ его душѣ, если такъ ее можно назвать, борьба, была отнюдь не борьбой Добра и Зла, какъ всякая внутренняя борьба человѣка, но борьба между двумя главными и третьей второстепенной личностью. Причемъ и сама личность второстепенная-то становилась такой, а то переходила въ главную, и тогда наступало какъ бы затмѣніе какой-либо другой личности. Если Степанъ Трофимовичъ, возрадившій этихъ молодцовъ, былъ трусъ и нравственно неустойчивый человѣкъ, то все-таки, выругавъ, его можно было вернуть на путь истинный. Ставрогина уже нельзя было вернуть ни на какой путь, кромѣ того, по которому онъ шелъ. Это путь разложенія личности на ея составныя части. Ставрогинъ — это Иванъ Карамазовъ, только постарше. Оба они сильно занимались религіозными проблемами, и оба же, вмѣсто вѣры въ Бога, увѣровали въ Чорта, ставъ его жертвами. Не въ томъ суть, есть ли Чортъ, какъ его малюютъ, а въ томъ, что если есть Добро и Зло, то Чортъ можетъ оказаться воплощеніемъ Зла.

Ставрогинъ былъ жертвой Чорта куда болѣе жалкой, чѣмъ Иванъ, хотя и носилъ гордую маску, и даже «имѣлъ привычки порядочнаго человѣка». Устоевъ и нравственной твердости порядочнаго человѣка у него не было. Между тѣмъ однихъ «привычекъ» было мало, ибо не при помощи «привычекъ» рѣшаетъ человѣкъ проблемы, а при помощи устоевъ. Если при этомъ Ставрогинъ предупредилъ Шатова о готовящемся на него покушеніи, и даже возможной гибели, и если онъ предупредилъ также Лебядкина, такъ единственно изъ-за того, что между нимъ и Верхо-

венскимъ шла и гра, кто кого. Можетъ, притомъ, было еще и садическое желаніе — «посмотрѣть, какъ будущія жертвы будутъ корчиться!» Было желаніе затруднить «работу» Верховенскому: «дескать, посмотримъ, какъ ты теперь-то справишься, коли жертвы знаютъ, что ты непремѣнно ихъ хочешь зарѣзать!» Но было въ немъ несомнѣнно и желаніе доказать себѣ самому: «ты, де, въ этомъ не виновенъ! Ты предупредилъ ихъ...» хотя такое предупрежденіе ничего и не стоило, ибо жертвъ не куда было податься. Она уже была заранѣе обречена. Посмотрѣть, такимъ образомъ, послѣ предупрежденія, было для него, пожалуй, весьма даже интересно, ибо «онъ не зналъ разницы между Добромъ и Зломъ, не зналъ разницы въ красотѣ величайшаго подвига, или величайшаго безобразія». Онъ не зналъ этой разницы, ибо въ немъ болѣе не было границы, раздѣляющей Добро отъ Зла, а было лишь одно своеволие, которому «все позволено», хотя и не до конца, какъ и замѣтилъ Кирилловъ: «вамъ нужно бремя... вы для него не годитесь.» Шатовъ можетъ и былъ ему какъ-то дорогъ, ибо... онъ единственный далъ ему по лицу за всѣ его гадости! Можетъ, этимъ Шатовъ, если бы послѣдній смогъ подняться надъ самимъ собой, могъ даже какъ-то ему импонировать, какъ-то возвыситься надъ нимъ, Ставрогинымъ; можетъ Ставрогинъ его и уважалъ въ своемъ подсознаніи, гдѣ твердо и извѣстно, что за Зло нужно ударить, и гдѣ также извѣстно, хоть и расплывчато, что запрещенное есть «табу», но не это все заставило Ставрогина предупредить Шатова. Не это еще въ меньшей степени заставило его предупредить Лебядкина, а отвращеніе къ самому себѣ, который не могъ быть откровеннымъ кутилой и дуракомъ, какъ Лебядкинъ, и не могъ быть ограниченнымъ, можетъ быть, но достаточно сильнымъ для рѣшенія, какъ Шатовъ. Ставрогинъ завидовалъ имъ въ глубинѣ души, и завидовалъ именно потому, что хоть Лебядкинъ былъ испорченный пьяница, но не безъ пафоса, на который Ставрогинъ былъ неспособенъ, а Шатовъ, если и ошибался въ прошломъ, то былъ на вѣрной дорогѣ къ спасенію. Это не то, что какъ намъ можетъ показаться, на первый взглядъ, что Ставрогинъ хотѣлъ предотвратить преступленіе, а совсѣмъ другое: онъ хотѣлъ, чтобъ преступленіе было затруднено Верховенскому, и хотѣлъ, такимъ образомъ выиграть въ азартной игрѣ съ нимъ, безотносительно, хорошо это, или плохо, ибо о послѣднемъ онъ самъ же говорилъ, что «не знаетъ разницы». Въ душѣ его не было барьера между Добромъ и Зломъ. Барьера ему не дала мать, и совершенно его разрушилъ Степанъ Трофимовичъ, умѣвшій, самъ того не вѣдая, разрушать, но незнавшій, что поставить на мѣсто разрушеннаго. Однако, разъ у него были «привычки порядочнаго человѣка», то значить, какой-то барьеръ вначалѣ былъ. Исчезновеніе такового — дѣло рукъ Степана Трофимовича, всю жизнь меч-

тавшого бытъ чловѣкомъ рѣшительнымъ и «безъ барьера», но такъ и не сознавшася самому себѣ въ этомъ. Развивая мечты «о будущемъ и чловѣчествѣ», Степанъ Трофимовичъ недоговаривалъ темы, недодумывалъ ее, не заключалъ логическаго заключенія, единственно возможнаго, ибо крайностей пугался, а дѣтей на крайности толкнулъ. Остальное докончили обстоятельства.

Тогдашнее общество, описанное Достоевскимъ, тоже было характерно, и мы должны о немъ сказать нѣсколько словъ. Оно видѣло, а если не видѣло, то чувствовало, что дѣло идетъ къ скандалу, но никто изъ него не попытался вмѣшаться. Каждый какъ-бы боялся, что его спросятъ: «а тебѣ что, собственно, нужно?» и былъ какъ бы замороженъ этимъ страхомъ, что послѣ надо отвѣчать. Другая же часть общества откровенно посмѣивалась, какъ мы уже сказали.

Лямшины же и Липутины «говорили на всемірно-чловѣческомъ и социалистической республики языкъ-съ!». Они были какъ нагѣтыя пластинки. Ничего, кромѣ этого въ нихъ не было. Въ остальномъ они были мелочны, завистливы, стяжательны и «запирали на ключъ въ шкафикъ остатки отъ объѣда». Если ужъ и надо дѣлать революцію, такъ не черезъ такихъ людей, а при помощи Святыхъ какихъ-то, и притомъ, если революція идетъ сверху, какъ отъ Царя-Освободителя. Тогда могъ бы быть толкъ. Лямшины же и Липутины никакого толка въ революцію внести не могли, такъ какъ кромѣ «всемірно-чловѣческаго языка» въ нихъ ничего и не было, дѣла же ихъ были прямо противоположны идеямъ, которыя, на языкъ, они хотѣли воплотить. И даже, прямо по формулѣ: чѣмъ убѣжденнѣй революціонеръ, тѣмъ обратнѣй его дѣйствія! Наивныхъ же людей изъ тогдашняго общества можно всегда было зацѣпить «новыми идеями», какъ Варвару Петровну, напримѣръ, къ такимъ идеямъ не имѣвшую никакого отношенія.

Въ нѣдрахъ нашей современности — мода имѣетъ большое значеніе. «Модныя теченія» могутъ быть самыми глупыми, но если «всѣ ихъ раздѣляютъ», то не найдется ни одной Варвары Петровны, которая бы возстала противъ нихъ. Начнутъ всѣ собирать марки, и Варвары Петровны будутъ ихъ собирать. Начнется повальное увлеченіе «йо-йо», и тѣ же добродѣтельныя дамы, говоря: «Боже, какая глупость!.. А ну-ка, дайте мнѣ, я попробую», займутся «йо-йо». Когда всѣ носятъ шляпку съ цвѣтами, неудобно носить фетръ с бантами. Рабское подражаніе модѣ является, съ одной стороны, признакомъ общественаго характера чловѣка («страхъ отстать отъ другихъ»), а съ другой — проявленіемъ стаднаго чувства. То же и съ идеями: начинается футуризмъ въ искусствѣ, и всѣ восторгаются передъ мазней, изображающей кубъ зеленаго цвѣта съ глазомъ въ немъ: «какой удивительный художникъ!.. А скажите... что обозначаетъ эта картина?» Наступаетъ періодъ увлеченія революціонными идеями, и всѣ ихъ повторяютъ, даже не вѣдая, что эти же идеи

обозначаютъ ихъ саморазрушеніе, самоистребленіе, уничтоженіе. Впадаетъ общество въ религиозный уклонъ, и начинаются споры объ Ангелахъ, ихъ полѣ, числѣ крыльевъ, и такъ далѣе. Вступаетъ въ права скептицизмъ, и всѣ начинаютъ вѣрить, что религія — бабушкина сказка. Валится несчастье на народъ, и снова церкви наполнены кающимися въ грѣхахъ и молящимися людьми, среди которыхъ и авторы идеи — «религія — бабушкина сказка!».

Общественно-государственнаго значеніе этихъ движеній моды таково, что, по настоящему, оно должно было-бы за ними близко наблюдать, ибо эти движенія являются барометромъ политическаго благополучія государства. Но какъ это сдѣлать, чтобы не нарушить при этомъ свободы людей, другое дѣло. Смотрѣть за барометромъ вовсе не значитъ — подталкивать стрѣлку. Если-бы то же дѣлали правители въ мірѣ, врядъ-ли такъ ужъ часты были революціи.

Какъ мы выше сказали, языкъ «фаланстеры» совершенно не вязался съ ея дѣйствіями, каковыя, по словамъ ея участниковъ, — «пока еще въ будущемъ, ибо и неосуществлена-съ!» Участники, мелкіе людишки, и не думали о какой-то послѣдовательности, объ общности между словами и дѣлами, ибо съ самаго начала такъ ужъ утряслось у нихъ, что «моя жизнь — это одно-съ, а убѣжденія — другое-съ!» Однако, они же навязываютъ свои убѣжденія другимъ, съ тѣмъ, чтобъ эти убѣжденія стали общими для всѣхъ. Навязывая волѣ другихъ свою волю, они даже не задумывались, что это — насиліе. Споконъ вѣку повелось у нихъ, что «я — это я, и я — это не одно и то же, что ты!» Великолѣпенъ, для «фона», тотъ самый важный старичекъ, «съ важнымъ орденомъ на шеѣ, и любившій здоровый смѣхъ и шутку», подарившій мерзкія заграничныя фотографіи для того, чтобъ... подсунуть ихъ въ священныя книги, которыя книгоноша продавала въ Гостиномъ Ряду въ городѣ. Та вынула книгу, и оттуда посыпались сальныя картинки! «Дѣло это сварганилъ» Лямшинъ съ какимъ-то семинаристомъ. Но вѣдь каково? Лямшина, пожалуй, еще можно понять, особенно семинариста, «любителя поразжать», ну, а «важнаго старичка» никакъ! Это ужъ нѣчто «отъ папаши Карамазова». Всякому чловѣку, для котораго слова и дѣла являются вытекающими другъ изъ друга, непонятно, какъ могли существовать такіе старички на Руси. Непонятно также, какъ такой «важный старичекъ» могъ подарить зазорныя картинки для подобнаго богомерзкаго дѣла! Ехидство этого старичка совершенно непонятно, если вспомнить, что вѣдь потрясали основы Державы, которая ему дала орденъ, а можетъ и приличную пенсію.

О Лямшинѣ самъ авторъ говоритъ, по случаю импровизаціи на форте-піано, «Франко-Прусская война»: «у мерзавца дѣйствительно былъ таланткъ!» Успѣхъ Лямшина былъ безусловнымъ, и дальше авторъ говоритъ: «Степанъ Трофимовичъ увѣрялъ меня од-

нажды, что самые высокіе художественные таланты могут быть ужаснѣйшими мерзавцами, и что одно другому не мѣшаает».

На этомъ «фонѣ» Ставрогинъ, съ его барской брезгливостью, быть, пожалуй, дѣйствительно, какимъ-то «принцемъ», такъ какъ онъ свинства не выносилъ, но, тѣмъ не мѣнѣе, его брезгливость была односторонней, ибо собственныя пакости онъ дѣлалъ безъ всякой брезгливости, и если брезговалъ, то лишь по отношенію къ пакостямъ чужимъ.

Такъ, онъ Варвары Петровны съ ума не сводилъ, а занялся этимъ, внушая, что это именно то, чѣмъ сегодня интересуется общество, Верховенскій, и довелъ-таки бѣдную женщину до того, что та стала упрекать Степана Трофимовича въ томъ, что тотъ «скрылъ отъ нея» новыя идеи. Договорилась она въ своихъ нотаціяхъ до того, что даже сказала: «въ новомъ обществѣ совсѣмъ не будетъ бѣднѣхъ», и все со словами: «почему, почему вы все это скрыли отъ меня?» Отъ неожиданности тотъ чуть было не потерялся, но все же нашелся, сказавъ, что согласенъ прочесть что-либо свое, на этомъ злополучномъ вечерѣ «въ пользу гувернантокъ», устройства котораго, ради грандіознаго скандала, такъ добивался Верховенскій: «я расскажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ, который первый взмоетъ на лѣстницу, съ ножницами въ рукахъ, и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала, во имя равенства, зависти и... пищеваренія». Здѣсь надо отмѣтить, что Степанъ Трофимовичъ показалъ себя сторонникомъ культуры, а не хаоса, но... Господи Боже мой, вѣдь это онъ-то и создалъ Ставрогина съ Верховенскимъ. Такъ человѣкъ, бросивъ спичку въ кусты лѣтомъ, удивляется, что сгорѣлъ хлѣбъ на корню, бывшій за кустами. Но — вольно же было ему возмущаться «вонючимъ рабомъ», если спичку бросилъ. Что потомъ загорѣлось, конечно, дѣло случая. Спичка могла попасть и въ ручей и тамъ погаснуть; однако, лѣтомъ, да еще въ жару, когда столько горючаго, всякій благоразумный человѣкъ, прежде чѣмъ бросить спичку, удостоитъ навѣрное, что она погасла. Степанъ Трофимовичъ ни въ чемъ не удостоверился. Онъ произвелъ искру, а когда загорѣлось по всей линіи и повсюду, пожара испугался. Онъ даже въ высшей степени возмущился, когда къ нему пришли съ обыскомъ. Вся его драма, при этомъ, вытекла исключительно изъ нереальнаго воспитанія: онъ много рассуждалъ, но настоящей жизни, какъ она есть, не зналъ, и послѣдствій своихъ поступковъ или словъ не предвидѣлъ. Онъ попросту не зналъ, что изъ нихъ можетъ выйти. Виновата въ этомъ была въ большой мѣрѣ и Варвара Петровна, ибо она всѣми силами преграждала ему дорогу къ вещамъ и дѣламъ, беря все на себя, а его отталкивая въ тотъ исключительно искусственный мѣръ, который онъ въ концѣ концовъ создалъ для себя. Иногда онъ это даже понималъ, когда, от-

рываясь отъ миража, восклицалъ по-французски: «Я — опустившійся человѣкъ!» Опустившимся человѣкомъ онъ, пожалуй, никакъ не былъ, а вѣрнѣе былъ человѣкомъ оторвавшимся отъ жизни. Бываетъ такъ, что замкнется человѣкъ въ себя, питаетъ свое странное міроощущеніе за счетъ крови и плоти своей, и потомъ вдругъ пробуждается, какъ отъ тяжкаго сна, вполнѣ отвыкнувъ отъ реальности, труда, пониманія окружающихъ. То же случилось и съ нимъ. Понявъ, что съ нимъ произошло, онъ рѣшилъ бѣжать, но и то такъ ужъ нелѣпо, что даже бѣдная книгоноша стала за нимъ ухаживать какъ за ребенкомъ. И вся эта исторія, страшная со всѣми, произошла исключительно отъ неумѣнья заняться чѣмъ-либо, дѣлать какое-то полезное дѣло, хоть дрова рубить, но только не удалиться отъ жизни за перегородку. Въстало было вездѣ и всюду достаточно, заботиться о завтрашнемъ днѣ на Руси было незачѣмъ, и вотъ, отъ такого вынужденнаго бездѣлья люди и начинали «kozyрять». Съ одной стороны, на Руси длился безпробудный сонъ, а съ другой — пробудившимся нечѣмъ было заняться. Съ Запада наука пришла въ видѣ скепсиса ко всему родному, въ видѣ отчужденія отъ всего своего, а старшіе и умнѣйшіе своего не постарались увязать съ западнымъ. Подготовки ни у кого не было. Тотъ же Фурье никогда не предполагалъ, какъ вѣроятно и Карлъ Марксъ, что его бредъ примутъ однажды «русскіе варвары» за чистую монету, и даже прольютъ моря крови изъ-за него! Правда, изъ Карла «варвары» сдѣлали «Кралъ», но этого никто, конечно, предвидѣть не могъ, какъ не могъ предвидѣть и того, что русскими революціонерами, въ концѣ концовъ, займутся враги Россіи, — германскій штабъ и англійское посольство. При ихъ многомилліонной поддержкѣ, конечно, не только Царское правительство можно было свергнуть, но и вообще какое угодно.

Но, возвращаясь къ роману, должно отмѣтить, что всѣ были раздражены въ то время, взбаламучены всякими происшествіями, и всѣ ждали этого вечера какъ Богъ вѣсть чего, и особенно ждали отъ него всего, чего онъ никакъ не могъ дать, ибо ни артистическихъ силъ такихъ не было, ни сама публика не была подготовлена къ воспріятію того, что должно было произойти. Конечно, хотя все дѣлалъ Верховенскій, необычайно обо всемъ хлопотавшій и всюду бѣгавшій, главнымъ вдохновителемъ происшедшихъ безобразій былъ Ставрогинъ, хотя и не вмѣшивался въ «программу». Это именно къ нему бѣгали Верховенскій, когда у него изсякало вдохновенье. Идей Верховенскаго Ставрогинъ не одобрялъ, но и не осуждалъ, впрочемъ, такъ, чтобы того разоблачить и ликвидировать. Выходило, что онъ «ворчитъ, но соглашается». Такъ, по крайней мѣрѣ, надѣялся и вѣрилъ самъ Верховенскій. Ставрогинъ, между тѣмъ, будучи совершенно въ курсѣ «программы безобразій», ничего не сдѣлалъ для ихъ

предотвращенія, ибо самъ игралъ, и почти ясно намекалъ, что полномочія ему даны, а не Верховенскому. Это, такъ сказать, два «вождя въ потенціалъ». Одинъ рабски лыстящій, съ тѣмъ, чтобъ «потомъ отыграться», а другой въ стилѣ — «мнѣ наплевать на все это». Ставрогинъ, если бы рѣшилъ (а мы сказали, что рѣшать онъ не могъ по психопатологическому состоянію своей души), смялъ бы Верховенскаго и раздавилъ его какъ червя.

Но онъ «не хотѣлъ хотѣть», а можетъ «хотѣлъ не хотѣть», что одно и то же. Такимъ образомъ, хотъ и воюя за Шатова («дайте мнѣ Шатова, дайте!»), Верховенскій бѣгалъ къ Ставрогину, чтобъ рассказать, «какъ все будетъ», умалчивая, между прочимъ, о многомъ. Ставрогинъ ему былъ нуженъ. Онъ, изобрѣта первый легенду про Ивана Царевича, пожалуй, первый же въ нее и увѣровалъ. Ставрогинъ, однако, дѣлалъ видъ, что не понимаетъ: «Самозванца?» Такимъ образомъ, это былъ скорѣе монологъ одного Верховенскаго, чѣмъ разговоръ со Ставрогинымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ мятущемуся и истерическому Верховенскому нуженъ, ибо служилъ для него какъ бы «отдушиной», тѣмъ предохранительнымъ клапаномъ, что бываетъ во всѣхъ паровыхъ котлахъ. Благодаря ему, можно было Петру Степановичу чуточку «сдать пара». Отъ этого было еще лучше, потому что слѣдующее напряженіе давало другія возможности и возникало нѣсколько по иному. Если Достоевскій сказалъ, что онъ — «бѣсъ революціи», то все же, не до конца, ибо сорвалось у него, и потому сорвалось у Верховенскаго, что онъ все-таки былъ человекомъ, и всего сварганить какъ слѣдуетъ не смогъ. Но разъ было, все-таки, въ немъ чело-вѣческое, то это отнюдь не душа или тамъ какія-либо ея качества, а просто усталость, можетъ, отчаянье, временами, хотъ и рѣдко, имъ овладѣвавшее. Онъ бѣгалъ, хлопоталъ, устраивалъ, подстраивалъ, уставая до чрезвычайности. И больше всего увѣровала въ успѣхъ вечера Юлія Михайловна, губернаторша. Она вообразила себя «какъ-то ужъ слишкомъ призванной, чуть ли не помазанной, надъ коей вспыхнулъ сей языкъ, а въ языкѣ этомъ-то и заключалась вся бѣда; все-таки, вѣдь онъ не шиньонъ, который можетъ накрыть каждую женскую головку. Но въ этой истинѣ всего труднѣе увѣрить женщину; напротивъ, кто захочетъ поддакивать, тотъ и успѣетъ, а поддакивали ей взапуски. Бѣдняжка разомъ очутилась игральщикомъ самыхъ различныхъ вліяній, въ то же время воображая себя оригинальною», — такъ говорить о ней самъ Достоевскій.

Произошелъ въ это время и такой случай, какъ бы въ соотвѣтствіи съ другими безобразіями, а именно: нѣкій поручикъ кинулся, визжа, на своего командира и укусилъ его. Передъ тѣмъ онъ «выбросилъ изъ квартиры хозяйскіе образа», одинъ изъ которыхъ изрубилъ топоромъ, а на мѣстѣ образовъ разложилъ книги Фохта, Бюхнера и Молешота, какъ бы на аналояхъ, и передъ каждой за-

жегъ свѣчку! Тутъ подлинно и оказалась истинная природа атеизма на Руси: «коль атеизмъ, такъ ужъ поклоняться атеизму!» Когда его взяли, то въ карманахъ его и въ квартирѣ нашли цѣлую пачку самыхъ отчаянныхъ прокламацій. Причемъ управляющій Шпигулинской фабрики доставилъ по начальству пачки точно такихъ же прокламацій. На фабрикѣ этой какъ разъ возникли неприятности изъ-за холерной эпидеміи, фабрику чистили по приказу начальства, и прокламаціи, какъ разъ при расчетѣ рабочихъ, которыхъ еще къ тому же нагло обсчитывало управление, и были доставлены. Однако, этихъ листовокъ никто изъ рабочихъ еще не успѣлъ прочесть. Среди этихъ прокламацій была и въ «стишкахъ» о томъ, какъ:

«предать навѣки мщенью
церкви, браки и семейство —
мира стараго злодѣйство!»

А въ другомъ мѣстѣ говорилось, что надо:
«порѣшить въ конецъ боярство,
порѣшить въ конецъ и царство,
сдѣлать общими имѣнья...»

Здѣсь явная и точная программа Ленина-Сталина, и Ставрогинъ, вдохновитель всей этой кровавой белиберды, конечно же былъ предтечей революціи семнадцатаго года! Уже и тогда —

«народъ, возстать готовый,
отъ Смоленска до Ташкента
съ нетерпѣньемъ ждалъ студента!»

И, наконецъ, ожидаемый «скубентъ» появился. Тогда и выяснилось, что Ставрогинъ или Верховенскій, Лямшинъ или Липутинъ, Троцкій или Ленинъ — все равно, ибо это одни и тѣ же типы, а главное, одна и та же программа.

Драгоценнѣе всего, при этомъ, признаніе самого Верховенскаго: «Ихъ всего тамъ чело-вѣкъ пять, или десять!» Это и былъ весь «аппаратъ» Ленина-Троцкаго! Съ нимъ они и проглотили цѣлую Россійскую Имперію, при всеобщей растерянности «Лемковъ-губернаторовъ». Точно такъ же, какъ предательствомъ пользовался Верховенскій въ своихъ цѣляхъ, предавшій въ этихъ цѣляхъ Шатова и Кириллова, такъ же предательствомъ пользовались и всѣ они, а многие изъ нихъ, не исключая и теперешнихъ «высшихъ», были даже прямо на службѣ Охраннаго Отдѣленія. Одно время, при Бурцевѣ, говорили, что даже и самъ Сталинъ съ Троцкимъ были «индикаторами», или агентами Охраннаго Отдѣленія. Документы объ этомъ передалъ въ свое время никто иной, какъ Малиновскій, членъ Думы и членъ партіи.

Верховенскій, въ разговорѣ съ губернаторомъ, обѣщаль всѣхъ «подать на тарелкѣ» черезъ шесть дней. За эти шесть дней онъ рассчитывалъ надѣлать «дѣлъ», а если случилось, что губернаторъ его штуку угадалъ, то тогда Верховенскій былъ чистъ, ибо онъ же всѣхъ ихъ и выдалъ. Тутъ такая звѣрски запутанная провокація, что здравому чело-вѣку въ ней даже сразу и не разобраться.

Говоря о романѣ «Бѣсы», мы считаемъ нужнымъ оговориться, что лишь ищемъ сходства со случившимся, а не ищемъ политической цѣли въ этой книгѣ. Дѣло въ томъ, что политика, будучи догматической, ищетъ не столько логической истины въ разбираемомъ, сколько подтвержденія своихъ догматовъ. Съ истиной при этомъ поступаютъ, какъ хотятъ. Мы же ищемъ истину.

Столкновеніе старо-Русскаго быта съ Европейско-материалистическимъ, конечно, было неизбежнымъ, однако, никто не думалъ, что оно разразится съ такой силой и пойдетъ столь глубоко. Тѣмъ не менѣе, надо отмѣтить, что в сѣ наши понятія иныя, нежели въ Европѣ. Подъ каждымъ изъ нихъ мы понимали истинное содержаніе, тогда какъ въ Европѣ, получившей цивилизацію изъ Рима, преобладаетъ внѣшнее надъ внутреннимъ. Такимъ образомъ, Западъ формаленъ, а мы были, и вѣроятно, еще будемъ, особымъ міромъ, гдѣ внутреннее содержаніе вещей предпочитается внѣшнему. Не надо закрывать глазъ на истину: Европѣ, конечно, было выгодно свалить «Русскій Колоссъ» въ беду. Она, Европа, намъ никогда не довѣряла, потому что прекрасно знала стоимость своей внѣшней цивилизаціи, которую развивала въ ущербъ культурѣ. Она же намъ приписывала собственные желанія: если бы она была на нашемъ мѣстѣ, она бы насъ, конечно, давно проглотила! Потому-то ей и хотѣлось, чтобъ этотъ кошмаръ, «Восточный Колоссъ» исчезъ, и когда вспыхнула революція, Европа въ нее вмѣшалась, и конечно, гораздо сильнѣе слѣва, чѣмъ справа. Такимъ образомъ, она придала большевизму еще больший разгонъ и углубленіе.

Верховенскій, какъ мы говорили, обѣщалъ всѣхъ революционеро́въ подать «на тарелкѣ» черезъ шесть дней, а за эти дни онъ разсчитывалъ надѣлать дѣлъ, а если бы случилось, что губернаторъ махинацію разгадалъ, то онъ, Верховенскій, вышелъ бы сухимъ изъ воды, ибо онъ же революционеро́въ и предалъ. Губернаторъ не только на эту удочку попался, но даже показалъ ему «изъ довѣрія» анонимку Лебядкина, въ которой тотъ просилъ «сигнала», въ швейцарской на окнѣ свѣчу зажечь. Пьяный капитанъ Лебядкинъ просилъ «по телеграфу прощеніе изъ Третьяго Отдѣленія и пенсіонъ». Такъ сказать, «совершенно ни въ чемъ не заинтересованный сынъ отечества». Верховенскому какъ нельзя болѣе кстати пришло подобное пьяное посланіе. Оно ему развязывало руки и заставляло поспѣшить съ планами. Уходя отъ губернатора, Верховенскій думалъ, что все это дѣло въ его карманѣ, но онъ ошибся. Губернаторъ тоже принялъ кой-какія мѣры. По словамъ вошедшаго въ кабинетъ губернатора чиновника Блюма, Лямшинъ съ Толкаченко тоже Верховенскаго предали! Такъ, всѣ они, начиная «дѣло», соглашались, клялись, а потомъ каждый изъ нихъ подумалъ: «а если тебя спросятъ, ты чего вертѣлся? Почему не предупре-

дилъ, кого слѣдуетъ?», и каждый изъ нихъ, предатель по натурѣ, рѣшилъ, что если бы онъ былъ на мѣстѣ «какого-то», то непременно бы выдалъ всѣхъ. А потому каждый изъ нихъ и сталъ «обеспечивать свой интересъ». Сталинъ и дѣйствовалъ по этому шаблону.

Между тѣмъ, Верховенскій зашелъ къ «писателю Земли Русской» Кармазинову, и тотъ такъ сказалъ объ этой землѣ: «Всѣ давно падаютъ и всѣ давно знаютъ, что не за что ухватиться. Я уже потому убѣжденъ въ успѣхѣ этой таинственной пропаганды, что Россія теперь по преимуществу то мѣсто въ цѣломъ мірѣ, гдѣ все что угодно можетъ произойти и безъ малѣйшаго отпора... Святая Русь страна деревянная, нищая и... опасная, страна тщеславныхъ нищихъ въ высшихъ слояхъ своихъ, а въ огромномъ большинствѣ живетъ въ избушкахъ на курихъ ножкахъ. Тутъ все обречено и приговорено. Россія, какъ она есть, не имѣетъ будущности. Я сдѣлался нѣмцемъ и вмѣняю себѣ это въ честь». Дальше онъ говоритъ, что «вся суть русской революціонной идеи заключается въ отрицаніи чести... Мнѣ нравится, что это такъ смѣло и безбоязненно выражено. Нѣтъ, въ Европѣ еще этого не поймутъ, а у насъ именно на это и набросятся...»

Откровенное презрѣніе къ людямъ въ этихъ словахъ. Дѣйствительно, если Достоевскій писалъ о Тургеневѣ, насъ это не удивляетъ. Въ Русскомъ Музеѣ въ Санъ-Франциско находится переданное нами туда на храненіе письмо Достоевскаго къ Майкову, гдѣ сказано многое объ отрицаніи Тургеневымъ Россіи. Письмо было напечатано во Французскомъ Альманахѣ. Ему сопровождается статья.

Какъ извѣстно, Тургеневъ всю жизнь почти прожилъ въ Парижѣ, и въ Россію наѣзжалъ только... за денежными средствами. Между тѣмъ, изъ него сдѣлали чуть ли не корифея Русской литературы и любви къ Отечеству!

Въ литературномъ отношеніи ему, конечно, можно поставить въ заслугу «пересадку французскихъ приемовъ» на русскую литературную почву, но и то неизвѣстно, заслуга это или нѣтъ. Что касается «любви къ Отечеству», то во-первыхъ, какъ онъ говорилъ самъ, «его интересуе́тъ больше проводка канализаціи въ Карлсруэ», чѣмъ дѣла Родины, а во-вторыхъ, онъ слишкомъ симпатизировалъ интернаціональному социализму. Кармазиновъ въ совершенствѣ напоминаетъ его. Это, вѣроятно, даже не пасквиль, а портретъ, не лишенный сходства. Верховенскій его называетъ «крысой съ корабля». Этимъ Достоевскій подчеркиваетъ презрѣніе, которое питали большевики его эпохи къ «попутчикамъ». Они — «до ближайшаго угла, а тамъ — разойдемся, они (крестьяне) направо, а мы — налево!» — слова краснаго пропагандиста къ рабочимъ на заводѣ въ Екатеринодарѣ, въ началѣ революціи, слышанныя нами. Съ такимъ же презрѣніемъ убили и Рузскаго на

Кавказъ, и добивали лопатами, а онъ кричалъ: «за что же? Вѣдь это я же заставилъ Царя отречься!» На что, по словамъ свидѣтелей изъ толпы, матросъ ему отвѣтилъ: «Такъ тебѣ и надо! Черезъ тебя и вольнка началась! А на тебя и пули жалко!» — и билъ лопатой по чему попало. Такъ полуживого и зарыли. Революціонная сволота вполнѣ понимала разницу между нею и предателями изъ высшаго класса: все равно, послѣ, и ее предадутъ. Никакого довѣрія къ нимъ не только не питала, но какъ только могла ихъ ликвидировать, такъ сейчасъ же и дѣлала это. Точно то же сдѣлала совѣтская власть со Сланскимъ и его друзьями въ Прагѣ. Она «дала имъ пожрать» года два-три, а затѣмъ повѣсила. Большаго презрѣнія даже къ врагамъ совѣты не высказывали. Враги были врагами, а вотъ «погучики» для нихъ были хуже враговъ. И конечно, Верховенскій въ «Бѣсахъ» вполнѣ слѣдуетъ этой тактикѣ. Онъ Кармазинова зоветъ «переселяющейся крысой». Онъ говоритъ: «успѣешь переселиться!» Въ этомъ и заключается величайшая трагедія для предателя: онъ бы и служилъ новому господину, можетъ даже не за страхъ, а за совѣсть, но... господинъ ему не вѣрять! Проблема эта, такимъ образомъ, была поставлена уже въ тѣ времена, когда писалъ Достоевскій, ибо если шло дѣло о разрушеніи страны и общества, то уже тогда же появились и предатели общества, а Верховенскому надо было либо принимать ихъ какъ друзей, либо же рѣшать, какъ отъ нихъ отдѣлаться.

Мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что здѣсь важенъ не только Верховенскій, Виргинскій, Ставрогинъ, бывшіе откровенными революціонерами, но и то «общество», которое ихъ окружало, а въ немъ — Степанъ Трофимовичъ и Кармазиновъ, «писатель земли Русской», которую онъ же и жулилъ («я сдѣлался нѣмцемъ и вмѣняю себѣ это въ честь!» — кажется, никто и нигдѣ не сдѣлалъ такого откровеннаго признанія въ своемъ моральномъ предательствѣ страны, его породившей!). Въ этой компаніи «для фона» выступаютъ очень хорошо своими качествами «старичокъ», весьма важный и чиновный, чуть ли не генералъ, во всякомъ случаѣ, съ орденами и даже «съ важнымъ орденомъ на шеѣ», любившій «здоровую шутку». Онъ подарилъ (именно, далъ другимъ, но не сдѣлалъ самъ!). — Вотъ они, «подталкивающіе», — именно, этотъ «сановный старичокъ» подарилъ... заграничныя фотографіи фривольнаго содержанія, чтобы подсунуть... въ священные книги, которыя продавалъ книгоноша въ Гостиномъ Ряду въ городѣ! Тотъ вынулъ книги, чтобы показать любителю религіознаго чтенія, а изъ нихъ посыпались мерзкія фотографіи. «Дѣло» сварганили Лямшинъ съ какимъ-то семинаристомъ. Должно сейчасъ же подчеркнуть, что «старичокъ» — это своего рода «папаша Карамазовъ». Если онъ на него и не вполнѣ похожъ, то сущность у него такая же дрянная, какъ и у Карамазова.

Въ Лямшинѣ нетрудно узнать мелкаго «партийнаго» подстрекателя, а въ какомъ-то семинариствѣ, пожалуй и... Сталина, еще «учившагося» революціи. Онъ еще не дошелъ самъ до предѣловъ, но уже былъ вполнѣ «на пути» провокаціи. Степанъ Трофимовичъ, духовный отецъ всего этого нравственнаго разложенія — ни за что на свѣтѣ не согласился бы, что онъ и «старичокъ» — были обратными сторонами одной и той же медали. Онъ всталъ бы въ возвышенную позу и «возразилъ бы»: «какъ? Я васъ училъ? Я?... Да никогда въ жизни!...» Это и есть важнѣйшій пунктъ дѣла: сколько написано статей въ эмигрантскихъ изданіяхъ на тему «Октябрьская революція — вовсе логически не слѣдовала изъ Февральской». «Большевизмъ — не социализмъ! Соціалисты — это мы, а не они!» и такъ далѣе. Переносъ сегодняшній штампъ на этихъ людей «фона» романа, надо сказать, что «старичокъ», Степанъ Трофимовичъ, Кармазиновъ — все это до нѣкоторой степени «февралисты», тогда какъ Ставрогинъ, Верховенскій и прочіе дѣятели «мирнаго возстанія» — «октябристы». Если бы ихъ арестовали и стали допрашивать, то всѣ они, не исключая и «старичка», заявили бы свое «благородное возмущеніе» и никакъ бы не согласились, что подталкивали Россійскій возъ къ революціи! Кармазиновъ сказалъ бы: «Я — сдѣлался нѣмцемъ!... Это меня, какъ «нѣмца», не касается!» Степанъ Трофимовичъ воздѣлъ бы руцѣ къ небу и воскликнулъ: «О!... О, неблагодарное поколѣніе! Я ли не сѣялъ разумное, доброе, вѣчное?» «Старичокъ» бы заявилъ: «Позвольте!... А? Паз-вольте, мнѣ ли, важному генералу, кавалеру ордена... Да какъ вы смѣете?» Всѣ они оказались бы правыми, если не на дѣлѣ, то хоть на словахъ, и виновными единственно были бы Ставрогины и Верховенскіе съ Лямшинными. «Фонъ» событій, на которомъ все развивалось, какъ развиваются грибы на гнилой почвѣ, оказался бы не при чемъ, тогда какъ во всемъ были бы виновны «грибы-съ!» «Вотъ, они-съ...» Зачѣмъ они-съ, позвольте спросить, развиваются?» То-есть, вину съ главнаго, ибо въ подготовительный періодъ второстепенное является главнымъ, въ данномъ случаѣ — «фонъ», перемѣстили бы именно на второстепенное. Это естественный приемъ всѣхъ виновниковъ, «выбредившихся» и сваливающихъ вину на другихъ, по формулѣ: «я — не я, и лошадь не моя, и самъ я — не извозчикъ, и оглобли не въ ту сторону стоятъ, и колеса не мазаны!» Всѣ дрянныя, такъ сказать, для полной невинности, которой и въ поминѣ нѣтъ. Между тѣмъ, безъ почвы, безъ «фона» революція Верховенскаго ли, Ленина ли, или Сталина — были бы невозможны! Значить, — это законъ: до революціи второстепенное, такъ сказать, «фонъ», — не играетъ видной роли, а послѣ оказывается именно оно главнымъ въ дореволюціонные дни! Въ дореволюціонные же дни все революціонное — второстепенно, ибо оно, при порядкѣ, является абсурднымъ.

Займись «старичокъ» своимъ дѣломъ, вытекающимъ изъ «ордена на шеѣ», и многого безобразнаго не было бы, а не было бы безобразнаго, аморальнаго, не было бы и предпосылокъ для революціи. Будь Степанъ Трофимовичъ съ его доведеннымъ «до истерики» благородствомъ, дѣятельнымъ человѣкомъ, не занимайся онъ бреднями, онъ не сталъ бы искать вины «въ обстоятельствахъ», а въ самомъ себѣ. Съ этого и надо начинать перемѣну общества, съ самого себя, а измѣнившись; ставъ лучше, человѣкъ съ удивленіемъ видитъ, что и міръ сталъ лучше. Тогда онъ не сталъ бы увѣрять, что «самые художественные таланты» могутъ быть ужаснѣйшими мерзавцами, и что «одно другому не мѣшаетъ». Онъ зналъ бы, что «мѣшаетъ»! Такъ же зналъ бы, что истинные таланты, какъ разъ, сознавая свою тщету, стремятся стать лучше. Всякія вещи зналъ бы онъ въ такомъ случаѣ. Эти вещи помѣшали бы ему расшатывать устои общества, въ которомъ онъ жилъ.

Какъ видимъ изъ романа, Степанъ Трофимовичъ Варвары Петровны съ ума не сводилъ все-таки, а занялся этимъ его сынокъ—Верховенскій, добившійся того, что бѣдная генеральша стала даже нотаціи читать Степану Трофимовичу, состоявшія сплошь изъ «новыхъ идей», въ томъ смыслѣ, что «въ новомъ обществѣ совсѣмъ не будетъ бѣдныхъ». А читая, обвиняла его, что онъ «скрылъ все это!» И все это, когда на свѣтѣ были Смердяковы, Лямшины, «старички»! Онъ все же нашелся, когда заявилъ, что будетъ читать на вечерѣ, на томъ самомъ вечерѣ, который долженъ былъ увѣнчать работу Верховенскаго и кончиться планетарнымъ скандаломъ, о Сикстинской Мадоннѣ: «Я расскажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ, который первый взмоетъ на лѣстницу, съ ножницами въ рукахъ, и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала, во имя равенства, зависти и . . . пищеваренія!»

Здѣсь Достоевскій устами Степана Трофимовича впервые ясно указываетъ на три основныхъ мотива революціи: равенство въ зависти, зависти въ равенствѣ и пищевареніи, пищевареніе въ равенствѣ и зависти! Такъ оно и стало послѣ Ленина! Все свелось для огромной массы людей къ нищетѣ, зависти и ѣдѣ. Доносили другъ на друга за то, что «онъ достаётъ откуда-съ селедку!» Чека брала ѣвшаго селедку, затѣмъ его поставщика и тогда ни у кого больше не было даже селедки!

«Вонючій и развратный лакей», то-есть, Смердяковъ, дорвавшійся до Сикстинской Мадонны, изрѣзалъ Ея Божественный Ликъ и приказалъ «телѣгамъ, развозящимъ хлѣбъ человѣчеству», исключить добрую половину изъ раздачи этого «хлѣба революціи». Телѣ-

ги, ибо самъ Ленинъ былъ не больше материалистической телѣги, дѣйствительно «половину человѣчества изъ раздачи исключили», А Сталинъ, наслѣдовавшій Ленину, «землей и желѣзомъ» («Вій» Гоголя) накормилъ десяткіи миллионновъ крестьянства. Отъ такой «пищи» послѣдніе погибли. Вся Сибирь и Туркестанъ усѣяны ихъ безконечными могилами! Такъ уничтожать живыхъ людей могли только «телѣги», а не люди же. Большой подлости по отношенію къ живому человѣчеству нельзя вѣдь было проявить! Живые люди не въ силахъ были бы сдѣлать подобнаго преступленія, кромѣ, какъ «телѣги революціи». Но продолженіе такихъ «телѣгъ» — дѣло Степанъ Трофимовичей, и этой вины они съ себя сбросить не могутъ ни при какихъ обстоятельствахъ. Развѣ что «исключать» и оставшихся въ живыхъ свидѣтелей..

Верховенскій началъ все предательствомъ, предательствомъ продолжалъ и предательствомъ кончилъ. Все у него было построено на этомъ.

Степану Трофимовичу предательство претило. Онъ его не выносилъ. Однако, онъ именно и воспиталъ Ставрогина съ Верховенскимъ! Какъ это могло случиться? А очень просто: самъ онъ особенныхъ, твердыхъ устоевъ не имѣлъ, хотя и не былъ безнравственнымъ человѣкомъ. Однако, онъ не зналъ, какъ и когда надо мальчикамъ что-то разрѣшить, а что-то запретить, и какъ многіе воспитатели, позволялъ, а затѣмъ запрещалъ, затѣмъ снова позволялъ. Отсюда и вытекла своеобразная формула Ставрогина: «хотѣтъ не хотѣтъ, или не хотѣтъ хотѣтъ». Такое воспитаніе подготовляетъ будущихъ «шизофрениковъ», и это твердо установлено въ наукѣ!

Итакъ, Степанъ Трофимовичъ, при всей своей «идейности», подготовилъ психически нарушенныхъ людей. Объ этомъ онъ, конечно, не зналъ, но неосторожный прохожій, идя по улицѣ и видя блестящій предметъ, можетъ на него наступить. Предметъ окажется динамитнымъ патрономъ и прохожій — останется безъ ногъ, крича: «я не зналъ! . . Я не зналъ! . .»

Всякій другой, случившійся на мѣстѣ, скажетъ: «Ты не зналъ! . . Да, конечно, не зналъ. Однако, новыхъ ногъ теперь тебѣ никто не придѣлаетъ. Надо быть осторожнымъ!» Тѣмъ болѣе, что Степанъ Трофимовичъ, если и «не зналъ», такъ по лѣности, ибо и въ его время уже были книги о воспитаніи, и стоило лишь заглянуть въ одну изъ нихъ. «Не зналъ» — не является оправдательнымъ аргументомъ. Всякій судья скажетъ: «Не зналъ? А зачѣмъ же ты дѣлалъ?» Тутъ мы касаемся главнаго въ воспитаніи до революціи: весьма многіе не знали послѣдствій своихъ дѣйствій. Почему «не знали» Пуришкевичъ, Стенбокъ-Ферморъ и другіе, идя на убійство Распутина, что

за этими выстрѣлами послѣдуютъ другіе? Почему не знали Родзянко, Львовъ, Гучковъ, Милюковъ и другіе, что выйдетъ изъ ихъ «думской революціи»? Почему «не зналъ» генералъ Крымовъ, что ему надо идти форсированнымъ маршемъ на Санктъ-Петербургъ? Почему «не знали» генералы-заговорщики, требовавшіе отреченія Государя во время войны? Почему «не зналъ» генералъ Д., одинъ изъ организаторовъ красной арміи, сказавшій: «я не зналъ, что выйдетъ изъ отреченія Государя!» Какъ это — «не зналъ»? Достаточно было заглянуть въ любую исторію, Римскую ли, Византійскую или Французскую, чтобы твердо знать, что будетъ послѣ такого акта. Вообразимъ на минуту, что сапожникъ, тачая сапоги, беретъ для голенища цѣлую воловью кожу, а послѣ, сдѣлавъ этакой сапожище, доходящій до горла своего клиента, скажетъ: «я не зналъ, что получитъ такой длинный сапогъ!» Что скажетъ ему его злополучный клиентъ? И почему же съ сапожника можно требовать знанія, а съ генераловъ, политиковъ, адвокатовъ — нельзя? Почему подъ словомъ «отвѣтственный министръ» понимается «безотвѣтственный»? На практикѣ, чѣмъ онъ рискуетъ? Его сбросятъ, самое большее. Дальнѣйшаго отвѣта съ него не спросятъ, въ тюрьму не пошлютъ, хотя бы онъ убилъ миллионъ людей! Между тѣмъ, его называютъ «отвѣтственнымъ»! Такъ, Черчилль руководилъ операціями въ Дарданеллахъ, гдѣ погубилъ множество людей и военныхъ судовъ, и все ему сошло съ рукъ! Въ первую Мировую войну онъ настоялъ на «Дарданелльской операціи», единственно изъ страха, что въ Дарданеллы прорвутся русскія войска. За это ему дали награды! Между тѣмъ, если ужъ было дѣлать такую «операцію», такъ въ согласіи съ русскими, и имѣя въ виду отрѣзать Дарданеллы отъ остальнаго гинтерланда, то-есть, высаживаясь совсѣмъ не тамъ, гдѣ англичане высадились. Черчилль тоже «не зналъ»? Хорошо, что его генералы что-то знали, а то была бы катастрофа такихъ размѣровъ, что Великобританія могла просто выйти изъ строя.

Потому-то мы сторонники идеи, что «не знаю» — не является аргументомъ въ пользу кого бы то ни было, кромѣ ребенка, еще не доросшаго до знанія. И вотъ, этого у насъ многіе не знали, и въ томъ числѣ Степанъ Трофимовичъ. «Не зная», что изъ этого выйдетъ, сожгли они нашъ Отчій Домъ! Сожгли, и многіе еще до сегодня не раскаялись! Десятками газетныхъ статей «отбредиваются» они, десятками разсужденій, сотнями докладовъ и конференцій, «толстыми журналами» и всякой мелочью стараются доказать, что «они хотѣли совсѣмъ не того, что вышло». Насъ это не утѣшаетъ, ибо Отчаго Дома — Россіи нѣтъ. И вина лежитъ на всѣхъ, кто подготовлялъ намъ «небо въ алмазахъ» и «невыразимо прекрасное будущее»! Будущее стало настоящимъ, и мы знаемъ, каково наше настоящее.

Вина отцовъ этихъ «дѣячей» революціи нѣсколько меньше, ибо они говорили: «Я сдѣлался нѣмцомъ и вмѣняю себѣ это въ честь!» Правда, о «чести» у нихъ понятіе было слабое, но все-же, они хоть себя нѣмцами объявили! Ну, а ихъ дѣти «отъ нѣмцевъ ушли и къ русскимъ не пристали»! Они не отошли отъ дѣла, какъ ихъ отцы, сосредоточившіе свои духовные интересы на «канализаціи въ Карлсруэ», но стали пихать Россію въ бездну, ничуть не думая, что будетъ «потомъ». Они писали романы «Господа Обмановы» (Амфитеатровъ), «Сашка Жигулевъ» (Андреевъ), «Санинъ» (Арцыбашевъ), «На днѣ» (Горькій) и такъ далѣе. Когда, начитавшись этихъ романовъ, молодежь захотѣла разрушенія, пришла революція. Теперь это уже исторія, а историческіе факты говорятъ сами за себя: въ четырнадцатомъ году толпа стояла на колѣняхъ передъ дворцомъ Царя, пѣла «Боже, Царя храни», а въ это время (смотри «покаянное письмо Милюкова», адресованное Долгорукому!) кадеты, то есть партія центра, собирались съ лѣвыми и рѣшили: «Эта война должна кончиться революціей!» Что это, какъ не государственная измѣна, караемая смертной казнью вездѣ, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, Соединенныхъ Штатахъ Америки, то есть рѣшительно вездѣ! Только мы, эмигранты, еще почему-то позволяемъ этимъ господамъ разговаривать о «мотивахъ», побудившихъ ихъ разрушить Отчій Домъ! Эти люди подлежатъ отвѣтственности передъ Россіей, и не намъ ихъ прощать! Но вернемся къ тексту «Бѣсовъ» Достоевскаго.

Дальше, какъ мы помнимъ, «писатель Земли Русской Кармазиновъ» (почти что «папаша Карамазовъ»!) сказалъ: «Этого волокиту (Ставрогину) — сказалъ онъ, хихикая (обратите вниманіе на «смѣхъ» писателя!), — если осуществится когда-нибудь то, о чемъ проповѣдуютъ въ прокламаціяхъ, вѣроятно, вздержатъ перваго на сукъ».

— Можетъ и раньше, — вдругъ сказалъ Петръ Степановичъ (Верховенскій).

Тутъ и обнажается трогательное единодушіе «спасающейся крысы» и «ревдіяча»: «Всѣхъ, кто на дорогѣ — на сукъ!»

Сталинъ именно такъ и сдѣлалъ, а если бы Ленинъ прожилъ съ десятокъ лѣтъ дольше, то и Ленинъ сдѣлалъ бы то же самое!

При этомъ Верховенскій замѣтилъ «писателю Земли Русской», что тотъ уже однажды объ этомъ говорилъ, и что онъ (Верховенскій) передалъ его слова Ставрогину, на что послѣдній замѣтилъ: «если меня на сукъ,

такъ съ него довольно и высъчь, но только не изъ чести, а больно, какъ мужика съкутъ»

Этимъ онъ поставилъ «точку» надъ разговоромъ съ «писателемъ». Большаго тотъ дѣйствительно не стоилъ.

Дальше въ текстѣ говорится, что уже передъ собраніемъ «на именинахъ у Виргинскихъ, Ставрогинъ вдругъ даетъ совѣтъ Верховенскому»: собрать четверыхъ, чтобы убить пятого, и «этой кровью вы всѣхъ ихъ однимъ узломъ свяжете!» Верховенскій былъ такъ пораженъ, что даже задумался на секунду! (Даже ему этого въ голову не приходило!), а потомъ даже рѣшилъ про себя, что Ставрогинъ ему долженъ будетъ когда-либо за эти совѣты отвѣтить».

Въ этомъ пунктѣ Верховенскій, какъ и всѣ революціонеры, никому не прощаль даже полезныхъ совѣтовъ. Сталинъ за такія вещи просто разстрѣливалъ. Причина проста: все должно было исходить отъ него, и ни отъ кого другого. Если же другой въ состояніи былъ его «переплюнуть», значитъ, онъ ему былъ опасенъ. А вдругъ и противъ него самого что-либо придумаетъ?

Но, подавъ «совѣтъ», Ставрогинъ еще не зналъ, воспользуется ли имъ Верховенскій. И однако же, послѣ нѣкотораго времени онъ зналъ о готовящейся экзекуціи Шатова. Какимъ образомъ онъ могъ знать? Здѣсь — загадка. И однако, когда узналъ, отъ Федьки ли, отъ Кириллова ли, неизвѣстно, но отъ кого-то, онъ, какъ и Иванъ Карамазовъ, знавшій, что Смердяковъ могъ убить отца, самъ не сталъ вмѣшиваться. Правда, онъ Шатова предупредилъ, но тутъ врядъ ли дѣйствовалъ Ставрогинъ № 1. Это былъ либо Ставрогинъ № два, либо № 3. Шатовъ, между прочимъ, сталъ его звать стать начальникомъ другого движенія, социалистамъ противоположнаго. Но Ставрогинъ, изъ-за разложенія его личности на нѣсколькихъ Ставрогиныхъ, не имѣлъ хода ни къ Верховенскому, ни къ Шатову. Онъ, какъ одержимый Сатаной, не могъ никому принадлежать, за исключеніемъ Сатаны же. Таковъ Законъ Зла. Ибо если Злу уподобляться, то оно входитъ въ человѣка, становится на нѣкоторое время его личностью, а затѣмъ разлагаетъ его на части, чтобы тѣмъ болѣе насладиться его паденіемъ, ибо Зло имѣетъ само собственную личность!

Съ другой стороны, возможно, что Верховенскій самъ предвосхитилъ идею убійства

какъ средства связи остальныхъ воедино. Авторъ на это не указываетъ. Можетъ и само «общество, человѣкъ десять, что ли» уже выработало эту алхимическую «мазь» для связи. Возможно, что уже и за границей Шатовъ былъ приговоренъ. Все возможно, но Достоевскій своихъ картъ здѣсь не раскрываетъ до конца. Криминальный приемъ, чтобы «слѣпить движеніе», во всякомъ случаѣ, былъ пущенъ въ ходъ. Однако, Ставрогинъ предупредилъ Шатова уже послѣ того, какъ получилъ отъ него пощечину. Возможно, что онъ это сдѣлалъ изъ мести къ Шатову, чтобы тотъ однажды пожалѣлъ о своемъ поступкѣ. Возможно, что сказалъ онъ и для того, чтобы затруднить операцію Верховенскому. Дескать, посмотримъ, какъ ты теперь устроишься, когда жертва знаетъ, что ее зарѣжутъ. Достоевскій ключа къ этому поступку не далъ, видимо спѣша закончить большое полотно романа. У нормальнаго человѣка такое предупрежденіе Шатова доказывало бы, что у него есть еще благородство, но у Ставрогина это совсѣмъ ничего не доказываетъ. Можетъ, какъ разъ наоборотъ, нѣкое «злорадство». Можно лишь догадываться, болѣе или менѣе, логическимъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, полной гарантіи правильности нашего заключенія мы имѣть не можемъ, ибо находимся уже передъ входомъ въ психопатологію, гдѣ логика все болѣе смѣняется ассоціаціями. Въ случаѣ же расстройства такихъ дѣло идетъ совсѣмъ не логически, а по колеѣ маніи, каковая превращается сама въ арбитра и сама руководитъ умомъ больного. Даша любила Ставрогина и принимала во вниманіе его болѣзненное состояніе. Между тѣмъ она могла быть для него лишь сидѣлкой, какъ Варвара Петровна всю жизнь была «сидѣлкой» Степана Трофимовича. Онъ и самъ смотрѣлъ на Дашу, какъ на будущую свою няньку. Однако, Лизу, можетъ, онъ и любилъ, но — вся его прежняя жизнь была ему препятствіемъ. Ставрогинъ не могъ жениться на Лизѣ, будучи связанъ уже бракомъ съ дурочкой Лебядкиной. Тутъ-то Верховенскій и ловилъ его, намекая на возможное «рѣшеніе вопроса» черезъ Федьку-каторжника. Стоило Ставрогину лишь полуотвѣтить, чтобы «дѣло» было сдѣлано, и тогда онъ могъ вполне законно жениться на Лизѣ. Но и самъ Верховенскій не вполне «хотѣлъ этого хотѣть», ибо имѣлъ другіе взгляды и другія цѣли при этомъ. Судя по всему, самъ Верховенскій не имѣлъ склонности къ женскому полу. По крайней мѣрѣ, когда у всѣхъ были жены или невѣсты, у него никого не было. Будучи человѣкомъ психически нарушеннымъ, онъ могъ быть имъ и въ сексуальномъ отношеніи.

Воскликая про «Иванъ Царевича», онъ ужь больно къ нему тянулся, почти моля и немедленно угрожая. Ставрогинъ его грубо отталкивалъ. Возможно, что Верховенскій и не хотѣлъ брака Ставрогина съ Лизой, потому что послѣдняя была, все-же, убита. Тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ, «женится-пере-мѣнится», онъ могъ Ставрогина потерять и для своего «общества». Для него онъ ему нуженъ былъ какъ «Иванъ Царевичъ». Здѣсь все запутано. Но если поведение дѣвушекъ и озадачиваетъ читателя, то надо же войти и въ ихъ положеніе: скажемъ ясно, что Лиза любила Ставрогина и хотѣла выйти за него замужъ. Но... развѣ такой человѣкъ былъ похожъ на мужа, на отца семейства? И конечно, какъ Лиза такъ и Даша были въ совершенномъ отчаяннѣи, и если чудили, такъ и понятно. Тѣмъ болѣе, что Ставрогинъ былъ дѣйствительно красавцемъ. Физически онъ дѣвушекъ привлекалъ, а морально — отталкивалъ. Отсюда понятно, что Лиза могла упасть въ обморокъ, а Даша — потерять голову. Но если дурочка Лебядкина увидѣла, что «онъ вошелъ съ ножомъ», то какъ не могли этого видѣть двѣ барышни, нравственно вполне воспитанныя и разсудительныя? Конечно, и онѣ «видѣли», что «Ставрогинъ съ ножомъ». И конечно, женщины, надѣленные болѣе чуткимъ зрѣніемъ, видѣли больше другихъ. Видѣлъ и Шатовъ, но по особому, уже раскусивъ шайку и зная, что она изъ себя представляетъ. Видѣлъ онъ не только физически, но и морально, ибо морально отъ шайки отшатнулся, и уже не могъ быть въ ея средѣ. Люди эти ему стали противны. Шатовъ искалъ и нашелъ новый путь, путь русскій, отъ социализма отказавшись начисто, какъ отъ уродства. Въ этомъ ему помогли идеи Ставрогина, когда тотъ еще былъ «русскимъ и православнымъ». Однако, теперешняя «галерея разложившагося Ставрогина» ему больше не подходила. Онъ понялъ, что прежняго Ставрогина больше нѣтъ, и что съ новымъ, представленнымъ въ видѣ цѣлага ряда «Ставрогиныхъ», ему не о чемъ было толковать. Въ окружающихъ людяхъ онъ тоже не могъ найти никого, такъ если одни буянили, «дѣлали революцію», другіе либо откровенно спали, какъ огромное большинство, либо — находились въ «предбредовомъ настроеніи», какъ восторженные «гости» изъ молодежи у Виргинскихъ. Неоткуда было взять людей рѣшительныхъ и настроенныхъ національно. Сама власть была представлена... губернаторомъ Лембке, за котораго «управляла супруга», а политическая полиція — «несчастливымъ Блюмомъ», у котораго никогда ничего не выходило. Эта безпомощная, по-своему честная, но наивная власть (даже доноса Лебядкина съ просьбой о «прощеніи изъ третьяго отдѣленія и пенсіонѣ» не смогла использовать!), встала втупикъ передъ «обществомъ». Никакой «революціи» эта кучка Верховенскаго и вызвать не могла, но безпорядка надѣлала много, и то, потому что власть не знала, гдѣ она, изъ кого состоитъ и кто ея участники. Но «методы» Ставрогина-Верховенскаго, какъ «методы» Ленина-Сталина, съ натравливаніемъ одной части

населенія на другую, вполне одинаковы и сомнѣнія не вызываютъ: это — большевицкіе методы, приготовленные уже во времена Достоевскаго. Глядя на одну сторону, и видя другую, Шатовъ оставался одинъ и не могъ сторонниковъ найти нигдѣ, даже въ средѣ близкой къ власти, если бы и хотѣлъ. Онъ, единственный прозрѣвшій уже въ то время, былъ заранѣе обреченъ въ жертву революціоннаго Сатаны. Въ довершеніе бѣды, идемъ, годныя для борьбы противъ революціи, далъ ему все тотъ же Ставрогинъ, самъ между тѣмъ скатившись въ бездну отрицанія.

Правда, дурочка Лебядкина видѣла, что «онъ вошелъ съ ножомъ», но и та была всего дурочкой. Остальные, за исключеніемъ дѣвушекъ Лизы и Даши, если и видѣли, то «Ставрогина съ привычками порядочнаго человѣка».

Что касается мѣстнаго общества, то въ немъ онъ даже прослылъ въ нѣкоторомъ смыслѣ героемъ. «Въ его поступкѣ даже находили нѣчто благородное» (послѣ удара по лицу, полученному отъ Шатова) — «не отвѣчать же крѣпостному!» Здѣсь сказывается идиотская мыслишка: «всѣ бывшіе люди — не люди!» Съ точки зрѣнія чистой логики эта фраза такъ же глупа, какъ и первая. Истина будетъ, какъ всегда, посрединѣ: «человѣкъ — всякій, кто чувствуетъ себя человѣкомъ». Соціальное происхожденіе «здѣсь совершенно не при чемъ!» Мы останавливаемся на такихъ мелочахъ потому, что «мелочи губятъ великія дѣла». Кроме того, всякое ненормальное культурное или соціальное понятіе, кроме практическаго кратковременнаго вреда, приноситъ еще вредъ длительный, на этотъ разъ идеологическій. Но если вернуться вообще къ вопросу о революціонерахъ въ Россіи, и спросить: «Чего вообще не хватало этимъ людямъ и почему они «дѣлали революцію?» — то можно отвѣтить словами Лебедева изъ «Идиота»: «Тутъ — законъ... законъ природы... Такой же законъ, какъ разрушеніе или саморазрушеніе...» (что подтверждаетъ и др. Кабанесъ, и другіе, а книга «Психопатологія неудачи» трактуетъ это положеніе, какъ обязательное для всякаго, кто въ соціальномъ смыслѣ идетъ снизу вверхъ. Это же подтверждаетъ и проф. Фрейдъ).

Однако, во всѣхъ отношеніяхъ между собой революціонеры только и говорятъ, что о деньгахъ: Виргинскіе ихъ любили до жадности, Липутинъ, Ламшинъ, Шигалевъ, всѣ, кромѣ, пожалуй, расточительнаго Ставрогина, да и тотъ, вѣроятно, рассчитывалъ на материнское наслѣдство. Верховенскій выводилъ изъ себя Степана Трофимовича намеками, что тотъ «растратилъ его наслѣдство». Вся ихъ революціонная дѣятельность происходила изъ самой низменной, самой жадной зависти, и эта зависть съ ненавистью, «святая злоба», была основой ихъ ученія: главное, чтобъ заставить всѣхъ силой работать на себя! Къ этому стремились, къ этому шли буквально «по трупамъ всей Россіи», и ко-

нечно, никакой «любви беззавѣтной къ народу» у нихъ не было, кромѣ развѣ мальчиковъ, которыхъ они посылали на смерть «ради идеи». Нѣтъ! «Центральные комитеты» собой не жертвовали! Они себя сохранили на будущее, «на потомъ», когда все «будетъ общимъ», то есть, въ первую очередь, **ихнимъ!**

Что касается стараго, то есть того, чѣмъ живы всѣ культуры и цивилизаціи, то вотъ эти люди, если ихъ можно такъ назвать, порѣшили съ ними покончить! Это именно имъ мы обязаны уничтоженіемъ древнихъ памятниковъ искусства, тысячъ церквей древней постройки, монастырей, даже... желѣзнодорожнаго моста въ Кичкасѣ (Хортица, Запорожье), считавшагося чудомъ техники. Достаточно было Днѣпрострой поставить на сто-двѣсти метровъ выше, и — мостъ, а съ нимъ и островъ Хортица, гдѣ когда-то была Запорожская Сѣчь, были бы спасены. Но... въ ЦК партіи сидѣлъ Ленинъ и Сталинъ, которымъ ничто изъ прошлаго Руси не было дорого!

Такими же были и остальные члены, среди которыхъ ни одного русскаго, даже приблуднаго, имени не встрѣтишь. Это были «торки и печенѣги» Второго Монголотатарскаго Нашествія на Русь-Россію. Они все стирали «ад нигиль», чтобы на этой великой «табула раза» написать «свое». А «своего-то» и не успѣли написать: Сталинъ всѣхъ ихъ ошельмовалъ, особачилъ и разстрѣлялъ! Сегодня ихъ оплакиваютъ, провозглашая «возвратъ къ Ленину». Все «старое» эти невротики революціи истребили, чтобы... на мѣстѣ историческаго Братскаго монастыря въ Кіевѣ поставить... центральную электростанцію! Тоже не видали «чуда»! Въ каждой деревнѣ на Западѣ есть. И на мѣстѣ Михайловскаго монастыря — «паркъ отдыха»... Дорогая каждому русскому сердцу Аскольдова Могила, Десятинная церковь, все это — снесено. На мѣстѣ же этомъ — безобразныя «бабы» — статуи революціонныхъ «доярокъ». Кому нужны эти «свинопасы» революціи? Однѣ наши древности были уничтожены печенѣгами, половцами, монголами, а другія — большевиками. Такъ ихъ и можно поставить въ рядъ съ разбойными кочевниками. Та же — кровища, умыканіе, рабство, издѣвательства, побои, холодъ, голодъ, смерть.

«Я хоть и не вѣрую вполнѣ, но все-таки не скажу, что Бога разстрѣлять надо... И вообще я замѣтилъ, что днемъ вѣра всегда нѣсколько пропадаетъ...» говоритъ маіоръ на «именинахъ» Виргинскихъ. «Теряется время золотое, слушая глупые разговоры», отрѣзала хозяйка. О Богѣ говорить было глупо при этихъ людяхъ. Слишкомъ ужъ «вумные были»! Замѣчательна и безграмотная фраза: по-русски такъ говорить нельзя, это галлицизмъ. Культурный уровень этихъ людей былъ низковатъ, а желаніе властвовать

— огромное. Между тѣмъ, чтобы властвовать разумно (о чемъ они все время говорили, они же были представителями «интеллигенции»!), надо быть культурнымъ. И при чемъ здѣсь вообще религія и что «Бога разстрѣлять надо»? Если бы атеисты были такъ увѣрены, что Бога нѣтъ, такъ они бы Имъ и не занимались! Но въ томъ-то и дѣло, что «въ ночной тѣмѣ вѣра возрастаетъ!» Съ Богомъ можно было бы еще и покончить, но... какъ быть съ «ночной тьмой»? то есть съ Дьяволомъ, о которомъ они не говорятъ ни слова? А дѣло именно въ томъ, что «Гадаринскія свиньи» сами носили въ себѣ Дьявола, были «бѣсами революціи», а по образному выраженію Пацюка (Н. В. Гоголь): «тому нечего чорта искать, у кого онъ за спиной!»

На этомъ «фонѣ именинъ» особенно выдѣляется «попавшій не туда» маіоръ, все время спорившій съ молоденькой студенткой-безбожницей, тогда какъ онъ самъ былъ, видимо, вѣрующимъ, и гимназистикъ. Всѣ трое, они были, конечно, скорѣе будущія жертвы революціи, чѣмъ ея дѣятели.

Сначала происходитъ хаотическій споръ, а затѣмъ появляется Шигалевъ. Этотъ субъектъ, пожалуй, «переплюнулъ» Ставрогина въ дерзости своихъ выводовъ и циническомъ отношеніи къ человѣку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, его теорія девяти десятыхъ человѣчества, которыхъ надо истребить для блага одной десятой, и которую тутъ же «усовершенствовалъ» Лямшинъ, вызвала реплики:

— Работать на аристократовъ и повиноваться имъ, какъ богамъ, подлость! — яростно замѣтила студентка.

— Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другого на землѣ быть не можетъ, — властно заключилъ Шигалевъ. (Говоря: «я предлагаю не подлость, а рай», онъ высказалъ подспудную идейку, жившую въ немъ самомъ, что его «рай» и есть подлость!).

— А я вмѣсто рая, — вскричалъ Лямшинъ, — взялъ бы эти девять десятыхъ человѣчества, если уже некуда съ ними дѣваться, и взорвалъ ихъ на воздухъ, а оставилъ бы только кучку людей образованныхъ, которые и начали бы жить-поживать по ученому.

— Такъ можетъ говорить только шутъ! — вспыхнула студентка (пожалуй, будущая тургеневская Мишурина, или же «мадамъ де К.», такъ хорошо устроившаяся въ Швейцаріи, откуда она пишетъ свои статьи).

— Онъ шутъ, но онъ полезень, — шепнула ей мадамъ Виргинская.

— И можетъ быть, это было бы самымъ лучшимъ рѣшеніемъ задачи! — горячо обратился Шигалевъ къ Лямшину. — Вы конечно, не знаете, какую глубокую вещь удалось вамъ сказать, господинъ веселый человѣкъ.

Но такъ какъ ваша идея почти невыполнима, то надо ограничиться земнымъ раемъ, если ужъ такъ это назвали. . .

Мы нарочно подчеркнули важные слова. На нихъ никто не обратилъ вниманія, когда «Бѣсы» выпшли изъ печати. Ни одинъ министръ внутреннихъ дѣлъ ихъ тщательно не изучалъ, и ни одинъ изъ нихъ не понималъ рокового ихъ значенія для будущей Россіи.

Между тѣмъ, достаточно было внимательного прочтенія романъ, чтобы знать, чего хотять революціонеры и куда они гнуть. Возможно, что одинъ Столыпинъ читалъ «Бѣсы» и одинъ онъ зналъ, чего хотять Ленинъ и Ко.

Но въ чемъ же заключалась «идея» Шигалева?

Объ этомъ мы скажемъ нѣсколько ниже, а пока обратимъ вниманіе на «фонъ» разговора. Онъ очень важенъ для пониманія всего романа.

Въ словесной пикировкѣ, только что приведенной нами, важно и замѣчательно что — по словамъ Наполеона: «отъ великаго до смѣшного всего одинъ шагъ!» Можетъ, даже и меньше шага. Дерзостная, напимѣръ, мысль Лямшина, высказанная со смѣшкомъ (ужъ какой «развеселый человѣкъ-то!»), что «для блага одной десятой надо взорвать девять десятыхъ человѣчества», является «глубокой вещью», по словамъ того же Шигалева! Такъ что и выходитъ, что «чѣмъ гаже, чѣмъ яростнѣй, тѣмъ новѣе!» — какъ неоднократно заявляютъ герои Достоевскаго. («А у насъ именно на это и набросятся», говоритъ писатель Кармазиновъ).

Это и есть, какъ говоритъ Лебедевъ въ «Идиотѣ», дѣйствіе того закона природы, который «таковъ же, какъ законъ разрушенія, или саморазрушенія». И выходитъ, что даже Лебедевъ, личность мелкая, дрянная, и тотъ быть лучше всѣхъ этихъ «радикаловъ». У него, вѣдь, была молитва за мадамъ Дюбари! У него было сознаніе своей ничтожности, своей грѣховности. Онъ оправдывался: «семья вѣдь, малъ-мала меньше!» И потому уже заслуживаетъ снисхожденія. Между тѣмъ, другіе неправильно воспитанные, съ неправильными характерами, которые, сами не зная почему, недовольны окружающимъ, какъ и собственной участію, были положительно увѣрены, что «они бы лучше все устроили». Всѣ они исходили изъ положенія: «не я, а система виновата!» То есть, «не — я, а другіе!» Эта мысль — не христіанская мысль, ибо въ основѣ ея лежитъ недосказанное обвиненіе всѣхъ другихъ, всѣхъ ближнихъ, каковыя должны были бы, такъ сказать, свои зипуны подостлать подъ мои бѣлыя ножки, когда я на улицу вышелъ!

Это почему же? Что въ нихъ было такого, ради чего всѣ должны были встать со своихъ мѣстъ и сказать: «садитесь, господа! Мы ужъ постоимъ-съ!» У нихъ была лишь ярость, напоръ, презрѣніе къ человѣку. «Человѣкъ есть вошь», какъ рассуждалъ Раскольниковъ. Слѣдовательно, «его можно ногтемъ задавить!» Однако, самъ же онъ потомъ, чтобы узнать навѣрное, «вошь ли человѣкъ», долженъ былъ заплатить десятью годами каторги, гдѣ простые убійцы, разбойники «безъ идеологии», хотъ и пролившіе кровь, но вѣровавшіе въ Бога, сознававшіе свое моральное паденіе, Раскольникову ненавидѣли, и ненавидѣли, хотъ и не могли этого высказать, за эту самую его «идеологию».

Они его считали «баринкомъ», которому, дескать, показано при его ученіи, гдѣ добро и зло, а онъ, какъ послѣдній каторжникъ, опустился до убійства, да еще съ «идеологией».

Вѣдь простые люди наивно считали, что параллельно съ образованіемъ, «барамъ» даютъ и моральное воспитаніе. И что еще важнѣе, эти каторжники считали по Евангельски: «кому много дано, съ того много и спросится». Значитъ, съ точки зрѣнія даже каторжниковъ, образованный человѣкъ долженъ отвѣчать за преступленіе куда тяжелѣе, чѣмъ простой народъ. Такъ оно и должно быть. Чѣмъ выше человѣкъ въ обществѣ по образованію, тѣмъ больше его отвѣтственность.

Революціонеры же хотѣли «все похѣрить», но такъ, чтобы не нести никакой отвѣтственности. Отвѣчать можетъ кто угодно, только не я! Тутъ мы должны со всей точностью отмѣтить, что насъ не интересуютъ никакія политическія цѣли при изученіи «Бѣсовъ» Достоевскаго, а только одна истина, и больше ничего. Мы беремъ наши рассужденія изъ жизни, изъ живой жизни, и никакъ не «подтягиваемъ» нашихъ соображеній до извѣстнаго предѣла, а если они не подходятъ, то мы ихъ отбрасываемъ, какъ противныя истинѣ.

Если при этомъ возникаетъ положеніе, которое можетъ имѣть значеніе политическое, то это не по нашей винѣ. Истина для насъ дороже всякихъ выгодъ личнаго порядка. Революціонеровъ мы стараемся рассматривать какъ можно ближе къ истинѣ, и тѣхъ изъ нихъ, кого можно назвать «одержимыми», мы называемъ такъ исключительно потому, что они дѣйствительно одержимы. Маніакальное цѣлеустремленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ было дѣйствительно, внѣ всякаго сомнѣнія, уже за гранью нормальнаго. Это — область психопатологіи. Человѣкъ, кричащій другому, разбивающему его доводы, — «тѣмъ хуже для логики!» уже выходитъ за ея предѣлы. Однако, чувство не только безотвѣтственности, но даже . . . гордости нѣкоторыхъ изъ нихъ всѣмъ сдѣланнымъ ими, то-есть, всей разрушительной работой, въ результатѣ

костей мы лишились Отечества, этакая безответственность насъ удивляетъ и волнуетъ! Это наше право, какъ гражданъ страны, разрушенной ими. Поистинѣ, у этихъ революціонеровъ не было никакихъ данныхъ, чтобы считать себя «преобразователями», не было грани между добромъ и зломъ, дозволеннымъ и недозволеннымъ, понятія о чести, жертвѣ, порядочности, а была какая-то мѣшанина изъ всего, сдобренная «Марксомъ и Энгельсомъ». Они шли, заранѣе зная, что придуть къ «Шигалевскому раю» на землѣ, а логики, которая бы имъ сказала, что тутъ что-то «не то», разъ надо «закончить неслыханнымъ рабствомъ», ибо «рай» и «рабство» два понятія, другъ друга исключаютъ, у нихъ не было. Вѣрнѣе, она была, всегда была, хоть подспудно, но была, но они съ пѣной у рта возставали противъ ея желѣзнаго вывода! — «Тѣмъ хуже для логики!» — кричитъ одинъ изъ героевъ Достоевскаго. Но разъ они уже и логику «похѣрили», то тутъ передъ нами явленіе явно болѣзненное, можетъ быть вызванное попойками, беспорядочной жизнью, пороками, наркотиками и даже откровеннымъ развратомъ. Здѣсь, дѣйствительно, «если нѣтъ Бога, то — все позволено!» Потому что, пока есть вѣра въ Бога, нужно и совершенствованіе, а нѣтъ ея, незачѣмъ и совершенствоваться!

Это положеніе подтверждается другимъ разсужденіемъ: идея Бога несетъ въ себѣ и идею совершенствованія, ибо Богъ является цѣлью такого совершенствованія, будучи Самъ Совершенствомъ въ Себѣ. Внѣ Его нѣтъ импульса для совершенствованія, нѣтъ смысла въ совершенствованіи. Антропоморфически — совершенствованіе нужно для того, чтобы «избѣжать наказанія», абстрактно — оно нужно для идентификаціи съ какой-то частью Божества, чтобы быть въ Его какомъ-то приближеніи. Такъ какъ физическая эволюція живого міра въ какой-то мѣрѣ есть «законъ его существованія», вызываемый асимметричностью самого міра, то и нравственное совершенствованіе является долгомъ разумныхъ существъ. Для того и дано имъ моральное начало, чтобы его развивать. Одни это понимаютъ внутренне, другимъ надо долго внушать эту идею, но все человѣчество безъ религіознаго начала немедленно скатывается въ преступленіе, кровь, смерть!

Практически дѣло обстоитъ такъ, что безъ религіи нельзя жить. Не вдаваясь даже въ философію, мы должны это отмѣтить, какъ практическое слѣдствіе, вытекающее изъ атеизма. Если вамъ скажутъ, что «этого мало», то мы отвѣтимъ слѣдующимъ образомъ: **инженеры, которымъ надо было вычислить кривыя поверхности турбинъ для Ниагары,**

сдѣлали лопасти изъ свинца, пустили струю воды, а затѣмъ осмотрѣли деформацію, на основаніи которой и создали кривыя поверхности, вполне отвѣчавшія своему назначенію. Въ мірѣ духовномъ дѣйствуютъ такія же силы, сопротивленіе, усиліе, деформація, «работа скручиванія», выпрямленія, и т. д. Человѣкъ, получившій моральный шокъ, долженъ сдѣлать усиліе, чтобы выпрямить свою психику. Отцы Церкви учатъ о непрестанномъ добродѣланіи.

Но въ чемъ же заключается самая «идея Шигалева»?

Достоевскій говоритъ устами самого Шигалева: «Посвятить мою энергію на изученіе вопроса о социальномъ устройствѣ будущаго общества, которымъ замѣнится настоящее, я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ создатели социальныхъ системъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашего тысяча восемьсотъ семьдесятъ... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противорѣчившіе себѣ, ничего ровно не понимавшіе въ естественной наукѣ и въ томъ странномъ животномъ, которое называется человѣкомъ. Платонъ, Руссо, Фурье, колонны изъ алюминія, все это годится развѣ для воробьевъ, а не для общества человѣческаго.

Но такъ какъ будущая общественная форма необходима именно теперь, когда всѣ мы, наконецъ, собираемся дѣйствовать, чтобы ужъ больше не задумываться (подчеркнуто нами, авторъ труда «Достоевскій и революція»), то я предлагаю собственную мою систему устройства міра. Я хотѣлъ изложить собранію мою книгу по возможности въ сокращенномъ видѣ; но вижу, что потребуется прибавить множество изустныхъ разъясненій, а потому все изложеніе потребуетъ, по крайней мѣрѣ, десяти вечеровъ, по числу главъ моей книги (послѣдшася смѣхъ). Кроме того, объявляю заранѣе, что система моя не кончена... (опять смѣхъ!)»

Первое, что отмѣтимъ, это — «система еще не кончена», но авторъ ее предлагаетъ уже для изученія! Тѣмъ болѣе, что и напираетъ, что «всѣ рѣшили больше не задумываться». Между тѣмъ, какъ же принять «незаконченную систему», да еще не задумываясь? Въ томъ-то и суть, что всѣ эти «системы» какъ разъ не закончены, потому что и не могутъ быть законченными, ибо онѣ претендуютъ ввести въ свои рамки самое жизнь, которая какъ разъ все время течетъ, заканчиваясь только со смертью! Жизнь по самой природѣ своей не закончена! Если же ее насильно «закончить», то тогда, ввиду наступленія смерти, никакая «система» больше не будетъ нужной!

Наконецъ, если «система» создана для помощи жизни, то-есть, для добра, то тогда она должна бережно относиться къ жизни. Если

же «система» начинается съ . . . истребленія десятидесятихъ челоуѣчества, то такая «система» никуда не годна! Между тѣмъ, Ленинъ и Ко прямо проповѣдывали «терроръ и истребленіе буржуазіи», какъ средство для достиженія «райскаго блаженства» по Шигалевскому рецепту. Для этого онъ опирался на «интеллигенцію» изъ кружковъ «самообразования», специфически подготовленную изъ молодежи, за годы до революціи (еще во времена ссылки Чернышевскаго въ Саратовъ, см. статью «Эпоха самообразования» восьмидесятихъ и девяностыхъ годовъ, подъ заглавіемъ «Давно минувшее». Е. Кускова). Сама г-жа Е. Кускова говоритъ, что «міросозерцаніе въ смыслѣ тогдашняго времени было явленіемъ чисто русскимъ и — какъ показалъ послѣдующій опытъ — вреднымъ». Такимъ образомъ, почтенная дама сама признаетъ, что это «самообразование» было вреднымъ. Замѣчательно и заглавіе этихъ воспоминаній «Давно минувшее». Будемъ тоже надѣяться, что это минувшая эпоха, которой больше въ жизни Русскаго народа не будетъ.

Характерно, что даже упомянутая почтенная дама находитъ Чернышевскаго и его «Что дѣлать?» «сухимъ и бездарнымъ теперь, а вотъ — тогда . . .» добавимъ, наивнымъ дуракамъ казалось, что вся эта сушь была «путемъ въ невыразимо прекрасное будущее!» Для многихъ изъ нихъ этотъ «путь» оказался либо путемъ въ чекистскій подвалъ, либо въ концлагерь. Великолѣпный финалъ «незаконченной системы!» Да и какъ было имъ сказать, что «одинадцатая глава» Шигалевскаго «рая земного» какъ разъ и говорила «о разстрѣлѣ всѣхъ первыхъ адептовъ самой незаконченной системы!» Развѣ же можно было рассказать «революціоннымъ дѣвчатамъ» объ этомъ? (см. вышеупомянутую статью Е. Кусковой въ «Новомъ Журналѣ», книга 47, 1956 г.). Въ этомъ пунктѣ мы съ г. Кусковой согласны, но никакъ несогласны, когда она говоритъ о религіи, называя ее (да еще — православіе!) «средневѣковьемъ!» Откуда она взяла аргументы противъ религіи? Намъ извѣстно, что Э. Кантъ, говорятъ, челоуѣкъ незауряднаго ума, не зналъ никакихъ аргументовъ ни за существованіе Божье, ни — противъ. Мы же добавимъ, это и невозможно, даже сегодня, ибо Богъ есть Принципъ внѣ времени, а мы — люди, — явленіе чисто временное. Поэтому все, что касается Вѣчнаго, мы будемъ, при всѣхъ условіяхъ, сводить на временное, и никогда не достигнемъ умомъ Вѣчнаго, ибо Оно на иномъ планѣ, чѣмъ мы сами!

Такъ, смѣшивая, напримѣръ, понятія нашего міра съ фактами міра атомнаго, мы съ удивленіемъ видимъ, что не можемъ объяснить одинъ понятіями другого. То, что правильно для нашего міра, неправильно для міра атомнаго.

Мало того, намъ пришлось даже классическую логику расширить, и измѣнить преж-

нее положеніе: «если А не А, то оно можетъ быть только В». Теперь это разсужденіе гласитъ слѣдующее: «если А не А, то оно можетъ быть В, но можетъ быть и «третьимъ, то-есть, ни А, ни В, но — С!»

И это случилось только при приближеніи и изученіи микрокосмоса. При изученіи же макрокосмоса многіе сильнѣйшіе умы не смогли понять, что «кривое пространство» есть лишь кажущійся видъ міра, вытекающей, какъ перспектива вытекаетъ изъ нашей локалізаціи на нашемъ мѣстѣ, — вытекающей изъ всеобщаго движенія, гдѣ всякая прямая превращается въ кривую. На самомъ дѣлѣ, при движеніи прямая имѣютъ видъ кривыхъ, а при покоѣ — кривыя всѣ становятся прямыми! Между тѣмъ, глядя изъ четвертаго измѣренія на нашъ трехмѣрный міръ, мы его увидимъ въ полномъ покоѣ!

Тутъ совершенный конецъ всякому «материализму», и не только конецъ, но и полнѣйшая «крышка», какъ говоритъ народъ, «даже съ ручкой!» Тутъ только Богъ, Котораго Отцы Церкви воспѣли въ пѣснопѣніи: «Небо и землю повѣсивый неодолимымъ тяготѣніемъ!» И это пѣснопѣніе гремитъ, какъ громъ!

Взорванная матерія въ атомной бомбѣ — доказательство, что челоуѣкъ вышибъ изъ подъ ногъ матеріализма его базу.

«Незаконченная система» такъ и останется незаконченной, ибо для ея окончанія надо прибавить еще одну главу, а именно двѣнадцатую, гласящую о . . . бесплодности рѣшенія вопроса при помощи «системъ!» Тѣмъ болѣе, что ни одна изъ нихъ законченной быть не можетъ.

Съ другой стороны, Верховенскій (Нечаевъ) использовалъ не только Шигалева, но онъ использовалъ бы и самого чорта, если бы тотъ появился передъ нимъ. Ему было наплевать, что система «не закончена». Лишь бы пошли, лишь бы зацѣпились за идею, какъ дьячокъ, перелѣзающий черезъ плетень, шароварами, а тамъ ужъ мы ихъ сварганимъ, смажемъ «мазью» изъ крови Шатова (Иванова), и — «отъ страха они прилипнутъ другъ къ другу и будутъ мнѣ въ ротъ смотрѣть!» — казалось, думалъ онъ.

«Нечаевъ — личность — статуя, а не мразь, не улитка!», почти истошно кричитъ Бѣлый въ разговорѣ съ Н. Валентиновымъ (см. «Встрѣчи съ Андреемъ Бѣлымъ», стр. 137, «Новый Журналъ», книга 47, 1956 г.). «Въ Петропавловской крѣпости силою своего слова онъ распропагандировалъ всю стражу. Слово его могло открывать двери тюрьмы». Здѣсь определенное указаніе на одержимаго Нечаева-Верховенскаго, который силою дьявола, сидѣвшаго въ немъ, «могъ словомъ раскрывать двери тюрьмы». Мы знаемъ, что святые Апостолы силою ихъ слова могли тоже раскрывать двери тюрьмы. Антихристу долженъ творить свои «черныя чудеса»!

Но послушаемъ, что дальше говорить Андрей Бѣлый, котораго считали, наравнѣ съ А. Блокомъ, Сергѣемъ Городецкимъ, Валеріемъ Брюсовымъ, однимъ изъ выдающихся представителей нашей Культуры блестящаго С.-Петербургскаго періода: «Достоевскій подсовываетъ два символа, — Шатовъ и Верховенскій. Этому шулерству я не подчинюсь. Достоевскій устами Шатова говоритъ, что Верховенскій клопъ, невѣжда, ничего не понимающій въ Россіи. Это Шатовъ и всѣ современные Шатовы ничего не понимаютъ. Они не видятъ, что Россія беременна революціей, они не чувствуютъ, что она приближается. Только она спасетъ распятую Россію. Изъ вулкана уже доносится предвѣщающій грохотъ. Предвѣстники взрыва уже ходятъ по горо-

дамъ и селамъ. Я ихъ вижу, я ихъ слышу, а глухіе ихъ не слышатъ, слѣпые не видятъ, тѣмъ хуже для нихъ. Какое конечный символическій смыслъ образа Шатова и его тѣни (подчеркнуто нами) Семена Яковлевича, если перенести ихъ на политическую почву? Пропитанный реакціей Достоевскій (снова подчеркнуто нами) предназначаеъ имъ миссію закрыть кратеръ вулкана, чтобы лава изъ него не полилась. Они хотятъ законопатить кратеръ тюфячкомъ Семена Яковлевича съ желтенькими пятнышками отъ неудержанной симъ святымъ ухи и картофеля въ мундирѣ. Вотъ, куда гнетъ Достоевскій своими поученіями. Взрыва не избѣжать. Кратеръ откроютъ люди кремневые, пахнущіе огнемъ и сѣрою».

На вопросъ собесѣдника, кто же эти «кремневые люди», Андрей Бѣлый отвѣчаетъ: «Кремневыхъ людей не ищите среди членовъ Государственной Думы, ни среди тверскихъ земцевъ, ни среди Мережковскихъ, заявляющихъ: «мы и никто кромѣ насъ», ни среди дурачковъ, мистическихъ анархистовъ, вроде Чулкова, ни среди марксистовъ съ потухшей идеей взрыва въ черепной коробкѣ. Вулканъ откроютъ, взрывъ произведутъ люди, на которыхъ указываетъ перстъ Ницше. Они не будутъ добрыми; добрые, говоритъ Ницше, не могутъ созидать, они начало конца...»

Что можно сказать объ этомъ истинномъ «лжепророчествѣ»? Единственно, что Андрей Бѣлый «слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ!» Это подлинный Семень Яковлевичъ съ его тюфячкомъ. «Пророчества» его такіа же: уха, картофель въ мундирахъ, котораго, кстати, самъ Бѣлый довольно таки поѣлъ при большевикахъ, и несвареніемъ котораго весьма мучился, а главное — желтенькія пятна на его тюфячкѣ! Всѣ эти «пророчества» съ невразумительными: «миловзоры-сь!...» истинное содержаніе его «я» въ тѣ времена. А

времена-то были какія! Девятьсотъ седьмой-восьмой годъ! Никакого «кратера» въ это время уже не было. Революція пятаго года была разбита, ибо народъ ея не хотѣлъ! Народъ на нее пошелъ лишь въ семнадцатомъ году, послѣ истребленія лучшаго цвѣта народнаго: дѣйствительной арміи и трехъ миллионъ добровольцевъ! Это и была соль земли, а Бѣлый думаетъ, что «солью нашей земли» была та отравленная «сѣрой и желѣзомъ» интеллигенція, которая претендовала на... «возглавленіе народа»! Никто среди мужиковъ или рабочихъ о Бѣломъ ничего не зналъ. Не знали русскіе люди ничего почти ни о Блокѣ, ни о Чулковѣ, кромѣ, развѣ, «что они что-то пишутъ». А «кремневые люди» и совсѣмъ не знали. Они несли въ себѣ запахъ Ада, «сѣру и желѣзо» Вія Гоголя, даже сами того не вѣдая, что творятъ. А Бѣлые и иные «возглавители» курили, пили водку, знакомились съ тротуарными «Незнакомками», и спорили, развивая «шигалевщину» дальше и глубже. Впослѣдствіи Бѣлый пріѣхалъ, послѣ гражданской войны, въ Прагу, гдѣ учился и авторъ этого труда, пріѣхалъ, «попыхалъ» и... **вернулся!** Ему, въ общемъ, «кремневые люди» были больше по душѣ. Недаромъ Н. Валентиновъ рассказываетъ, что Бѣлый, отправляясь съ нимъ въ Петровско-Разумовское, еще въ поѣздѣ напѣвалъ:

«Вѣкъ и Вѣкъ и Левъ Камбекъ,
Левъ Камбекъ и Вѣкъ и Вѣкъ».

Онъ изучалъ Достоевскаго, изучалъ Верховенскаго, котораго хотѣлъ «превознести» до чина «кремневыхъ людей», но почему-то все же отказался отъ этой мысли и его «Петербургъ» Верховенскаго «не содержалъ». Почему бы? Вѣроятно, вслѣдствіе абсурдности этого желанія. Абсурдность ему, все же, раскрылась впослѣдствіи. Несмотря на его увѣренность, что «они должны были убить его (Шатова-Иванова), онъ что-то почувствовалъ несуразное въ своемъ замыслѣ произведенія. Н. Валентиновъ ему возражаетъ: «Что значить, они должны были его убить? Значить, вы совершенно расходитесь съ Достоевскимъ, для котораго, съ чѣмъ нельзя не согласиться, это убійство было гнуснѣйшимъ и мерзвѣйшимъ актомъ?»

— Могу васъ увѣрить, когда, касаясь самой глубинной сути этого вопроса, Достоевскій говоритъ «да» — я говорю «нѣтъ», а его «нѣтъ» противопоставляю «да».

Вотъ истинный представитель «долихоцефальной» части интеллигенціи! «Брахицефалы», какъ мы знаемъ, были болѣе нервнѣйшими.

Дальше авторъ статьи «Встрѣчи съ Андреемъ Бѣлымъ» говоритъ:

«Здѣсь въ какомъ-то гротѣ Петрово-Разумовскаго знаменитый Нечаевъ и его сообщники убили студента сельско-хозяйственной академіи Иванова, который не хотѣлъ поддаваться мистификаціи Нечаева, а трупъ его бросили, вѣроятно, вотъ въ этотъ прудъ. Это безмысленное и мерзкое политическое убійство произошло въ свое время громадную сенсацію и нашло себѣ отраженія въ «Бѣсахъ». Петръ Верховенскій прообразомъ имѣетъ Нечаева, а Шатовъ въ какой-то степени — студента Иванова. Я спрашиваю, почему Верховенскій-Нечаевъ «долженъ» быть, какъ вы говорите, убитъ Шатова-Иванова? Говоря «долженъ» — вы какъ будто становитесь на сторону Нечаева. Не забываете ли вы, что эта фигура аморальная, отвратительная? За исключеніемъ временно имъ околпаченнаго Бакунина, никто изъ руководителей русской революціи Нечаева своимъ не считалъ.»

Въ этомъ мѣстѣ отмѣтимъ, сколь вѣрно передалъ самъ Достоевскій исторію отношеній Верховенскаго-Нечаева и Ставрогина-Бакунина!

Здѣсь же, въ статьѣ Н. Валентинова, прекрасно поставленъ самъ Андрей Бѣлый, соглашающийся, что Верховенскій - Нечаевъ «долженъ» убитъ Шатова-Иванова! Лучше и

придумать нельзя, ибо г. Валентиновъ, поскольку позволяютъ это замѣтить строчки его статьи, считалъ себя въ это время, по крайней мѣрѣ, марксистомъ. Итакъ, марксистъ допрашиваетъ Андрея Бѣлаго, одобряетъ ли онъ убійство беззащитнаго Шатова, или нѣтъ, и Бѣлый отвѣчаетъ: «да, одобряю!» Хорошъ же Бѣлый, русскій интеллигентъ, цвѣтъ народа и соль земли, если признаетъ, въ опроверженіе православнаго взгляда, убійство въ политическихъ цѣляхъ должнымъ!

Правда, послѣ Бѣлый отъ этой «идеи» отказался, но въ седьмомъ и восьмомъ году онъ съ ней носился.

Онъ же, въ разговорѣ дальше, говоритъ, что Степанъ Трофимовичъ — портретъ Грановскаго. Такимъ образомъ, всѣ обстоятельства драмы убійства намъ извѣстны. Это — драма самого общества того времени, бывшая драмой латентной до самой революціи семнадцатаго года. Въ этомъ и главный гвоздь вопроса: признаешь убійство «хорошимъ средствомъ политики», или нѣтъ? Иначе говоря, революція, прежде всего, есть нарушеніе христіанской морали, какъ извѣстно, не только запрещающей убійство, но требующей жертвы собой ради спасенія ближняго. И ссылки при этомъ на Ницше, кстати — нѣмца, для вполне русскаго человѣка — несостоятельны. Ницше самъ заблудился въ трехъ соснахъ и не зналъ, что говоритъ своимъ послѣдователямъ. Будучи прикованъ тяжелой болѣзью на годы къ постели, онъ мучился этимъ и мечталъ о «дѣйствіи», какъ объ идеалѣ. Вышее его выраженіе онъ видѣлъ въ героизмѣ, а самый героизмъ въ устраненіи не-героическаго. Все это — болѣзненное заблужденіе, но, какъ говоритъ въ «Бѣсахъ» Кармазиновъ: «у насъ-то именно на это и набросятся!» И — набросились...

Однако, поставимъ въ честь и заслугу г. Валентинова, что онъ именно сказалъ Бѣлому: «эта фигура (Верховенскій-Нечаевъ) аморальная, отвратительная!» Бѣлому же, какъ извращенному гастроному, нуженъ былъ «рябчикъ съ душкомъ», и онъ его ѣлъ лишь тогда, когда тотъ «могилкой пахнетъ!» А Маяковскій, другой «корифей», сказалъ именно по адресу такихъ гастрономовъ:

Вшь ананасы и рябчика жуй,
день твой послѣдній приходитъ, буржуй!

то-есть, онъ такихъ людей, какъ Бѣлый, признавалъ «буржуями»!

Какъ бы то ни было, г. Валентиновъ говорить, что Бѣлый въ эти годы «относился къ нему (Достоевскому) съ великой злобой!»

Въ концѣ ихъ спора Бѣлый восклицаетъ: «Вы боитесь до смерти Верховенскихъ. Вы боитесь взрыва большой революціи. . . Вы хотите не настоящей революціи, какъ я, а революціи лимонадной!»

Это такъ возмутило слушателя, что онъ назвалъ Бѣлаго его настоящимъ именемъ:

— Затыкаю уши! Бугаевъ (это было настоящее имя Бѣлаго, увы!) — вы сегодня просто балда, воображающая себя ультра-революционеромъ.

Въ отвѣтъ на это Бугаевъ (увы!) Бѣлый бросился на него съ кулаками. . . Правда, онъ не ударилъ (потому что и на это, какъ интеллигентъ, способенъ не былъ), но все же. . . Валентинову показалось, что тотъ его неизбежно ударитъ. Конечно, самъ Валентиновъ здѣсь неизмѣримо выше «лжепророка» Бѣлаго-Бугаева. Бугаевъ же и есть — Семенъ Яковлевичъ Достоевскаго, только что не носящій съ собой «тюфячокъ съ желтенькими пятнами!» И — увы! — споръ г. Валентинова съ Бѣлымъ-Бугаевымъ, — по поводу Бугаева: никто такъ и не замѣтилъ, что Бѣлый-то на самомъ дѣлѣ — Бугаевъ! — цѣликомъ входить въ споръ у Виргинскихъ на ихъ «именинахъ». Жизнь, такимъ образомъ схваченная Достоевскимъ, выплеснулась за страницы «Бѣсовъ» и слилась вполне съ произведеніемъ: раздѣлить нельзя, развѣ что, «съ кровью и мясомъ!»

Владиміръ Соловьевъ, проповѣдывавшій Софію-Премудрость, Четвертую Ипостась Троицы, далъ имъ, всѣмъ этимъ «тилигентамъ» пищу духовную. Онъ «вложилъ червячка» въ свою идею, и «червячокъ», развившись вполне, ее выкушалъ! Изъ блужданія «православнаго» вытекло блужданіе «вообще». Самъ же Владиміръ Соловьевъ былъ вознагражденъ полностью: какая-то растрепаная «климатическая баба» изъ Нижняго, или вообще съ Волги, гдѣ была метранпажемъ газетенки, писала ему годами, что онъ правъ, а потомъ явилась и заявила ему, что онъ, де «Христось, долженствовавшій придти по второму разу, а она сама и есть «энта самая Софія!» Говорятъ, что Соловьевъ года три «отплевывался отъ этой исторіи». Съ нашей же точки зрѣнія, Богъ ему именно показалъ на дѣлѣ, какова эта его самая «Софія!» Раскайся же! Нѣтъ, Соловьевъ не раскался. «Соловьевъ же роди Бугаева, а Бугаевъ — „кремневыхъ людей”» . . .

Мы никакъ не отвѣтственны, если наша статья о «Достоевскомъ и революціи» превращается въ нѣкій обвинительный актъ противъ «бугаевщины» и «соловьевщины». Вина въ этомъ самое извратившейся интеллигенціи, которая оторвалась отъ Православнаго корня и поплыла по теченію. Теченіе привело ее въ водовороты и наконецъ, къ водопаду, гдѣ она и погибла. — «Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь!» — повторялъ (А. Блокъ) онъ, — «не я одинъ: вы тоже! Мы задыхаемся, мы задохнемся всѣ. Мировая революція превращается въ мировую грудную жабу!» или: «Противѣла марксистская вонь! Хочу внѣпрограммно лущить московскія сѣмечки, катаясь въ гондолѣ по каналамъ Венеціи. „O, Ca d'Oro! O, ponte dei Sopiri!“ Такія фразы не забываются (говорить Ю. Анненковъ въ томъ же номерѣ «Новаго Журнала»)... Уже въ апрѣлѣ 1920 года Блокъ писалъ о «Двѣнадцати»: — «Въ январѣ 1918 года я въ послѣдній разъ отдался стихіи не менѣе слѣпо, чѣмъ въ январѣ 1907 или въ мартѣ 1914. Оттого я не отрекаюсь отъ написаннаго тогда, что оно было написано въ согласіи со стихіей... Тѣ, кто видятъ въ «Двѣнадцати» политическіе стихи, или очень слѣпы къ искусству, или сидятъ по уши въ политической грязи, или одержимы большой злобой...»

Блокъ — жертва эпохи, приготовленная предыдущей эпохой «смѣшенія понятій», когда люди не знали точно, гдѣ Добро, а гдѣ Зло, и не знали же, въ чемъ заключается «Истина», а въ чемъ — «Мнѣніе». Они не умѣли отличать временнаго отъ Вѣчнаго (см. «Единый Принципъ» Фернанда Лакурта, бельгійскаго философа, творенія Святого Фомы Аквинскаго, Сертилляжа, книгу «Бушидо», — Философія Самураевъ, Китайскія Ученія времени Чанговъ, и такъ далѣе), и это неумѣніе оплачивается кровью! Главнымъ образомъ кровью народной! Ибо національная интеллигенція (а не интернациональная!) должна вести народъ, и если она не выполняетъ своего назначенія, она становится паразитической, дармоѣдческой, и ее народъ стряхнетъ съ себя, тѣмъ или инымъ способомъ. Не забудемъ, что, чтобы одинъ безпутный интеллигентъ жилъ, нужно пятнадцать человѣкъ, которыхъ всѣхъ, включая сюда и интеллигента, кормить одинъ мужикъ, папущій землю! Пятнадцать же человѣкъ занимаютъ всѣ еще какимъ-либо полезнымъ другъ-другу, въ томъ числѣ и мужику, трудомъ. Это и есть — «соціальный моментъ» всякаго государства. Въ СССР, какъ у полковника Кошкарева изъ «Мертвыхъ душъ» Н. В. Гоголя, пятнадцать мужиковъ работаютъ на одного «партійнаго дармоѣда!» Вотъ, куда привели Бугаевы. Причемъ, мы еще точно не знаемъ числа работающихъ на «партійнаго», а говоримъ лишь приблизительно...»

Н. Валентиновъ говоритъ: «я думалъ, что... Бѣлый помѣшанъ... Мысль о помѣшанности Бѣлаго у меня вспыхнула и погасла...» Этого

довольно для насъ: разъ даже у «марксиста» такая мысль вспыхнула, то мы ему вполне доверяемъ. Бѣлый говорилъ, что уже «смонтировалъ» романъ, гдѣ девятьсотъ пятый годъ — въ Фундаментѣ, а отъ него «этажь» повыше, и даже названіе уже имѣлъ — «Тѣни», «тѣни прошлаго — тѣни будущаго». Значитъ зналъ же, что это — тѣни, а не свѣтъ? Зналъ и дѣлалъ! Правда, Бугаевъ-Бѣлый все-же «не сдѣлалъ», но онъ — зналъ.

Въ противоположность Степану Трофимовичу и его «не зналъ», были и другіе, какъ Бугаевъ-Бѣлый, знавшіе.

Что касается А. Блока, то онъ въ общемъ, никогда особенно революціи не сочувствовалъ, а просто «слушалъ ея музыку», стихію, передавалъ то, что — какъ поэтъ одаренный — слышалъ самъ изъ подспуда, и такимъ образомъ, былъ лицомъ чисто страдательнымъ, а не дѣйственнымъ. Его «Двѣнадцать» служатъ тому доказательствомъ.

Возвращаясь къ словамъ Шигалева на именинахъ у Виргинскихъ, можно отмѣтить два взрыва смѣха слушателей, это — первый, когда онъ сказалъ, что для изложенія его «системы» потребуется вечеровъ десять (удивительно, какъ всегда нудны и неудобоваримы эти системы! Авторы ихъ никогда не могутъ «вложить все» въ одинъ вечеръ...), а второй разъ, когда онъ сказалъ: «объявляю заранее, что система моя не кончена...» Тутъ слушатели засмѣялись, что Шигалевъ предлагаетъ «неконченное» какъ конченное. Однако, и Ленинъ тоже не имѣлъ законченной системы. Смѣхъ собравшихся у Виргинскихъ слушателей, если не всѣхъ — революционеровъ, ибо нѣкоторыхъ еще надо было убѣдить, былъ замѣчательнъ и тѣмъ, что они знали, что все это — смѣшно. Знали, что занимаясь этими вещами, они еще до нихъ не доросли, какъ не доросли ни Шигалевъ, ни другіе, и все-таки лѣзли на огонь! Это можно объяснить только невротической дерзостью. Иной полусумасшедшій тѣмъ и опасенъ, что онъ отчасти отдастъ себѣ отчетъ въ своемъ бредѣ, но все же его повторяетъ, настаиваетъ на своемъ бредѣ, такъ какъ ему самому начинаетъ нравиться это балансированіе надъ пропастью. Такъ же, какъ и потребление спирта или наркотиковъ сознающими свою гибель наркоманами. Объ этомъ говоритъ и Н. Валентиновъ: «Такими же мерзкими мокрицами оказываются всѣ революционеры, это совершенно ясно изъ словъ, вкладываемыхъ Бѣлымъ (Бугаевымъ) въ уста Дудкина: «Тоска, галлюцинаціи, водка, куреніе (неумѣренное, конечно!); частая тупая боль въ головѣ... Вы думаете, я — одинъ? Больны почти всѣ... Всѣ сотрудники партіи больны той болѣзнью; черты во мнѣ развѣ что подчеркнулись... Многочасовое собраніе, дѣла, разговоры о благородномъ, возвышенномъ; потомъ, знаете ли, товарищъ зоветъ въ ресторанъ... Ну — водка и прочее...» Подъ «прочимъ» надо, конечно, понимать, какъ намъ кажется, откровенный развратъ.

Въ своемъ «нехорошемъ помѣщеніи» на чердакѣ Дудкинъ однажды прочиталъ Степкѣ «писулю», полученную изъ заграницы отъ нѣкоего теософа. Писуля гласила: «Ваши (то-есть, революціонеровъ) политическія убѣжденія мнѣ ясны, какъ на ладони: та же бѣсовщина и то же все содержаніе».

Здѣсь Бѣльшій (Бугаевъ) — другой. Онъ, видимо, за два года порастрасть свои идеи и вмѣсто превозношенія «кремневыхъ людей» сталъ ихъ описывать, какъ они были на самомъ дѣлѣ.

По словамъ Н. Валентинова, «въ 1911-1912 годахъ революція 1905 г. ему казалась «приневской бѣсовщиной», блудливымъ одержаніемъ (одержимостью), больше ничѣмъ...» (Мы нѣсколько сократили фразу, не измѣняя ея содержанія).

Для объясненія своей «незаконченной системы», Бугаевъ, тѣфу! простите, Шигалевъ говоритъ: «Я запутался въ собственныхъ даныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчій съ первоначальной идеей, изъ которой я выхожу. Выходя изъ безграничной свободы, я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ. Прибавлю, что кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы, не можетъ быть никакого!»

Вотъ, здѣсь и остановимся. Такъ-то и ясно, какъ Божій день, что не логика ихъ приводитъ къ такому заключенію, ибо логика показываетъ, что непременно придуть къ «безграничному деспотизму», и значить, если разсуждать логически, то такую идею надо отбросить, какъ невѣрную, — а приводитъ ихъ къ такому заключенію предвзятая идея: «надо во что бы то ни стало, даже вопреки логикѣ, создать лучшую «систему общества», причемъ, такъ какъ у этихъ «мыслителей» понятія о Добрѣ и Злѣ нѣтъ, то и «выводъ» ихъ для нихъ вполне пріемлемъ, хотя бы и злой выводъ, ибо не о Добрѣ они хлопочуть, а о самихъ себѣ!

Тутъ обычно появляется особаго рода оппонентъ, становящійся въ позу и вѣщающій: «Что есть добро, а что — зло?» На это можно отвѣтить исчерпывающе: такъ какъ жизнь — первое Добро человѣка, а жизнь — есть любовь, а любовь — Богъ, то всякое покушеніе на физическую или моральную жизнь, любовь и Бога человѣка, какъ онъ въ нихъ вѣ-

рять, имѣющее въ виду смерть человѣка, какъ физическую, такъ и моральную, и — есть Зло. То есть, возвращаясь къ заповѣдямъ Моисея, X заповѣдей есть первый Законъ Добра. Христіанское Добро идетъ еще дальше: оно требуетъ самопожертвованія ради себя. На это, конечно, Бугаевы не способны.

Но мы уклонились отъ нашей темы и потому къ ней возвращаемся.

Шигалевъ говоритъ, что кромѣ такой формулы не можетъ быть никакой другой. Значить, эти люди, въ томъ числѣ и «теоретикъ» Шигалевъ, не то, что принимаютъ Зло по невѣденію, но заранее отметають Добро.

Интересно отмѣтить, что компанія, собравшаяся у Виргинскихъ, живо реагировала на «Шигалевщину». Достоевскій говоритъ: «смѣялись больше молодые, мало посвященные гости. На лицѣ хозяйки (Виргинской), повивальной бабки, что ли), Липутина и хромого учителя выразилась нѣкая досада.»

Конечно, молодежь откровенно смѣялась надъ «незаконченной системой» потому, что будучи свѣжей, понимала абсурдность подобнаго рода теорій, а если не понимала, то инстинктивно чувствовала то же самое. Мы же можемъ добавить, что въ тѣ времена еще не зналъ никто, что одного голаго интеллекта недостаточно для рѣшенія задачъ, касающихся жизни всего человѣчества. Съ нашей точки зрѣнія никакого дѣйствительно великаго дѣла не сдѣлать, не рѣшая его въ моральномъ климатѣ, то-есть, заранее сказавъ себѣ: «есть Добро и есть Зло». Тогда только и можно рѣшать такія задачи; а безъ этого, весьма необходимого человѣческаго условія, никакихъ задачъ, даже арифметическихъ, рѣшать нельзя. Безгранично сильный интеллектъ только тогда силенъ, и дѣйствительно силенъ, если онъ и мораленъ въ то же время. Подъ такимъ пониманіемъ этого слова подпишется все человѣчество, потому что — послѣ двадцати вѣковъ христіанства — люди къ такому понятію пришли и практически его выполняли, хотя, можетъ, никто ясно этого и не выражалъ, какъ мы. Виргинская, Липутинъ и хромой учитель, конечно, изобразили «досаду» на лицахъ, что и понятно: вмѣсто того, чтобъ сразу же завлечь молодежь, Шигалевъ ее только насмѣшилъ.

— Если вы сами не сумели слѣпить свою систему и пришли къ отчаянью, то намъ — то тутъ чего дѣлать? — осторожно замѣтилъ одинъ офицеръ.

— Вы правы, господинъ служащій офицеръ, — рѣзко обратился къ нему Шигалевъ, — и все болѣе тѣмъ, что употребили слово отчаянне. Да, я прихожу къ отчаянью, тѣмъ не менѣе все, что изложено въ моей книгѣ — неизмѣнимо, и другого выхода нѣтъ; никто ничего не выдумаетъ. И потому спѣшу, не теряя времени, пригласить все общество, по выслушаніи моей книги въ продолженіе десяти вечеровъ, заявить свое мнѣніе. Если же члены не хотятъ меня слушать, то разойдемся въ самомъ началѣ, — мужчины, чтобъ заняться государственной службой, женщины — въ свои кухни, потому что отвергнувъ мою книгу, другого выхода они не найдутъ. Ни-какого! Упустивъ же время, повредятъ себѣ, такъ какъ потомъ неминуемо къ тому же воротятся.

Началось движеніе: «Что онъ, помѣшанный что ли?» раздались голоса. Но тутъ выступилъ, послѣ незначущихъ замѣчаній нѣсколькихъ присутствующихъ, хромой учитель:

— Тутъ не то-съ, — ввязался наконецъ хромой. Вообще, онъ говорилъ съ нѣкоторой, какъ бы насмѣшливой улыбкой, такъ что, пожалуй, трудно было и разобратъ, искренно онъ говоритъ, или шутить. — Тутъ, господа, не то-съ. Господинъ Шигалевъ слишкомъ серьезно преданъ своей задачѣ и притомъ слишкомъ скромнень. Мнѣ книга его извѣстна. Онъ предлагаетъ, въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса, — раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ же должны потерять личность и обратиться вродѣ какъ бы въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть путемъ ряда перерожденій первобытной невинности, вродѣ какъ бы первобытнаго рая, хотя, впрочемъ, и будутъ работать. Мѣры, предлагаемыя авторомъ для отнятія у девяти десятыхъ человѣчества воли и передѣлки его въ стадо, посредствомъ воспитанія цѣлыхъ поколѣній, — весьма замѣчательны, основаны на естественныхъ данныхъ, и весьма логичны. . .

— Неужели вы серьезно? — обратилась къ хромому мадамъ Виргинская, въ нѣкоторой даже тревогѣ. — Если этотъ человѣкъ, не зная, куда дѣваться съ людьми, обращаетъ ихъ девять десятыхъ въ рабство? Я давно подозревала его.

— То есть, вы про вашего брата? — спросилъ хромой.

— Родство? Вы смѣетесь надо мной, или нѣтъ?

— И кромѣ того, работать на аристократовъ и повиноваться имъ, какъ богамъ, это — подлость!

— Я предлагаю не подлость, а рай! — властно закончилъ Шигалевъ.

Между тѣмъ, молоденькая курсистка была права въ томъ смыслѣ, что если ужъ дѣлать революцію, то не для созданія же новой аристократіи, да еще съ полубожеской властью надъ «девятью десятыми» человѣчества!

И вотъ, эти слова о «подлости» и «земномъ раѣ» сказаны были, и А. Бѣлый ихъ читалъ, а все-таки хотѣлъ восхвалить Нечаева-Верховенскаго! Какимъ образомъ, и какимъ образомъ же «не дошло» до его сознанія, что онъ становится на преступную дорожку? Есть только одинъ отвѣтъ: тутъ дѣло сознанія не касалось. Сознаніе отбросило бы эту «идею». У однихъ оно — христіанское, у другихъ, какъ Бугаевъ-Бѣлый, атеистическое. У него была «жажда крови: своей или чужой, все равно!» Христіанское сознаніе кровь запрещаетъ, ну, а атеистическое. . . лишь бы не поймали! А когда собирается много такихъ, кому надо, чтобъ «ихъ не поймали», происходитъ революція. Дальше Нечаевы ихъ же и вырѣзываютъ!

Однако, пока Нечаевы не у власти, атеистическое сознаніе боится слишкомъ распоясываться. Позже, «насытившись кровью», оно хочетъ отдохнуть отъ нея, но тутъ являются Нечаевы и уничтожаютъ самое сознаніе.

Чего, однако, не хватало Бѣлому? Почему онъ, одинъ изъ тогдашнихъ знаменитыхъ поэтовъ, бывшихъ вмѣстѣ съ Блокомъ на вершинѣ извѣстности, хотѣлъ разрушенія? Чѣмъ былъ недоволенъ Бѣлый, котораго считали, что онъ — первый послѣ Блока? Правда, послѣ седьмого года онъ. . . сталъ проповѣдовать «панмонголизмъ» въ стилѣ Вл. Соловьева. Ту же идею подхватилъ и А. Блокъ въ «Скифахъ»:

Да, Скифы мы, да, азіаты мы

Съ раскосыми и жадными очами. . .

Однако, «родилъ» эту идею не Блокъ, а именно Бугаевъ-Бѣлый. Почему? Что такъ очаровало этихъ поэтовъ? Дѣйственность? Воля, проявленная «кремневыми людьми, пахнущими сѣрой и желѣзомъ»? Отвѣтъ одинъ: Гумилевъ, какъ поэтъ изъ служилой, слѣдовательно національной интеллигенціи, былъ большевиками убитъ. Брюсовъ, Бѣлый и другіе остались живы.

Самъ Блокъ, такъ захваченный предгрозовыми «ритмами», такъ съ революціей слившийся, хотя и боявшійся ея:

«но прежде явленъ ликъ змѣи! (въ революціи),

кончилъ, все-таки, тѣмъ, что въ «Двѣнадцати» поставилъ «въ области надвѣжоной» Христа «въ вѣнчикѣ изъ бѣлыхъ розъ»!

Бѣлый поставилъ... панмонголизмъ, то есть Азію, съ ея коварствомъ, кровожадностью, садизмомъ и желаньемъ уничтоженія гегемоніи бѣлой расы.

Виргинская, какъ видимъ въ «Бѣсахъ», ужаснулась, хотъ и отрицала «родство, семью и такъ далѣе». И такимъ же образомъ ужаснулись и всѣ наши «тепло-хладные» социалисты въ семнадцатомъ году. Они до сихъ поръ все еще утверждаютъ, что въ «СССР — не социализмъ», и что «настоящій социализмъ

они одни могли бы ввести», и что только «ждать часа, чтобы это сдѣлать»...

Хромой учитель, бывший «на именинахъ», находился въ ударѣ и возразилъ Верховенскому, который отрицалъ Шигалева (такъ же, какъ «отрицалъ» совѣтъ Ставрогина — «собрать четверыхъ и убить пятого, а кровью его ослѣпить общество!»), отрицалъ на томъ основаніи, что «все это — романы, которыхъ можно сто тысячъ написать», и возразилъ «хромой» такъ: «Намъ вѣдь предлагаютъ черезъ разные подкидные листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки (для разрушенія всего, примѣч. автора этого труда «Достоевскій и революція»), подъ тѣмъ предлогомъ, что какъ мѣръ не лѣчи, все не выльчишь, а срѣзавъ радикально сто миллионъ головъ и тѣмъ самымъ облегчивъ себя, можно вѣрнѣй перескочить черезъ канавку.

Мысль прекрасная, безъ сомнѣнія, но, по крайней мѣрѣ, столь же несомнѣстная съ дѣйствительностью, что и «Шигалевица», къ которой сейчасъ вы отнеслись такъ презрительно...

Здѣсь нами подчеркнуто, что листки «заграничной фактуры», а, слѣдовательно, для всякаго русскаго — подозрительные. Между тѣмъ — «у насъ именно на это и набросятся!» — какъ сказалъ Кармазиновъ. Второе — «мысль прекрасная» — срѣзать радикально ... сто миллионъ головъ! Что и говорить... У «хромого» даже сказано — «безъ сомнѣнія». Хоть это и вводное понятіе, но все же... Какъ это — «безъ сомнѣнія»? Отвѣтъ — опять тотъ же, «безъ Христа», но... съ Мошешотомъ и аналогомъ передъ нимъ съ зажженными свѣчами! То есть — идолопоклонство, а предметъ такового — заграничныя книги. Очень хорошо также выраженіе — «чтобы облегчить себя». Сто миллионъ нормальныхъ людей стояли поперекъ горла этимъ ненормальнымъ людишкамъ. «Уничтожить!» — и все. «Перескочить черезъ канавку» ясно указываетъ на тотъ самый пресловутый «ровъ», который рекомендовали «засыпать»! А ровъ-то — полонъ человѣческой крови! Перескочить черезъ него человѣку, у кого есть Богъ въ душѣ — никакъ нельзя. Но если «радикально срѣзать сто миллионъ головъ» — тогда можно... Почему? Да потому, что тогда уже не ты будешь творить преступленіе, но преступленіе будетъ творить тебя. А «ровъ», который должна засыпать... эмиграція, въ этомъ случаѣ, будетъ соучастіе въ преступленіи, какого непременно добиваются всѣ преступники. Зачѣмъ же имъ соучастіе? Чтобы раздѣлить отвѣтственность.

Тутъ получается противорѣчіе: «Бога нѣтъ, значитъ и преступленія тоже нѣтъ, зачѣмъ же тогда «дѣлать отвѣтственность»? Но — «тѣмъ хуже для логики!» Преступники знали, что дѣлаютъ, и знали, что, можетъ, Богъ даже есть, но... разъ Онъ можетъ оказаться

существующимъ, надо не одному быть въ отвѣтѣ! Тогда будетъ легче отвѣчать. Подлѣйшая махинація! Дѣло въ томъ, что отрицая Бога, материалистъ все же думаетъ, что Онъ можетъ оказаться. Тутъ, какъ говорится, неувязка, но большевики никогда особенно «неуязокъ» не боялись: они поступаютъ всегда, какъ если бы «неуязокъ» не было, по трафарету: «тѣмъ хуже для логики!» Что дѣло идетъ именно объ отвѣтственности передъ Богомъ, а не передъ людьми, видно хотя бы изъ того, что людей они не боятся, суда надъ ними тоже и только стремятся «разстрѣлять Бога». Съ первыхъ дней ихъ власти въ Россіи, они только и дѣлали, что «штурмовали Небеса». Какія при этомъ были израсходованы средства! Ихъ цѣликомъ хватило бы, чтобы одѣть раздѣтыхъ и накормить голодныхъ, а безпріютнымъ дать крышу!

Еще у Виргинскихъ, эти большевики думали о «взрывѣ девяти десятыхъ человѣчества». Нужно отмѣтить при этомъ, что «хромой учитель» (этотъ научить!) былъ достаточно логиченъ самъ съ собой. Однако, Верховенскому нужны были не «теоріи», которыя онъ и самъ могъ состряпать при нуждѣ, а дѣйствіе. Это былъ большевикъ-практикъ. Беря въ руки движеніе, онъ сразу же припираетъ къ стѣнкѣ всѣхъ болтуновъ. Дѣйствіе же другихъ, кого онъ посылалъ, онъ всегда считалъ недостаточно правильными. Правильными могли быть только его дѣйствія. Такъ, въ сущности, поступалъ и Сталинъ, считавшій что онъ одинъ ведетъ настоящую «генлинію», а остальные... «сволочи!»

Какъ отнесся ко всему этому Ставрогинъ? Онъ, послѣ того, какъ собраніе покинулъ довольно-таки демонстративно Шатовъ, тоже покинулъ его. «Привычки воспитаннаго человѣка», или что другое? Мы увидимъ, что то было «другое».

Но мы должны вернуться къ «ста миллионамъ головъ хромого учителя». Первымъ деломъ, конечно, надо сказать, что эти сто миллионъ — Русскій Народъ. Вотъ его-то, какъ крѣпко вѣрующаго, и надо было истребить, такъ какъ онъ былъ помѣхой. Теперь, значитъ, вполне понятно, къ чему шли заговорщики. Они хотѣли гибели Россіи, къ тому и вели. Этому есть и другія подтвержденія.

Но можетъ быть, «канавка» обозначаетъ нѣчто иное? Нѣтъ, это именно та медіана, которая отдѣляетъ Добро отъ Зла. Трудно точно опредѣлить ихъ сущность, но все же всякій инстинктивно знаетъ, гдѣ Добро, а гдѣ Зло. Для того, чтобы можно было кинуться въ Зло, «интеллигенція» уже съ прошлаго вѣка начала подкопъ подъ устои эстетики. То, что прекрасно, всегда есть Добро. Вотъ здѣсь, въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ, разрушители Россійскаго Государства вызвали нарушеніе.

Они сначала восхваляли, в противоположность (подумать только!) Пушкину нѣкоего Писарева, в сущности даже на писателя, а просто «писаря». Послѣдній провозгласилъ: «Сапоги выше Шекспира!» Позже стали говорить: «сапоги выше Пушкина», молчаливо согласившись, что Шекспиръ и Пушкинъ — на одномъ уровнѣ. Галерка, между тѣмъ, гоготала: Какъ же! Сапоги и Шекспиръ! Во-о-о, какъ здорово! Потомъ, а можетъ раньше, се не важно, стали Радищева превозносить совсѣмъ не въ мѣру. «Скучный и нудный» (по выраженію Пушкина) Радищевъ былъ поставленъ въ примѣръ всѣмъ. Между прочимъ, Радищевъ въ своемъ «знаменитомъ» «Путешествіи», какъ бы мимоходомъ, лягнулъ Ломоносова, нашего дѣйствительнаго и нераздумтаго Генія! Съ этого началось разрушеніе устоевъ. Мы, конечно, признаемъ, что крѣпостное право было вреднымъ и несправедливымъ и что крестьянъ надо было освободить какъ можно скорѣе. Однако, подъ предлогомъ борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, эти люди вели уже борьбу противъ Россіи! Причемъ, ни Герценъ, ни Некрасовъ, ни даже Тургеневъ крѣпостныхъ своихъ не освобождали! Между тѣмъ, изъ крѣпостныхъ уже выходили люди первой величины, артисты помѣщичьихъ театровъ, художники, пѣвцы, поэты: Шевченко, а изъ близкаго къ народу купеческаго сословія вышелъ несравненный Кольцовъ.

Враги же народа находились и среди правыхъ — реакціонеровъ и крѣпостниковъ. Зажатая между двухъ огней, Россія была жертвой однихъ и другихъ. Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ и другіе оказались противъ народныхъ интересовъ, ибо они были противъ народныхъ Геніевъ, какъ Ломоносовъ, Пушкинъ, Гоголь. Но такъ какъ на сторонѣ этихъ Геніевъ было великое мастерство, то былъ объявленъ походъ противъ литературы, а самая литература была захвачена чуждыми національно Русскому Народу людьми. Эти люди, редакторы и издатели, подсунули намъ позже Горькаго, Арцыбашева, Андреева и даже... графа Амори! Тѣмъ временемъ провозглашалась «красота Зла», для чего усиленно печатали и распространяли... Ницше! Тутъ появился и Карлъ Марксъ съ его «Трудомъ и Капиталомъ». Дальше уже все пошло, какъ по маслу.

И все это, чтобы «радикально срѣзать сто милліоновъ головъ и тѣмъ облегчиться!» Сталинъ срѣзалъ если не сто милліоновъ, то половину во всякомъ случаѣ. Будь не его мѣстъ Ленинъ, онъ бы срѣзалъ всѣ сто! Это вѣдь было главной задачей: обезсилить Русскій Народъ, истребить лучшихъ его представителей, подорвать биологически...

Между тѣмъ, проблема Добра и Зла была разработана на Востокѣ, особенно въ Персіи, и религія Зендъ-Авеста даетъ такое опредѣленіе: «Добро и Зло несомѣстимы. Гдѣ появляется одно, тамъ борется и уходитъ другое, однако же сохраняя за собой «зерно» своей сущности. Такъ что, въ случаѣ слабости перваго, второе могло бы, борясь, отстоять почти все у перваго. И въ этомъ случаѣ останется «зерно» втораго. И истребить это зерно невозможно, ибо оно «мельче горчичнаго» и простымъ глазомъ невидимо. То же выразила и русская пословица: «нѣтъ худа безъ добра!» Жизнь возможна лишь тамъ, гдѣ есть борьба этихъ двухъ сущностей, и полная побѣда одного надъ другимъ невозможна, пока живъ мѣръ. Зато вѣрующій человекъ надеется на поддержку Добра, а торжествующее Зло, имѣя въ себѣ «зерно», тѣмъ самымъ указываетъ на то, что нашла Восточная Мудрость въ проблемѣ Добра и Зла. Но революціонеры «кучки» Нечаева-Верховенскаго и Ставрогина никакого Добра не искали, въ Добро не вѣровали и должны были ввергнуть въ кровь и несчастье весь Русскій Народъ, чтобы затѣмъ, на практикѣ, увидѣть, что Зло до конца не побѣждаетъ!

Они хотѣли «перескочить канавку», чтобы оказаться по ту сторону Добра и Зла. Однако, эти дурачки не вѣдали, что разъ они сами не вѣрятъ, то «по ту сторону Добра и Зла» ихъ ждетъ одинъ «нигилизмъ!» Вѣрующій надеется и получаетъ Вѣчность въ Добрѣ, а невѣрующій этой «Вѣчности во Злѣ» получить не можетъ, ибо Зло есть Интегральная Смерть, слѣдовательно, исчезновеніе. Можетъ, муки грѣшниковъ и будутъ состоять въ томъ, что они, созерцая свои преступленія, будутъ видѣть торжество другихъ, но не будутъ въ силахъ исправить свои промахи, ибо тѣ уже стали Вѣчными, а сами они будутъ медленно, но вѣрно «растворяться» въ Злѣ, то есть, въ Смерти. Въ то же время, другіе будутъ жить, ибо Добро есть Вѣчная Жизнь. Мы говоримъ, можетъ, ибо сами не можемъ вполне утверждать что-либо, чего не видали. Несомнѣненъ, однако, законъ жизни: «ничто безцѣльно въ мѣрѣ не происходитъ и ничто въ немъ окончательно не исчезаетъ.» Если это правильно для матеріи, то также правильно и для духа!

Если бы это было не такъ, то зарожденіе эмбриона не было бы такимъ катастрофическимъ, принимая во вниманіе малость двухъ сталкивающихся клѣтокъ. Онѣ сталкиваются со скоростями двухъ курьерскихъ поѣздовъ! Развитіе эмбриона дальше идетъ такимъ же катастрофическимъ путемъ. Скорость размноженія клѣтокъ идетъ такая, что все будущее существо какъ бы валится, летитъ въ бездну жизни! Эта сила, бросающая его по пути развитія, и есть «жизненный бросокъ» Бергсона (французскій мыслитель). Мы же скажемъ, что эта сила есть сила жизни, сила Добра, ибо жизнь есть Добро...

Но вернемся на «именины» Виргинскихъ. Послѣ ухода Шатова, Ставрогинъ тоже поднялся и вышелъ.

«Верховенскій бросился было въ засѣданіе, чтобы унять хаосъ, но, вѣроятно, разсудивъ, что не стоитъ возиться, оставилъ все и черезъ двѣ минуты летѣлъ по дорогѣ за ушедшими.»

Онъ ихъ догналъ, то есть, Ставрогина и Кириллова, и тутъ возникъ разговоръ, въ которомъ — любопытная черта! — все свелось къ тому, чтобы Ставрогинъ далъ Верховенскому денегъ — «тысячи двѣ или полторы», — то есть, ровно столько, сколько требовалъ Федька-каторжный за убійство Лебядкиныхъ! Что такое убійство было «нужно», Верховенскій подтверждалъ, показывая анонимное письмо капитана, посланное имъ губернатору (и которымъ Верховенскій безцеремонно завладѣлъ), хотя объ убійствѣ и не говорилъ, а лишь чтобы «справодить».

— Неужто вамъ денегъ жалко? спросилъ онъ Ставрогина.

— А надо развѣ денегъ?

Тутъ весь ихъ «соціализмъ» и «фаланстера-съ»: все начинается и кончается деньгами, черезъ преступленіе, для преступленія и преступленіемъ же!

Но когда Ставрогинъ въ деньгахъ наотрѣзъ отказалъ, Верховенскій окрысился:

— Эй, Ставрогинъ! Вы что-нибудь знаете, или что-нибудь уже сдѣлали! Вы — кутите!

Лицо его искривилось, губы вздрогнули, и онъ вдругъ разсмѣялся какимъ-то совсѣмъ безпредметнымъ, ни къ чему не идущимъ смѣхомъ.

— Вѣдь вы отъ отца вашего получили же деньги, за имѣніе, — спокойно замѣтилъ Николай Всеволодовичъ. — Маманъ вамъ выдала тысячъ шесть или восемь за Степана Трофимовича. Вотъ, и заплатите полторы тысячи изъ своихъ. Я не хочу, наконецъ, платить за чужихъ, я и такъ много роздалъ, мнѣ это обидно... — усмѣхнулся онъ на свои слова.

Дальше они «крупно говорятъ», причеиъ Ставрогинъ заявляетъ: «я вамъ Шатова не уступлю» и даетъ понять, зачѣмъ нужно Верховенскому убить Шатова — «чтобъ связать этой мазью ваши кучки». Онъ говоритъ, что и эти полторы тысячи требуются для той же цѣли, чтобъ и его, Ставрогина, покончивъ съ Лебядкиными, тоже связать. — «Разъ навсегда разсмотрите ближе: вашъ ли я человѣкъ, и оставьте меня въ покоѣ.» — Дѣйствительно, Ставрогинъ, одержимый своимъ «бѣсомъ», былъ «этажомъ выше», ибо хотѣлъ хаоса,

уничтоженія, но никакъ не «Шигалевскаго рая», ибо «не хотѣлъ хотѣть, или хотѣлъ не хотѣть». И когда Верховенскій бѣжить за нимъ по пятамъ, терпитъ даже побои отъ него, когда Ставрогинъ «хватаетъ его за волосы» и бросаетъ на землю, — лебезить, умоляетъ, соглашается «отдать Шаточа» — это видно кто изъ нихъ больше. Верховенскій хвалитъ своихъ, умоляетъ, чтобы Ставрогинъ шелъ съ нимъ вмѣстѣ. — «Мы пустимъ смуту!» Говоритъ про Шигалева: «Шигалевъ гениальный человѣкъ! Знаете ли, что это гений, вродѣ Фурье, но смѣлѣе Фурье, но сильнѣе Фурье; я имъ займусь. Онъ выдумалъ ра-

венство!» Ставрогинъ ничего не нашелъ, какъ подумать:

— Съ нимъ лихорадка и онъ бредитъ; съ нимъ что-то случилось очень особенное — посмотрѣлъ на него Ставрогинъ. Они шли не останавливаясь.»

Во всемъ этомъ и объявился Верховенскій, весь съ его «бзикомъ міровой революціи» — до таковой. Потому что уже было ясно, потому что было очевидно, что дорвись онъ до «смуты», какъ захочетъ и «міровой революціи». У этихъ людей конца желаній нѣтъ. Они все разсматриваютъ, какъ очередной «этапъ на пути». Но разъ нѣтъ конца, то и будутъ они терзаться и другихъ терзать до своего физическаго конца, смерти, въ той или другой формѣ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенный большевикъ, ранѣе нежели большевизмъ сформировался, какъ таковой — рабъ «діамата» (Шигалевичины) и исполнитель указовъ сверху, лишь бы они шли сверху, съ тѣмъ, между прочимъ, чтобъ самому быть наверху однажды. Это у него въ послѣднюю минуту, а до того онъ — исполнитель. Съ тѣмъ все же, чтобъ въ послѣднюю минуту вскочить на шею «всѣмъ, всѣмъ и всѣмъ»!

Все это Ставрогинъ въ немъ и видѣлъ, и быть жертвой Верховенскаго не хотѣлъ, ибо если бы согласился, такъ сейчасъ же и сталъ бы жертвой, несмотря на то, что Верховенскій ему все время «кадилъ», лъстя на каждомъ шагу. Ставрогинъ самъ былъ одержимъ бѣсомъ гордыни, а тутъ ему предлагали рабство, хотя и со всѣми видимыми признаками обожанія. Верховенскому Ставрогинъ быть нуженъ до зарѣзу, ибо онъ имѣлъ видъ порядочнаго человѣка, тогда какъ самъ Верховенскій имѣлъ всѣ признаки подлеца. Каждый онъ умѣлъ пустить «въ дѣло», и рассчитывалъ при помощи «чучела Ставрогина, показываемаго толпѣ разъ въ годъ», завладѣть этой толпой. Ибо толпа не ошибается. Она подлецу не вѣритъ! Ей надо было показать хоть видимость «порядочнаго человѣка», ибо ей нужно превосходство.

Ставрогинъ имѣлъ эту черту, а Верховенскій ея не имѣлъ. Глядя на его востренькія черты можно было испугаться порой, а у Ставрогина былъ «жестъ», «представительность», пожалуй, чисто барская, но — «разъ онъ съ нами, даже и эта барственность — наша». Вотъ что ему нужно было отъ Ставрогина. «Обожаемаго Царевича» нужно было.

Тутъ Верховенскій скороговоркой выкладываетъ свои планы, а съ ними и «теорію Шигалева: «У него хорошо въ тетради, у него шпионство. У него каждый членъ общества смотреть за другимъ и обязанъ доносить». Каждый принадлежитъ всѣмъ и всѣ каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны! Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей. Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть не деспотами и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ и Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями, вотъ Шигалевщина! Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ Шигалевщина! Ха-ха-ха! Вамъ странно? Я за Шигалевщину!»

Ставрогинъ старался ускорить шагъ и добратъ поскорѣе домой. «Если этотъ чловѣкъ пьянъ, то гдѣ же онъ успѣлъ напиться, — приходило ему на умъ. — Неужели же коньякъ?»

— Слушайте, Ставрогинъ: горы сравнятъ — хорошая мысль, не смѣшная. Я за Шигалева. Не надо образованія, довольно науки! — то есть, «обскурантизмомъ» кончается этотъ «предтеча Ленина», что никогда никакому «царскому режиму» не снился... Но прочтите, пожалуйста, что онъ говоритъ далѣе: «Въ мірѣ не достаетъ только послушанія (и это слова Верховенскаго, самаго непослушнаго изъ чловѣчковъ!). Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе; мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслышанный развратъ; мы всякаго гения потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство... Необходимо лишь необходимое... вотъ девизъ земного шара отсельъ...»

Здѣсь полезно остановиться и подумать надъ его словами, надъ такъ называемой «новой орфографіей», ведущей къ пониженію культурнаго уровня русскихъ людей, къ опрощенію, безграмотности. Правда, эту орфографію ввели отчасти еще до большевиковъ, какъ говорятъ, но она очень пригодилась именно имъ.

Всѣ сообщенія о «расстрѣле бѣлогвардѣйцевъ» были написаны на ней, и всѣ декреты, всякое мучительство революціи! Неужели же русскій народъ, освободившись, оставить этотъ ублюдокъ орфографіи? Для того и существовала буква «ять», чтобъ по ней можно было отличить грамотнаго чловѣка отъ неграмотнаго. Но дѣло еще хуже: разучившись писать по «царской орфографіи», русскій чловѣкъ отбросилъ «коренныя слова», всего какихъ-нибудь сто двадцать словъ (когда поанглійски надо, наприимѣръ, изучить десять тысячъ!), уже не знаетъ не только буквы «ѣ», но не различаетъ даже «родовъ»: «большіе женщины вошли в вагон и сели». Какіе это «большіе женщины»? А можетъ, у нихъ длинная борода? Можетъ, заросши такой бородищей до колѣнъ, онѣ говорятъ про себя басомъ: «ну и бабы-то нонѣ стали! Душа хлибкая, такъ паръ одинъ!» Мы положительно увѣрены, что «орфографическая реформа» имѣла цѣлью — «не надо науки, не надо высшихъ способностей!» Это настолько вѣрно, что сейчасъ вводится въ СССР новая орфографія, расширеннаго вида. Значитъ, даже по совѣтскимъ понятіямъ, по понятіямъ «Шигалевской власти», съ новой орфографіей «не тае...» Отсутствие мягкаго «е», которое въ русскомъ языкѣ есть, создаетъ непріятное чувство, ибо всякая орфографія стремится передать каждый звукъ языка возможно ближе къ произношенію.

Верховенскій, между тѣмъ, излагаетъ дальше «Шигалевщину»: «Но нужна и судорога; объ этомъ позаботимся мы, правители. У рабовъ должны быть правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ (у Сталина — время отъ времени, этакъ, черезъ два-три года) Шигалевъ пускаетъ и судорогу, и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое; въ Шигалевщинѣ не будетъ желаній. Желаніе и страданіе для насъ, а для рабовъ — Шигалевщина.»

— Себя вы исключаете? — вырвалось у Ставрогина.

— И васъ...

Но послѣ нѣсколькихъ фразъ Ставрогинъ сказалъ:

— Отстаньте отъ меня, пьяный чловѣкъ! — и ускорилъ шаги.

Тутъ произошла безобразная сцена, во время которой Верховенскій буквально сталъ объясняться въ любви къ Ставрогину: «Ставрогинъ, вы красавецъ! Знаете ли вы, что вы красавецъ! Въ васъ дороже всего то, что вы иногда про это не знаете...»

Всѣ эти изліянія подозрительны, ибо за включеніемъ «дипломатическихъ» приемовъ вокругъ губернаторши, Юліи Михайловны, Верховенскій ни за кѣмъ въ городѣ не укаживалъ. Во всякомъ случаѣ, такъ мужчина

о мужчинѣ не говорить, если только онъ нормаленъ! Ухаживалъ Верховенскій за губернаторшей видимо, только, чтобы «подразнить» губернатора. Всѣ его чувства были сконцентрированы на... Ставрогинѣ. Кончилъ онъ свои изліянія тѣмъ, что... поцѣловалъ руку Ставрогина! Послѣдній даже испугался: «холодъ прошелъ по спинѣ Ставрогина, и онъ въ испугѣ вырвалъ руку. Они остановились».

«Помѣшанный!», прошепталъ Ставрогинъ. Но Верховенскій продолжалъ уже не говорить, а какъ бы — глѣть: «Можетъ я брежу, можетъ я брежу! — подхватилъ тотъ скороговоркой, — но я выдумалъ первый шагъ. Никогда Шигалеву не выдумать первый шагъ. Много Шигалевыхъ! Но одинъ, одинъ только человекъ въ Россіи изобрѣлъ первый шагъ, и знаетъ, какъ его сдѣлать. Этотъ человекъ я. Что вы смотрите на меня? Мнѣ вы, вы надобны, безъ васъ я нуль. Безъ васъ я муха, идея въ склянкѣ, Колумбъ безъ Америки».

Ставрогинъ стоялъ и пристально смотрѣлъ въ его безумные глаза. Онъ, конечно, понималъ, что отъ него надобно Верховенскому. Но какъ Иванъ Карамазовъ, убившій отца при помощи Смердякова, такъ, что и доказать вины нельзя было, точно такъ же и Ставрогинъ, убившій при помощи Верховенскихъ Россію, не желалъ лично участвовать въ преступленіи. Онъ одинъ изъ всѣхъ, кто во всѣхъ гадостяхъ участвуетъ, но остается всегда въ сторонѣ. Разрушенія Россіи онъ хотѣлъ, потому что имъ владѣлъ Духъ Разрушенія, но единственно для хаоса, а не для «Шигалевщины». То есть, рѣшительно, какъ Степанъ Трофимовичъ, сдѣлавшій изъ дѣтей, порученныхъ ему, революціонеровъ, а затѣмъ отъ нихъ отвернувшійся, и притомъ съ ненавистью «къ тому рабу, тому вонючему лакею, который первый взгромоздится на лѣстницу, чтобы изрѣзать ликъ божественнаго идеала», такъ и Ставрогинъ, толкнувшій еще дальше Верховенскаго, теперь смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и омерзеніемъ. Между тѣмъ, безъ Ставрогина Верховенскій, по собственному его признанію, былъ «муха и Колумбъ безъ Америки!» Тутъ умѣстно вспомнить восклицаніе почтенной «дамы изъ Швейцаріи», говорившей по поводу революціи: «Какъ же могло случиться, что изъ такой безграничной (Февральской) свободы выпшелъ такой (Сталинскій) деспотизмъ?» Она, видимо, «Бѣсовъ» не читала! Если бы читала, такъ знала бы, что именно въ нихъ и рецептъ заложенъ: «Я началъ съ безграничной свободы, чтобы придти къ полному рабству!» — слова Шигалева...

Говоря съ Ставрогинимъ, Верховенскій-Нечаевъ воплотился самъ цѣликомъ въ Шигалева, идя дальше, чѣмъ даже тотъ шелъ. Ставрогинъ же не узнавалъ своего сподвижника: самъ помѣшанный, онъ шепталъ по адресу Верховенскаго: «помѣшанный!» Это,

между прочимъ, законъ: больной маніей всегда презираетъ такихъ же больныхъ и той же маніей! — «Онъ думаетъ, что онъ — Наполеонъ!.. Ха-ха-ха! Это я Наполеонъ!»

«Слушайте, мы сначала пустимъ смуту, — торопился ужасно Верховенскій, поминутно схватывая Ставрогина за лѣвый рукавъ. — Я уже вамъ говорилъ: мы проникнемъ въ самый народъ. Знаете ли, что мы уже и теперь ужасно сильны! Наши не только тѣ, что рѣжутъ и жгутъ («соціально близкій элементъ» совѣтчины, — «урки»), да дѣлаютъ классическіе выстрѣлы или кусаются. Такие только мѣшаютъ. Я безъ дисциплины ничего не понимаю. Я вѣдь мошенникъ, а не социалистъ, ха-ха-ха! (Вотъ, гдѣ смѣется самъ Сатана!).»

Слушайте, я ихъ всѣхъ сосчиталъ: учитель, смѣющийся передъ дѣтьми надъ ихъ Богомъ и надъ ихъ колыбелью — уже нашъ. Адвокатъ, защищающій образованнаго убійцу тѣмъ, что онъ развитѣе своихъ жертвъ, и чтобы денегъ добыть, не могъ не убить, уже нашъ. Школьники, убивающіе мужика, чтобы испытать ошущеніе, уже наши.»

Ставрогинъ, не желая идти съ нимъ, однако же слушалъ его, и слушалъ, ибо самъ былъ какъ бы ихнимъ, хоть и не желая слишкомъ открыто становиться въ ихъ ряды. Мѣшали тутъ, пожалуй, «привычки порядочнаго человека», хоть и не такъ ужъ много оставалось отъ этихъ привычекъ. Это, конечно, и понятно, ибо общеніе съ людьми, лишеными такихъ привычекъ, размагничивало Ставрогина окончательно. Да и народъ нашъ это прекрасно подмѣтилъ въ пословицѣ: «съ кѣмъ поведешься, у того и наберешься». Верховенскому, по его соображеніямъ, Ставрогинъ нуженъ былъ «для дѣла», а тому, по его соображеніямъ, надо было оставаться подальше отъ «этихъ дѣлъ». Однако, только копнись въ душѣ Ставрогина, тамъ, пожалуй, было еще больше моральнаго разврата, нежели въ душонкѣ Верховенскаго, но... Ставрогинъ не вѣрилъ въ свой развратъ, а Верховенскій не только вѣрилъ, но увѣровалъ въ него, цѣликомъ, со всей стремительностью своей мелкой природы. Ставрогинъ разлагался на нѣсколько личностей, каждая изъ которыхъ имѣла свой градусъ развращенія, а у Верховенскаго нечему было даже разлагаться! Это былъ подлинный, безнравственный «не социалистъ, а мошенникъ!» Онъ былъ цѣльный мошенникъ, для котораго «политика» была средствомъ къ достиженію власти. Всѣхъ своихъ сообщниковъ онъ «приберегалъ» съ тѣмъ, чтобы «пустить въ дѣло». Подвернись ему Смердяковъ, онъ бы и его использовалъ. Даже и Алешу Карамазова использовалъ бы, а ужъ про Настасью Филипповну и говорить нечего. Онъ бы «ловилъ на нее», какъ мухъ на сахаръ, всѣхъ, кого нельзя было поймать ни на что другое. Между тѣмъ, Ставрогинъ, пожалуй, «еще не рѣ-

шилъ», какъ онъ поступитъ, и если удивлялся Верховенскому, то только со стороны. Самъ онъ, пожалуй, поступилъ бы не лучше Верховенскаго. Мы говоримъ, «почти поступилъ бы какъ и Верховенскій», съ той разницей, что вначалѣ онъ, пожалуй, дѣйствовалъ бы иначе, а кончилъ бы тѣмъ же самымъ, ибо въ революціи есть своя логика, и всякая революція проходитъ черезъ насиліе, а насиліе ведетъ ко всему тому, о чемъ трактуетъ «Шигалевщина». Съ другой точки зрѣнія, конечно, Ставрогинъ «удивлялся» Верховенскому потому, что не отъ него идея вышла. Есть такіе люди, что выдумай они идею, они бы за нее во-какъ ратовали, но разъ не они, то — «Верховенскій пьянь!» Послѣдній дѣйствительно былъ «пьянь», но не коньякомъ

Виргинскихъ. Коньякъ лишь развязалъ ему языкъ. Онъ былъ пьянь «Шигалевщиной», такъ кстати подошедшей, такъ неожиданно «идеологически» подкрѣпившей его шаткія позиціи. Дѣло въдѣ шло о томъ, какъ обосновать «убійство ста милліоновъ людей». Такъ сказать, дѣло политическое. . . «со взломомъ!» И на него надо было подговорить «православныхъ». (Православные, «что-жь это»? — самый народный возгласъ). Какъ же уговорить? И вдругъ — «Шигалевщина»!

Какъ мы говорили, Ставрогинъ «еще не рѣшилъ», а Верховенскій не только рѣшилъ, но даже не сомнѣвался, что только одно рѣшеніе и возможно. Онъ, такъ же какъ Шигалевъ, — хоть система и не кончена, но — другой не можетъ быть! — утверждалъ, что другого пути нѣтъ. Если бы Ставрогинъ «рѣшилъ», то онъ бы поступилъ, пожалуй, такъ же, какъ и Верховенскій. При этомъ то «привычки порядочнаго человѣка» въ немъ брали верхъ, то наоборотъ. Такъ, въ прошломъ, онъ укусилъ за ухо важное лицо, чтобъ посмѣяться и надъ лицомъ, и надъ его рангомъ, женился на дурочкѣ Лебядкиной, тоже, чтобъ посмѣяться надъ Тайнствомъ Бракосочетанія, пошелъ рассказывать старцу о томъ, какъ онъ погубилъ малолѣтнюю дѣвочку, опять-таки съ цѣлью посмѣяться надъ святостью, надъ подвигомъ духовнымъ и всяческой моралью. Чѣмъ же онъ не пара Верховенскому?

Верховенскій тоже «смѣялся», впуская внутрь иконы живую мѣшь. Онъ тоже «смѣялся», разыгрывая губернатора, убивая Шатова, и такъ далѣе. Но дѣло тутъ было не въ преступленіи и даже не въ томъ, какъ его совершить, а исключительно въ формулѣ: «то, что дѣлаю я — хорошо, что дѣлаешь ты — такъ себѣ», а что дѣлаешь онъ (третій кто-либо) — отвратительно!» Если бы Ставрогинъ «рѣшилъ», то поступилъ бы почти такъ же, какъ и Верховенскій, и это «почти» сильно отличалось бы тактически отъ дѣйствій Верховенскаго, но по сути было бы одинаковымъ, ибо оба они шли къ революціи и оба же были материалистами. Оба они были и богоотступниками, но у Ставрогина были хоть «привычки порядочнаго человѣка» (тотъ же Печоринъ

говоритъ, что у него — «привычки порядочнаго человѣка»! Бѣдная мораль; если ей дана только роль «привычекъ»), хотя, впрочемъ, онъ ихъ не особенно и проявляетъ. У Верховенскаго ихъ совсѣмъ не было: онъ подглядываетъ, шпионитъ, наговариваетъ, убиваетъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ общемъ, у него нѣтъ ни одной болѣе или менѣе хорошей черты въ характерѣ.

У всѣхъ нормальныхъ людей есть «порогъ» сознания, гдѣ работаетъ совѣсть, отмечающая все недоброе. У людей «типа» Ставрогина и Верховенскаго «порога» нѣтъ. Нѣтъ у нихъ и совѣсти въ общепринятомъ смыслѣ. Это люди «съ разбитымъ порогомъ». Они, правда, не сумѣли «снять сто милліоновъ головъ и тѣмъ себя облегчить», но сняли пятьдесятъ! Развѣ этого мало?

Между тѣмъ, одни изъ нихъ упрекаютъ другихъ, что тѣ, де, «не настояще социалисты»! Кого же изъ нихъ считать настоящими, а кого ненастоящими? Изъ какихъ положеній исходить? Если изъ «ста милліоновъ головъ», то снявшіе половину обѣщаннаго количества, все-таки, хоть и «не дотянули», но оказались почти у Шигалевской цѣли; если же изъ того, что «не смогли себя облегчить» этимъ снятиемъ головъ и что теперь обижаются на первыхъ, то вольно же было имъ зѣвать! Между тѣмъ, Ленинъ всѣмъ имъ ставилъ непремѣнное условіе — государственную измѣну. Только измѣнивши, и будучи пораженцами въ Первой Войнѣ, они могли рассчитывать на участіе «въ снятіи головъ». Кто оказался на полдорогѣ, того устранили. Однако, вина въ чудовищномъ кровопусканіи Русскаго народа лежитъ рѣшительно на всѣхъ, кто готовилъ революцію. Кому не удалось «облегчиться», можетъ отойти въ сторону и смотрѣть на дѣло рукъ своихъ.

Ставрогинъ не хотѣлъ быть игрушкой въ рукахъ Верховенскаго, потому онъ и «удивлялся» ему. Посѣтивъ старца въ монастырѣ, онъ все же сломалъ ему крестъ. Въ этомъ — символъ его богоборчества. Значитъ, и на практикѣ, если бы дѣйствовалъ онъ вмѣсто Верховенскаго, онъ пришелъ бы къ тому же самому, хотя можетъ и другой дорогой.

Въ личной своей жизни онъ дѣлалъ все, чтобъ разбить свои мечты, надежды, желанія, и не только свои, но и своей матери, души въ немъ не чаявшей. У него было то, что принято сейчасъ называть въ медицинѣ «комплексомъ недостиженія». И хотѣлъ бы, да что-то мѣшаетъ. Начнетъ дѣло, а оно само изъ рукъ валится. Революционеръ изъ него вышелъ бы посильнѣе Верховенскаго, но воли у него на это было меньше, хотя никто бы не смогъ назвать Ставрогина безвольнымъ человѣкомъ. Онъ какъ бы махнулъ на себя рукой. Женщины его любили, но сказать, чтобъ онъ ими самъ интересовался сверхъ мѣры, никакъ нельзя, и Лиза, напимѣръ, его любившая, въ то же время боялась: «вотъ, вы меня куда-то увезете, а тамъ гдѣ-то большой паукъ, ростомъ съ человѣка, и мы всю жизнь прожи-

вемъ возлѣ него, и будемъ его бояться!» Но Ставрогинъ всю жизнь интересовался только собой, и что въ немъ былъ «паукъ», нѣтъ сомнѣнія. Лиза его правильно разгадала. Даша подошла еще ближе, кагда сказала: «если вамъ нужна будетъ сидѣлка, скажите, и я приду!» Ему она, конечно, была нужнѣ всего. Правъ былъ одинъ чехъ, сказавшій автору этой статьи: «всѣ послѣднія поколѣнія ваши были съ червемъ внутри. . . Какъ яблоки, въ которыя забрался червячекъ, маленькій, беззащитный съ виду, и забравшись, всю сердцевину и выѣлъ!»

Такъ или иначе, Варвара Петровна, женщина властная, виновата въ томъ, что воспитывала ребенка въ слишкомъ большой строгости до пяти лѣтъ, а затѣмъ передала его Степану Трофимовичу, который распустилъ его вполнѣ! Вышло такъ, что запрещающая слишкомъ многое мать дала разрѣшеніе черезъ Степана Трофимовича на все запрещенное. Мораль дѣтей, покоившаяся на понятіи о добрѣ и злѣ, была подмѣнена «нетлѣнными цѣнностями». Вышла сперва двойственность, а затѣмъ и отсутствіе всякой морали.

Само слово «мораль», если его не объяснить какъ слѣдуетъ, ничего не говоритъ ребенку. Единственно, что можно сказать объясняя, что мораль есть ученіе о добрѣ и злѣ. Добро — все, что относится къ поддержанію жизни человѣка, а зло — къ смерти. Конечно, это будетъ укороченное понятіе, но оно хоть какъ-либо скрѣпитъ личность будущаго человѣка. Не давая же ничего позитивнаго, мы приведемъ воспитанника къ отсутствію морали.

Говоря такъ, мы вовсе не отрицаемъ метафизическаго содержанія морали, и такое ея пониманіе придетъ позже, когда человѣкъ станетъ зрѣлымъ, но ребенка никакъ нельзя обучать алгебрѣ, не преподавши ему азбуки и простой арифметики. Между тѣмъ, «воспитатель» прямо началъ съ жалобы на то, что «его обидѣли», его «оттолкнули», и вызвалъ въ душахъ дѣтей желаніе отомстить за хорошаго «дядю». Вина же «общества» состояла въ томъ, что Степана Трофимовича всѣ считали «пострадавшимъ за убѣжденія», но никто, кромѣ Варвары Петровны, имъ не интересовался, да и та считала, что она — его «сидѣлка».

На дѣлѣ же это былъ совершенно никчемный, блажившій баринъ, который и самъ хорошенько не зналъ, чего ему нужно. Его обвиненія относились не къ кому-либо лично, а ко «всѣмъ, всѣмъ и всѣмъ». Обвиняя огульно «всѣхъ», онъ не думалъ о себѣ, между тѣмъ, Степанъ Трофимовичъ виновенъ былъ самъ прежде всего въ своихъ несчастьяхъ. Такъ, онъ не отдавалъ себѣ отчета, что живетъ на содержаніи женщины (Варвары Петровны), оплачивавшей даже его карточные долги, и

что «всеобщую реформу» ему слѣдовало начинать съ самого себя. Но «обвиняя», онъ крайне удивился бы, если бы ему сказали, что вонъ, тому человѣку, надо изъ-за него пострадать, какъ виновнику его несчастій. Нѣтъ, Степанъ Трофимовичъ былъ человекомъ, не лишеннымъ благородства, и если говорилъ такъ, «въ высшемъ смыслѣ», обвиняя, даже «съ потрясеніемъ нетлѣнными цѣнностями» кого-то, но не даннаго, конкретнаго человѣка! Виновна «система», виновенъ Царь, что вотъ онъ, Степанъ Трофимовичъ, такая мазня, ни на что непохожая, что у него нѣтъ яснаго взгляда на самого себя, что онъ не видитъ логическихъ послѣдствій своихъ взглядовъ, словъ и жестовъ. Всѣ виноваты, кромѣ него! А вмѣстѣ съ тѣмъ, никто опредѣленный не виноватъ, ибо Степанъ Трофимовичъ ни во что опредѣленное и не вѣрилъ. Все было лишь этакъ, «въ высшемъ смыслѣ», гдѣ-то, какъ-то и какимъ-то образомъ.

Уже «сумасшедшій доцентъ», читавшій на «вечерѣ въ пользу гувернантокъ», что — но... никогда до такого поз-з-з-зора не доходила Россия! — былъ конкретный, онъ «хотѣлъ ста миллионъ головъ», хотя и не могъ этого выразить. Но Степанъ Трофимовичъ, «видя безобразіе», даже кинулся въ бѣгство послѣ всего, почти такъ же, какъ Л. Н. Толстой! Онъ такъ же заболѣлъ, и такъ же за нимъ ухаживала какая-то неизвѣстная личность, бабенка-книгоноша, и ухаживанія этой бабенки Степанъ Трофимовичъ принималъ, а Варвары Петровны больше не хотѣлъ тревожить. Онъ бѣжалъ не отъ нея, а отъ самого себя! Къ сожалѣнію, «отъ себя не убѣжишь!» Сходство полное, и провидѣнье Достоевскаго — исключительное!

Въ остальномъ Степанъ Трофимовичъ сходства съ Л. Н. Толстымъ не имѣетъ, но его конецъ — полное совпаденіе съ концомъ Толстого. Правда, Толстой умиралъ на желѣзнодорожной станціи, а Степанъ Трофимовичъ на почтовой, но обстоятельства — тѣ же и детали тоже.

Но вернемся къ роли Степана Трофимовича въ «воспитаніи» его учениковъ. Верховенскій сталъ откровеннымъ «политическимъ со взломомъ», а Ставрогинъ, хоть и «политическимъ, но отчасти — безъ взлома». Здѣсь прекрасно именно это — «отчасти». Если бы ужъ была натура, такъ хоть до конца — злая, и чтобы «привычки порядочнаго человѣка не вмѣшивались!» Но на дѣлѣ это была смѣсь характеровъ и личностей. Ставрогинъ оказался разложившимся на нѣсколько личностей. Позже изъ него выработался не то что Донъ Жуанъ, однако и не безъ того. Такъ, онъ не обошелъ даже жены Шатова Мари, и когда та вернулась къ мужу, она сказала безпредметную фразу: «А Ставрогинъ — подлець!» Отцомъ ея ребенка, по всей видимости, былъ Ставрогинъ. Онъ, какъ и «папаша Караман-

зовъ», не пропускалъ... даже Лизаветы Смердящей. О томъ, что Ставрогинъ являлся отцомъ ребенка Мари, сказалъ и Верховенскій послѣ убійства Шатова: «Ставрогинскій ребенокъ!» Любить онъ, пожалуй, никого не могъ, а дѣйствовалъ исключительно машинально: подвернулась женщина, ну и ладно. Выгнѣнная червемъ, его душа была разворочена и хаотична, онъ все время какъ бы къ ней прислушивался, чего-то въ ней искалъ, ибо самъ никогда не зналъ, какъ поступить. Многихъ своихъ поступковъ онъ стыдился, потому что были «привычки порядочнаго человѣка», но твердыхъ взглядовъ не имѣлъ, ибо такъ же какъ и Верховенскій занимался разрушеніемъ устоевъ семьи, религіи и морали. Кружковцы же Верховенскаго ему были неприятны, ибо слишкомъ отъ нихъ разило непорядочностью. Такъ онъ заявилъ и самъ въ письмѣ къ Дашѣ.

То же сказалъ и Ленинъ по поводу своихъ коммунистовъ: «они некультурны» (XVIII т. «Полнаго собранія сочиненій Ленина», издачіе первыхъ годовъ послѣ революціи, не позже 1923 года, послѣ котораго начинаются подчистки текстовъ). Или въ другомъ мѣстѣ (томъ VIII, часть 2-я, стр. 45 того же «Собранія сочиненій Ленина» (также и стр. 41): — «построить коммунистическое общество руками коммунистовъ — это ребячья, совершенно ребячья идея... Управлять мы сможемъ тогда, когда коммунисты сумѣютъ построить это хозяйство чужими руками»... Тутъ комментаріи излишни: Ленинъ былъ, конечно, хоть и похожъ на Ставрогина, но все же, «безъ привычекъ порядочнаго человѣка»! Если бы это было иначе, то такихъ фразъ въ его сочиненіяхъ не нашли бы.

Ставрогину это претило. Этимъ цинизмомъ отличался лишь Верховенскій и Ко. Поэтому-то эта «компанія» и не нравилась Ставрогину.

Ленинъ говоритъ дальше: «Мы люди вродѣ того, какъ бы полудикіе» (Томъ XVIII, часть 1-ая, стр. 382 Полнаго собранія сочиненій).

Сопоставимъ это со словами Шигалева «о равенствѣ въ рабствѣ и невѣжествѣ» его будущихъ жителей «рая». Троцкій пошелъ даже дальше. На XI-мъ съѣздѣ коммунистической партіи онъ сказалъ о «духовной вшивости» своихъ товарищей (стр. 262 стенограммы отчета о съѣздѣ). Эти «духовно вшивые люди», по словамъ Ленина, «суть лучшіе представители пролетаріата» («Полное собраніе сочиненій Ленина», стр. 356).

Міровая язва большевизма по Достоевскому

Великія прозрѣнія нашихъ классиковъ недостаточно изучены критикой, потому что вся она, почти до самой революціи, была въ рукахъ лѣвыхъ, начиная съ Бѣлинскаго, или же въ рукахъ правыхъ, какъ Гречъ, Булгаринъ — временъ еще Пушкинскихъ. Если мы ошибаемся въ именахъ, то никакъ не ошибаемся въ основѣ. Средняго мѣста никто не занималъ. Истинной критики, ни «правой», ни «лѣвой», а настоящей, имѣющей цѣлью одну Истину и благо народа, не было. Былъ ублюдокъ, правительственная цензура, съ чиновниками, боящимися за свое мѣсто, а потому необычайно придирчивыми. Гоголя заставляли они передѣлывать свои произведенія такъ часто и помногу, что тотъ истощилъ весь свой геній. У Достоевскаго эта безудержная цензура вырѣзала цѣлую главу изъ «Бѣсовъ» — Исповѣдь Ставрогина. Вырѣзывала цензура и изъ Гоголя цѣлыя главы. Какъ это могло случиться? А случилось это оттого, что народилась «интеллигенція» Бѣлинскаго, искавшая во всемъ обличенія, бичеванія и ниспроверженія. Сама власть должна была защищать незащищаемое крѣпостное право, а позже — социальный строй вообще. Первымъ долгомъ, надо заявить, что не было и не будетъ на землѣ вполнѣ защитимаго логически и съ точки зрѣнія чистой справедливости — строя. Значитъ, требовать, чтобы вотъ этотъ, данный строй, былъ немедленно и сейчасъ же справедливымъ на всѣ сто процентовъ — абсурдно. Можно совершенствовать строй, попутно съ совершенствованіемъ людей, какъ подчиненныхъ строю, такъ и его представляющихъ. Это такая истина, что даже неумный ее пойметъ! Однако, есть строи лучше и хуже. Строй, наприимѣръ, монархическій, какъ онъ понимался въ Россіи, лучше республиканскаго, ибо въ немъ отсутствуетъ продажность самого Главы государства. Строй Николая Перваго былъ хуже строя Александра Второго, но — и тутъ главное — уже со временъ Екатерины Второй шла подготовка къ реформамъ Александра Второго и освобожденію крестьянъ. Такъ, что и Николай Первый тоже былъ занятъ ими.

Въ это же время революціонеры требовали несуществующаго нигдѣ въ цѣломъ мірѣ: идеальности и справедливости строя, отлично, между прочимъ, понимал, что это требованіе неисполнимо. Такъ же, позже, — Ленинъ требовалъ передачи земли крестьянамъ и немедленнаго мира, отлично зная, что его требованія неисполнимы. Молодежь, отзывчивая на

добро, цѣликомъ вѣрила въ эти требованія, и народъ имъ вѣрилъ, потому что усталъ отъ войны и желалъ земли. Какъ только Ленинъ получилъ власть, немедленно онъ началъ терроръ, значить, отошелъ отъ всякой справедливости, отобралъ землю у крестьянъ и сталъ загонять ихъ сначала въ «коммуны», а Сталинъ позже — въ «колхозы»! Значить, никакой справедливости, да еще сейчасъ, на этомъ мѣстѣ, революціонеры не хотѣли народу дать, а «справедливость» была для нихъ лишь средствомъ всеобщаго соблазна. Это былъ червякъ на удочкѣ, на который они желали поймать все человѣчество.

Но «комплексъ немедленной справедливости» они создали вездѣ, и при его помощи вездѣ же ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Этотъ комплексъ идетъ какъ зараза, и о ней говорить Достоевскій въ снѣ Раскольникова («Преступленіе и наказаніе»). Однако, отмѣтимъ это прежде всего: армія въ 1917 году была занята внѣшнимъ врагомъ, германцами, а внутри Россіи царилъ разгулъ «тыловиновъ», пьянство, дебоши, и вся страна подъ вліяніемъ этихъ внутреннихъ враговъ, заразилась «комплексомъ немедленной справедливости», идущимъ отъ внутреннихъ враговъ еще болѣе крупныхъ, заключившихъ «договоръ революціи» уже въ 1914 году. Это значить, что когда патриоты шли добровольцами на фронтъ, эти люди уже приняли рѣшеніе противъ нихъ. Покойный Государь остался рѣшительно одинъ съ арміей для выполнения Русскаго Долга защиты отъ врага внѣшняго. Но такъ какъ образованное общество пошло на поводу у враговъ внутреннихъ, то оно оказалось противъ Царя и противъ Русскаго Долга (см. «Письмо П. Н. Милюкова», напечатанное въ «Жарь-Птицѣ»). Покойный Государь оказался одинъ, потому что армія была въ рукахъ генераловъ, очень своеобразно понимавшихъ свой Русскій Долгъ. Такимъ образомъ, Онъ былъ единственнымъ препятствіемъ къ осуществленію «немедленной справедливости», къ которой стремилась вся страна. Если были и другіе въ странѣ, то они не знали, что происходитъ и не понимали, что послѣдуетъ потомъ. А «потомъ» пришли «интеллигенты», сверзились, и на ихъ мѣсто явился злобѣщій Ленинъ, терроръ и кровь, смерть, кровь и кровь. Посмотримъ, какъ пришла самая «зараза» и какъ она реализовалась. Достоевскій пишетъ:

«Уже выздоравливая, онъ (Раскольниковъ) припомнилъ свои сны, когда еще лежалъ въ жару и бреду. Ему грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной морской язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны были погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, избранныхъ. Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшестввовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ и заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали другъ друга въ какой-то бессмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Въ городахъ цѣлый день били въ набатъ: созывали всѣхъ, но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, а всѣ были въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди сбѣгались въ кучи, со-

глашались вмѣстѣ на что-нибудь, клялись не разставаться, — но тотчасъ же начинали что-нибудь совершенно другое, чѣмъ сейчасъ же сами предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начинались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спаслись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слышалъ ихъ слова и голоса. . .»

Этотъ сонъ Раскольникова и оказался дѣйствительностью, уже сорокъ лѣтъ терзающей нашу страну подъ именемъ большевизма.

Что могъ сдѣлать Государь, когда вся Русская земля, какъ взбаламученное море, поплыла вбокъ? Что могъ сдѣлать на Его мѣстѣ кто угодно, если весь народъ двинулся, какъ въ ледоходъ рѣка, къ «невыразимо прекрас-

ному будущему»? Нѣтъ, тутъ былъ прямо какой-то фатумъ, одна изъ историческихъ нашихъ трагедій, когда люди, даже руководители революцій, ничѣмъ больше не руководятъ. Задержать, остановить всеобщее безумство можно было за годы до этого, послѣ откровеній Гоголя и Достоевскаго. Потомъ же, когда самъ фатумъ вмѣшался, было поздно.

Огромная заслуга Достоевскаго въ томъ, что онъ, какъ и Гоголь, предвидѣлъ все, что случилось, но и они оба, разсматривавшіе случившееся въ наши дни, какъ будущее, не могли дать рецепта предотвращения катастрофы. Однако, въ томъ-то и сила великихъ народовъ, что, впавъ въ бѣду, они сами находятъ и способъ изъ нея выбраться. Близокъ, близокъ этотъ часъ! Вѣрьте, братья, и вы увидите, какъ Господь поможетъ Россіи «встать и сѣсть у ногъ Христа», безъ котораго все равно жизни на землѣ не устроить!

